ВЕК ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник научных трудов по материалам национальной научно-практической конференции

Серия «Эпоха психоанализа»

ВЕК ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Национальная научно-практическая конференция

(Санкт-Петербург, 3 декабря 2022 года)

Материалы и доклады

Под редакцией профессора М. М. Решетникова

Восточно-Европейский Институт психоанализа
Санкт-Петербург
2023

УДК 159.9
ББК 88
В269

Рецензенты:

Авакумов Сергей Владимирович — *канд. психол. наук, доцент*
Саврацкая Елена Юрьевна — *канд. психол. наук, доцент*
Смарышева Виктория Алексеевна — *канд. психол. наук, доцент*

СЕРИЯ: «Эпоха психоанализа»

Век психоанализа в России: к столетию образования Русского психоаналитического общества. Сборник научных трудов по материалам национальной научно-практической конференции, проведенной в АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа» 03.12.2022 г. / Под ред. проф. М. М. Решетникова. — Санкт-Петербург: ВЕИП, 2023. — 194 с.

ISBN 978-5-91681-054-7

В сборнике опубликованы статьи практикующих психологов и психоаналитиков, преподавателей высшей школы и студентов, освещающие основные представления об истории развития и специфике психоанализа в России и за рубежом в начале XX века. Авторы рассматривают оригинальные теоретические разработки российских ученых и значимость их вклада в психоаналитическое лечение; особенности взглядов на семью и критику сексуальной составляющей психоанализа; приводят исследования ассоциативной деятельности в связи с гендерными особенностями и образованием; рассуждают о концепциях ненависти и деструкции; анализируют идеи значимых теоретиков психоанализа в контексте русской философии, литературы, драматургии и художественного творчества. Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся психологией и психоанализом.

Авторский коллектив: *Беркутова В.В., Григорьев Ю.Д., Зайцева И.В. (составитель), Кадис Л.Р., Исакова Е.Н., Кудрявцева М.Б., Кузьмина А.В., Лукашева Ю.В., Мануйленко О.Ю., Решетников М.М., Рудич С.А., Сак Ю.П., Симонова О.А., Славина О.Ю., Стрелкова Р.В., Строгонова Е.Ю., Топчий Н.В., Цветкова О.А., Шрайбер О.В.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ: ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА

Решетников Михаил Михайлович
доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье проводится анализ классического психоанализа и его влияния на современные терапевтические подходы. Автор рассматривает основные принципы, включая психоаналитическую нейтральность, социализацию, инсайт, сеттинг и значение кушетки, а также те изменения, которые произошли в работе над симптомами и в структуре проблем пациентов. Отмечаются особенности психоаналитических школ в прошлом и настоящем и то, как сегодня осуществляется терапия в рамках данного подхода, включая дистанционные методы лечения.

Ключевые слова: психоанализ, сеттинг, инсайт, кушетка, тренинг, нейтральность, филиация, схема лечения

Классическое наследие и его последующее развитие

В раннем психоанализе основные терапевтические подходы базировались на идеях особой роли вытесненных воспоминаний (детских и актуальных психосексуальных и других психических травмах), а также на восстановлении бессознательных содержаний, их интерпретации и инсайтах пациента. В центре внимания аналитиков находились преимущественно интрапсихические процессы и конфликты, выявление которых осуществлялось методом свободных ассоциаций, путем исследования сновидений и фантазий.

Однако постепенно фокус сместился на интерперсональный подход, а именно — качество отношений между пациентом и аналитиком как наиболее значимый фактор успешности

терапии. Сразу отметим, что это вовсе не отрицает значимость классических подходов З. Фрейда, которые остаются фундаментальными основаниями всего психоанализа. Напомним их еще раз с учетом некоторых современных нюансов:

— все мышление и поведение человека (как в норме, так и при патологии) подчиняется причинно-следственным законам, при этом психические механизмы регуляции мышления и поведения носят отчасти наследственный характер, а отчасти обусловлены особенностями воспитания и образования, а также превратностями судьбы, выпавшими на долю конкретной личности;

— мышление и поведение относительно строго мотивированы (детерминированы) всем предшествующим развитием и индивидуальной историей личности, ее прошлыми и актуальными психическими травмами, при этом сами мотивы чаще всего принадлежат бессознательному, то есть — скрыты от осознания без специального психоаналитического исследования;

— в бессознательном ничего не забывается и не стирается, все хаотически перемешано (включая фантазийные и реальные образы и события), не связано с формальной логикой и причинно-следственными отношениями, и существует в неопределенном времени, что определяет высокую «мобильность вложений», которые проявляются в любых рассказах той или иной личности или в материале пациентов; поясним, что понимается под «мобильностью вложений» — это, на первый взгляд, хаотическое смешение времени, места и последовательности реальных и фантазийных событий;

— наблюдаемые у здоровых людей или предъявляемые пациентами симптомы не несут практически никакой прагматической информации о реальной причине психического расстройства, они лишь указывает на ту или иную степень психического дискомфорта и демонстрируют потребность в психологической помощи или коррекции;

— феномены переноса, вытеснения, сопротивления, рационализации, отрицания, идентификации, интроекции, проекции и др., так же, как и анализ сновидений и ошибочных действий, остаются ключевыми понятиями и механизмами, которые

неизбежно проявляются как в процессе обычного человеческого общения, так и при любой терапии и должны адекватно учитываться и интерпретироваться;

— одной из наиболее существенных задач психотерапии является инсайт пациента, когда он (не без помощи аналитика, но и без его прямого участия) обретает способность устанавливать эмоциональные или смысловые связи между реальными образами, событиями, фантазиями, переживаниями и сновидениями, о которых он ранее не задумывался и даже не подозревал;

— несмотря на свою значимость, инсайт (когнитивный или эмоционально-аффективный) не является главной задачей терапии, которая не ограничивается тезисом «сделать бессознательное сознательным»; это лишь еще одна отправная точка для движения в сторону изменений;

— не менее существенным является открытие Фрейдом закона «сохранения психических содержаний», то есть любое событие, попадая в психику, никуда никогда не исчезает, но может преобразоваться из одной формы в другую, в том числе в патологические симптомы, а также то, что мышление и речь подчиняются разным законам;

— наиболее сложной и протяженной частью терапии является многократная и последовательная проработка аффективного материала в безопасной обстановке.

Что изменилось и как трансформировались классические подходы

Принцип психоаналитической нейтральности

В предыдущем разделе были приведены несколько ключевых положений теории Фрейда, а теперь обратимся к более позднему интерперсональному подходу, который уже получил широкое признание в современной России. До его появления господствующим был традиционный медицинский подход: терапевт выявляет симптом и лечит. Одно из главных положений интерперсонального подхода (применительно к любой модальности) можно было бы сформулировать так: психотера-

пия — это не то, что терапевт делает с пациентом, а то, что происходит между ними. Фактически, этот тезис сразу уводит нас от длительно существовавшего принципа психоаналитической нейтральности и одновременно предъявляет особые требования к личности терапевта как одного из главных участников специфического межличностного взаимодействия. Нужно подчеркнуть, что далеко не каждый может стать успешным терапевтом, даже получив солидную общеобразовательную, теоретическую и практическую подготовку. Для этого не менее, чем последние, требуется внутренняя (присущая личности, как таковая) культура общения, особые черты характера (прежде всего — доброжелательность и дружелюбность), искренний интерес к людям, душевная теплота, способность к эмпатии, эмоциональная зрелость и устойчивая система ценностей. Отдельно следует упомянуть высокую психоэмоциональную выносливость, так как материал, который приносят наши пациенты, иногда требует запредельного психического напряжения, и не на несколько часов или дней, а на годы. В современном российском психоанализе нейтральность остается востребованной, но далеко не всегда. Если пациент проявляет много эмоций, нейтральность уместна, если пациент не проявляется эмоций, аналитик своим примером показывает, что это возможно и безопасно.

Доращивание, социализация и инсайт

В целом, интерперсональный подход развивает идею Фрейда о доращивании и социализации пациента. В последние годы этот принцип нередко характеризуется как обучение или дообучение, который реализуется уже после достижения инсайта пациента. То есть этот этап терапии начинается только после того, когда терапевт, а затем с его помощью — и пациент, уже установили причинно-следственные и смысловые связи между событиями и чувствами, о существовании которых пациент ранее даже не подозревал. Сделаем существенное примечание: в отличие от классической техники, терапевт не формулирует инсайт и не подносит его как «подарок» пациенту — он подводит его к собственному инсайту, но может прини-

мать участие в интерпретации инсайта пациента, когда тот уже состоялся. Такая интерпретация практически всегда способствует снижению тревоги и эмоционального напряжения, особенно, если пациент доверяет терапевту и у них сформировался достаточно прочный терапевтический альянс.

После дополнительной терапевтической интерпретации (повторим еще раз — основная предоставляется пациенту), а чаще — после нескольких интерпретаций, которые носят отчасти дидактический, а отчасти суггестивный характер, у пациентов нередко возникает эффект «сверх-понимания» и благополучия, который катализируется явным или скрытым одобрением (или выражением удовлетворенности достигнутым) у терапевта. Терапевт может оценить это как существенный шаг к более зрелому восприятию собственной личности и поведения, и некоторые коллеги вполне удовлетворяются таким преодолением невротического конфликта. Но чаще всего это оказывается весьма неустойчивым и кажущимся успехом. В процессе проработки к инсайту и к различным (или даже одним и тем же) вариантам его интерпретации целесообразно обращаться многократно. Здесь психотерапия смыкается с дидактикой и следует тем же принципам, как и при социализации ребенка в детстве, когда его последовательным и многократным (доброжелательным) убеждением приучают к горшку, мытью рук или формируют представления о добре и зле в процессе многократного рассказа (или пересказа с элементами интерпретации) одних и тех же сказок.

Повторим еще раз. Роль ранних (травматических) воспоминаний и индивидуальной истории ничуть не умаляется, но и не рассматривается в качестве основной цели психокоррекционного воздействия или отправной точки будущих изменений. Именно поэтому качественно изменилось отношение к психоаналитической нейтральности. Этот принцип был объективно необходимым на исследовательском этапе развития психоанализа. Поясним эту идею на простом примере. Если мы исследуем процессы горения того или иного вещества, естественно, что в этом случае исследователю отводится роль предельно пассивного нейтрального наблюдателя, который фиксирует все происходящие при этом процессы — температуру горения,

длительность, продукты горения и т. д. Он исследует именно процессы горения, а не то, почему эти процессы происходят, как этих процессов избежать или прекратить их. Точно так же появление микроскопа стимулировало массу открытий, включая, например, открытие формулы крови, подсчет количества лейкоцитов, тромбоцитов и т. д. Но эти новые методы исследования не предоставляли никаких прагматических данных для успеха терапии. Врач-исследователь и врач-терапевт — это вообще разные специальности. Продолжая эту аналогию, следовало бы признать, что некоторые аналитики в своей работе продолжают следовать исследовательской парадигме Фрейда. В этом нет большого греха, если они ставят именно исследовательские задачи или если речь идет о первом этапе терапии (диагностических сессиях). Но на последующих этапах нейтральность аналитика может приобретать характер негативного фактора терапии и оцениваться пациентом как отстраненность, душевная холодность, отсутствие интереса к его личности или даже молчаливое презрение и отвержение. Добавим, что нейтральный аналитик рядом с рыдающим от душевной боли пациентом — это что-то наподобие стоматолога-садиста, пренебрегающего обезболиванием. В целом, нейтральность — это предельно искусственное отношение, к которому могут быть определенные показания, и которое может применяться, когда это необходимо. Но оно уже давно не входит в перечень основных правил психоанализа. Одновременно с этим более взвешенный подход к принципу нейтральности вовсе не означает, что терапевту позволяется высказывать некие оценочные суждения, поощрения или порицания, или навязывать пациенту свою систему эталонов поведения и ценностей. Пациент всегда отчасти идентифицируется с терапевтом и одновременно приписывает ему даже те позитивные качества, которых у последнего может не быть. Более того, в рамках этой (отчасти фантазийной) идентификации с терапевтом пациент склонен формировать свои преконцепции о здоровой личности, адаптивном реагировании, системе смыслов и ценностей, отражая и интроецируя личность терапевта, но терапевт, повторим еще раз — не может и не должен ничего навязывать.

Исследуя проблемы пациентов, чрезвычайно важно установить источники и историю развития той проблемы, которую он предъявляет в качестве основной. Чаще всего отклонения в нормальном развитии происходят незаметно, как бы исподволь, и лишь затем (по истечении какого-то периода времени) приобретают реальное звучание. С точки зрения внутренних ресурсов личности целесообразно уточнить — были ли провоцирующие факторы мощными и одномоментными или психическое расстройство развивалось постепенно, путем накопления нескольких, на первый взгляд, не таких уж существенных (для кого-то другого) аффектов, то есть: с каким адаптивным и дезадаптивным багажом пациент приходит в терапию? Дополнительным вопросом является установление интрапсихического или межличностного психогенеза предъявляемого материала.

Симптом

Существенные изменения происходят и в отношении симптомов. Как известно, в начальный период развития психоанализа считалось, что, в отличие от соматической медицины, симптомы никак не указывают на причины страдания пациентов или «поврежденные» области психики, они лишь демонстрируют ту или иную степень психического расстройства, причем одни и те же симптомы могут иметь самые различные причины. Это, безусловно, верно. Поэтому нашими предшественниками подчеркивалось, что работа аналитика вовсе не должна быть ориентированной на устранение симптома, так как без выявления и проработки психодинамических факторов, лежащих в его основе (которые у всех пациентов разные), рецидивы неизбежны. Чаще всего в этом случае один симптом заменяется другим, как это было в случае Анны О., когда нервный кашель, неспособность говорить на родном языке и т.д. сменились синдромом мнимой беременности [3]. Более того, хорошо известно, что интрапсихические механизмы образования симптомов во всех случаях глубоко индивидуальны, а объективные проявления психического страдания могут быть одними и теми же. В этом есть и остается определенная доля истины. Тем не менее, как показывает клиническая

практика и систематические исследования, симптом-ориентированная терапия может быть достаточно успешной, а устранение симптомов приводит к существенному улучшению состояния пациентов, иногда вполне удовлетворяет их запрос, а состояние и самочувствие могут оставаться после такой терапии вполне удовлетворяющими пациентов на протяжении неопределенно длительного времени. Ощущение внутреннего комфорта также позитивно сказывается на межличностных отношениях пациентов.

В любом случае, терапевт исходит из запроса пациента, его духовных, ситуационных, временных и финансовых возможностей. Если пациент ориентирован исключительно на избавление от симптома, и параллельно сообщает, что для систематической терапии у него есть всего 2—3 месяца и на такой же период рассчитаны его материальные ресурсы, этот запрос должен быть удовлетворен (и в этом случае целесообразно сочетать психоанализ с некоторыми техниками из когнитивно-бихевиоральной терапии). Совершенно иные терапевтические походы и техники, а также иной сеттинг предлагаются, когда пациент не органичен во времени и средствах и хотел бы «разобраться в себе», имеет явные характерологические особенности или страдает пограничной патологией.

Сеттинг

На протяжении длительного периода основное различие между психоанализом и психоаналитической терапией (при множестве мелких нюансов) было связано с интенсивностью сеттинга. Считалось, что, если сессии проводятся реже, чем четыре раза в неделю, это не может именоваться психоанализом, так как вряд ли будет способствовать адекватной психодинамике, формированию переноса и достижению инсайта и должно рассматриваться как психоаналитическая терапия. Точно с таких же позиций оценивался профессиональный тренинг психоаналитиков. При этом протяженность последнего составляла, как минимум, четыре-пять лет, а иногда растягивалась на десять лет, в связи с чем у коллег возникал естественный

вопрос: неужели все потенциальные аналитики более нарушены, чем их будущие пациенты?

Однако постепенно все больше даже ортодоксальных психоаналитиков (правда — мотивируя это финансовыми проблемами и затратами времени пациентов) начали переходить на три, две и даже одну сессию в неделю, как с пациентами, так и анализантами, проходящими профессиональный тренинг. При этом оказалось, что психотерапевтический процесс и его успешность, во всяком случае — у пациентов с невротическим уровнем организации личности, никак не страдают. Имеются отдельные наблюдения, что даже у пациентов психотического уровня (в случае их относительной адаптации к требованиям культуры и социума) наблюдается реальный прогресс при самом низком уровне сеттинга. Тем не менее встречаются пациенты, которые проявляют заинтересованность именно в высочайшей интенсивности сеттинга. В некоторых случаях высказываются просьбы о двух сессиях в день — утренней и вечерней, без которых, по словам пациентов, им «просто не выжить». Фактически, формируется новый невроз или новая зависимость — все мысли таких пациентов и вся их жизнь оказываются поглощенными процессом психотерапии. Они бы с удовольствием вообще не расставались с терапевтом и активно демонстрируют желание его «поглощения». Естественно, что такой вариант развития никак не приближает пациента к каким-либо позитивным изменениям. Для таких пациентов характерно типичное (высказываемое или тайное) заблуждение, что именно психотерапевт и сам процесс общения с ним приведет к желанным результатам, а их собственные усилия и энергия направляются не на внутренние проблемы, а на принуждение терапевта тратить на них как можно больше времени, нередко, в общем-то, без особого эффекта. Нужно признать, что при высокой платежеспособности пациента, в некоторых случаях им удается реализовать их «понимание» психотерапевтического процесса и навязать терапевту именно такой стиль межличностного общения, не имеющий никакого отношения к психотерапии. Психотерапевт любого направления всегда отчасти принимает на себя роль воспитателя (преимущественно путем «корректирующего эмоционального опыта» — по

Ф. Александеру, или «дозированной интроекции кусочков своего Супер-Эго пациенту» — по Дж. Стрейчи), но ни в коем случае — круглосуточной няньки для неспособного к рефлексии «младенца» [1].

Безусловно, если у пациента, например, с паническими атаками, зашкаливает уровень тревожности, вначале сессии могут быть более частыми, как минимум, 2—3 раза в неделю. Но по мере купирования таких приступов или снижения их интенсивности целесообразно сокращать количество сессий до двух или даже одной в неделю. Если рабочий альянс сформирован, а психодинамический процесс запущен, он продолжается независимо от того, находится ли психоаналитик рядом или в другом городе. Терапевт не должен становится костылем для пациента «с травмой», наоборот — ему нужно всеми силами препятствовать формированию у пациента представлений, что он способен уверенно перемещаться по жизни только при наличии этой опоры. Главная задача психотерапевта принципиально иная — помочь пациенту обрести веру в себя и свои силы.

Гибкость сеттинга

Как ранее, так и сейчас многие терапевты тяготеют к жесткости сеттинга. После обсуждения того, насколько это удобно для пациента и для терапевта, обычно устанавливаются конкретные дни визитов и их временные рамки. Например, только по вторникам и четвергам, с 17.00 до 17.45. Однако нужно не забывать, что мы живем в чрезвычайно динамичное время, а наши пациенты в ряде случаев демонстрируют (вернее — вынуждены демонстрировать) высочайшую мобильность: во вторник пациент был еще здесь, а в четверг — обязан быть в Новосибирске или в Париже. Кроме высоких профессиональных качеств психоаналитик должен обладать самой обычной человеческой доброжелательностью и с понимаем относиться к запросам пациента, ибо терапия — это лишь часть жизни наших клиентов. Встречи могут (по взаимному согласию) переноситься, отменяться, пролонгироваться или даже сокращаться. По мере улучшения психоэмоционального состояния пациента или снижения остроты проявлений его симптомов частота сессий

обычно снижается, а может уменьшаться и их протяженность (например, до 30 минут). Согласие пациента на такие предложения терапевта — это еще одно свидетельство прогресса терапии. При завершении терапевтических отношений вполне эффективными и одновременно подготовительными к расставанию могут быть промежутки между сессиями в 1—2 недели и даже в 1 месяц. В других случаях, опять же — по обоюдному согласию терапевта и пациента, сессии могут быть нерегулярными, но этот вариант не относится к начальному периоду терапии, так как в это время стабильность сеттинга играет роль самостоятельного терапевтического фактора. Пациента не лечат, более того, сообщение человеку с расстройством психики, что он «больной», носит уничижительный и оскорбительный характер. Пациентам помогают развиваться, восстанавливать и укреплять их Эго, обучают их способности общения со своим внутренним миром, замечать, понимать и принимать те позитивные изменения, которые происходят в процессе терапии.

Кушетка и ее значение

О значимости кушетки как некоего маркера психоанализа, способа достижения состояния относительной релаксации и более комфортных условий для обсуждения интимных и сокровенных тем (когда взгляд глаза в глаза исключается) написаны десятки статей и книг. Но не наличие кушетки делает сеансы психоаналитическими. Они становятся таковыми только в случае применения адекватных психоаналитических техник, квалифицированной работы с сопротивлением, переносом и защитами. В последние десятилетия получает все большее распространение подход, который базируется на обсуждении (вместо директивного предложения «прилечь на кушетку») той позы, которую предпочитает конкретный пациент. При этом приоритетным является мнение пациента. Безусловно, положение лицом к лицу создает больше напряжения у обоих участников терапевтического процесса. Но одновременно при этом снижается вероятность существенного регресса пациента в терапии, а взаимодействие с терапевтом обретает дополнительный невербальный фон (в том числе – считываемый с лица

терапевта), делает общение более активным и естественным, так же, как и формирование переноса (как позитивного, так и негативного). В целом, перенос формируется как своеобразное отраженное чувство, как реакция на искреннюю заинтересованность в общем-то (вначале) постороннего для пациента человека к его проблемам и переживаниям. Дополнительно отметим, что глубокая регрессия, которая ранее считалась почти естественным и некоторое время — даже важным компонентом терапевтического процесса, в настоящее время большинством терапевтов не поощряется, более того — ее стараются не допускать. Если пациент лежит на кушетке, при появлении заметного регресса, ему обычно предлагают провести оставшуюся часть сессии лицом к лицу.

Положение лицом к лицу предъявляет повышенные требования к невербальным посылам терапевта, способствует определенной фиксации пациента на обсуждаемой теме, а осознание зрительного контроля терапевта нередко в существенной степени снижает возможности пациента для сопротивления — в его сознании или даже бессознательном невольно формируется представление, что терапевт и так все видит по его лицу. Некоторые начинающие специалисты пытаются говорить с пациентами неким «особым голосом» или с особыми интонациями, или с неким особым выражением лица. Все это можно было бы охарактеризовать одним термином — «псевдородительская позиция». Ничего этого не требуется. Наиболее точную рекомендацию дал в свое время Карл Роджерс: «Человек пришел к человеку» [2]. А все наши отличия от других людей состоят только в облеченности высоким знанием о механизмах функционировании психики, как в норме, так и при тех или иных психических расстройствах, а также — в желании и способности реально помогать, поощряя пациента к достижению автономии. Проблема сепарации не должна появляться только на заключительном этапе терапии, она должна присутствовать с самого начала, вплоть до установления (по согласованию с пациентом) конкретной протяженности терапии и срока ее окончания. Эти конкретные даты и сроки, вне сомнения, могут обсуждаться и переноситься, но для некоторых пациентов такие временные и финансовые «рамки» чрезвычайно важны и

становятся мощным стимулом работы над собой, поощряя естественное для любого человека стремление к независимости. Такой подход может быть достаточно адекватным для пациентов с невротическим уровнем психических расстройств, но для пограничных пациентов и в других, более серьезных случаях, как правило, требуется достаточно длительная терапия.

Понятие «лечения»

Практически до конца XX века психоаналитики, следуя медицинским канонам, в своих публикациях и в повседневной жизни традиционно именовали своих пациентов больными, их психические расстройства — болезнями, а свое взаимодействие с ними лечением. Однако постепенно, скорее интуитивно, чем на основе какой-то новой концепции, все больше коллег стали употреблять определения «клиент» или «пациент», говорить о личностных нарушениях или тех или иных психических расстройствах, и о терапии или психологической коррекции. И хотя терапия – это синоним лечения, но в этом варианте этот термин приобрел качественно иное, можно сказать — психологическое содержательное наполнение. Это по сути стало, с одной стороны, первым шагом в сторону ухода от медицины и ее биологических концепций, а с другой — переходом к метапсихологической и психодинамической парадигмам всей психотерапии. Выше уже упоминалось, что симптом имеет применительно к психопатологии принципиально иное значение, а понятие «болезнь» по всем медицинскими критериям вообще не применимо к психическим расстройствам, так как когда что-то обозначают термином «болезнь», подразумевается, что строго выполнен целый ряд фундаментальных положений. В частности, что установлено и точно описано:

1) чем она вызывается, то есть – установлен ее этиологический фактор — вирус, бактерия, химические или физические факторы и т. д.;

2) по каким физиологическим механизмам она развивается (ее патогенез);

3) какие органы и ткани организма при этом поражаются болезненным процессом, и как эти изменения в органах и тканях

проявляются на макроскопическом уровне и при микроскопическом исследовании;

4) какие телесные симптомы проявляются на тех или иных стадиях развития болезни;

5) по совокупности каких симптомов выносится заключение, что человек страдает именно таким заболеванием, а не каким-то другим;

6) какие клинические, аппаратурные (рентген, ЭКГ и т. д.) и биохимические анализы позволяют подтвердить, что речь идет именно об этом конкретном заболевании;

7) какова схема лечения;

8) каковы критерии выздоровления.

Естественно, все это не имеет никакого отношения к психике. В принципе, практически любой хороший врач общей практики, если ему предоставить весь перечень клинических анализов и данные аппаратурных исследований, даже не видя пациента, с высокой долей вероятности поставит верный клинический диагноз. Но не существует ни одного сколько-нибудь надежного биологического маркера, который позволил бы сказать, что у этой личности нет никаких психических расстройств, а у этой невроз или пограничное расстройство. Единственными диагностическими критериями для психотерапевтов (впрочем, и для врачей-психиатров) являются речь и поведение пациентов. Но и это не главное отличие. Этиологические факторы в большинстве случаев (за исключением органической патологии) имеют психогенную природу, вместо биологического понятия патогенез, уже давно утвердился термин психогенез, диагностика проводится по вербальным и невербальным феноменам, а терапия осуществляется путем межличностного взаимодействия, а также — отчасти суггестивного и дидактического воздействия на психику, природа которых остается глубоко гипотетической. Поиски этой природы продолжаются несколько тысячелетий. С эпохи Гиппократа, который объявил психику функцией мозга, ее искали в извилинах и желудочках мозговой ткани, затем в нервных проводниках и синапсах, в обмене нейромедиаторов, но так и не нашли. В психоанализе психика исходно рассматривалась как эпифеномен, поэтому психоаналитики практически

не употребляют фразы типа «мне пришло в голову» или «это у вас связано с нервами». Нервы — это просто проводники нервных импульсов, а мысли приходят на ум, воспоминания всплывают в памяти, а переживания переполняют душу. Эти психические структуры также являются гипотетическими, но не несут в себе грубо-материалистического предельно примитивного содержания.

Соответственно решается вопрос и о том, в каких терминах описывается выздоровление. Весьма популярные высказывания о том, что те или иные психические расстройства излечиваются с помощью психотерапии — это что-то из области прямого переноса в нашу область практики типичных подходов биологической медицины. Там, безусловно, бывает излечение от инфекционных, соматических или даже онкологических заболеваний. И врач при выписке пациента с чувством высокого (и заслуженного) профессионального удовлетворения может вписать в медицинскую карту «практически здоров». Никто из нас таких заключений никогда не выдавал, и не будет выдавать. Ни один человек никогда не защищен от новых психологических проблем и не свободен от своего ближайшего окружения, специфики социально-экономических и политических процессов, потому что — жизнь исходно травматична. То, что мы делаем, наряду с уже неоднократно упоминавшимися процессами «доращивания» и повышения адаптивного потенциала личности, прежде всего, состоит в развитии способности к адекватной психоэмоциональной регуляции и личностному росту, которые, получив соответствующий «импульс» в терапии, могут продолжаться на протяжении всей жизни человека.

Изменение в структуре проблем пациентов

В начале своего пути психоанализ уделял особое внимание психосексуальным проблемам. Как известно, описывая эти проблемы, Фрейд указывал, что в рассказах пациентов достаточно трудно отличить правду от вымысла и фантазий на тему эдипова комплекса и инцестуозных отношений. Тем не менее, многие психоаналитики направляли свои поиски именно в этом

направлении, нередко «преуспевая», вплоть до навязывания пациентам фантазий и вымыслов о событиях, которых никогда не было. Современный психоанализ уже не страдает излишним вниманием к психосексуальному фактору, за которым нередко скрывается популярность (в обыденной жизни) слухов и сплетен по поводу этих психоаналитических феноменов и индивидуально трансформированная интерпретация родительской заботы и ласки.

По сути, уже давно общепризнанно, что мать (а иногда и отец), как объект, который заботится о соблюдении правил гигиены, в том числе — в отношении аногенитальной сферы, купает и ласкает ребенка, является исходно «соблазняющей» фигурой. И эти вполне адекватные действия затем могут дополняться различными инцестуозными фантазиями детей, которые целесообразнее «развенчивать» в процессе терапии, чем создавать у обратившего к аналитику взрослого предположения о некой непоправимой психической травме или исходной порочности. Безусловно, здесь не идет речь о сексуальном надругательстве над ребенком, не достигшим половой зрелости.

В наш стремительный век, когда взрослые бесконечно поглощены проблемой заработка и карьеры, а свободное время посвящают ТВ и ПК, гораздо чаще приходится сталкиваться с проблемой недостатка любви, внимания и заботы со стороны родителей, отсутствием у ребенка опыта систематического общения с родителями того и другого пола, их холодностью и погруженностью в собственные заботы. В совокупности это можно было бы обозначить как нарастающая родительская депривация, которая становится относительно независимой от реального наличия или отсутствия отца и матери. При этом видимость заботы создается за счет переключения внимания еще довербального ребенка на мультфильмы, а затем – на компьютерные (якобы развивающие) игры и все более современные гаджеты. Но психика ребенка так устроена, что он любит не игры, а тех, кто с ним играет, кто, следуя принципу удовольствия, реализует его потребность в общении. Именно поэтому такое распространение получили феномены компьютерной и прочих зависимостей, которые постепенно уводят ребенка от реальности, виртуализируют его чувства, не

позволяют адекватно формировать полоролевые индентификации, Я и Сверх-Я, а с учетом преобладающих в современных компьютерных играх единоборств, стимулируют развитие агрессивности и одновременно формируют ряд иллюзорных представлений, например, о «запасных жизнях».

Дистанционный психоанализ

Если бы кто-то 20 лет назад спросил, возможно ли проводить психоанализ по телефону, в 99% случаев он получил бы в ответ категорическое «нет». Как поясняли некоторые именитые коллеги в то время: исповедь проводится в исповедальне, а психоанализ — в кабинете аналитика, добавляя вполне рациональное — нельзя работать с пациентом, не фиксируя его невербальные реакции. И в последнем случае они были совершенно правы. Но мы живем в чрезвычайно динамичное время. Многие люди меняют даже место жительства, чтобы не тратить по 1,5—2 часа на проезд к месту работы и столько же обратно. Рационально ли требовать, чтобы пациент систематически тратил такое же время, для того чтобы 2 раза в неделю получить 45—50-минутную сессию психоанализа, в которой он нуждается? А учитывая число профессионально подготовленных психоаналитиков в нашей стране (преимущественно — в мегаполисах) и ее просторы, проблема усугубляется еще больше, например, когда ближайший аналитик находится в трехстах, а то и в тысяче километров от заинтересованного в психотерапевтической помощи. Кроме того, несколько сот тысяч наших соотечественников давно живут за рубежом, но и они хотят проходить анализ на родном языке, и абсолютно правы; анализ на иностранном — это некий эрзац анализа.

Наш, уже более чем 30-летний практический опыт, показывает, что психоанализ вполне эффективно может проводиться дистанционно: по телефону, скайпу или даже в форме писем. Тем не менее во всех таких случаях целесообразно, чтобы первые 10—15 сессий были проведены очно. Мы все живем в эпоху интенсивного развития дистанционных технологий: уже давно существуют доктрины дистанционной войны, дистанционного управления, голосования, не так давно начали развивать-

ся дистанционные образовательные технологии. Психоанализ не является неким исключением. Противодействовать прогрессу нельзя, к нему нужно адаптироваться.

Принцип филиации

В раннем периоде развития психоанализа в нем было много от своеобразного «сектантства» и особых правил, постулатов и догм, которые строго соблюдались «группой посвященных». Особое значение придавалось филиации, то есть «родословной» аналитика. На протяжении определенного времени аналитиками могли считаться лишь те, кто прошел анализ у кого-то, кто хотя бы пару раз анализировался Фрейдом или у того, кто прошел анализ у кого-то, чей аналитик был анализирован кем-то «по прямой линии» от Фрейда. Это, в целом, воспроизводило ситуацию крещения и «рукоположения в сан», что применительно к XXI веку звучит как анахронизм. С таким же успехом математиками можно было бы считать только тех, кто ведет свою родословную от Пифагора, физиками — от Ньютона, а философами — прямых потомков Аристотеля. Но в конце XX века в традиционных психоаналитических сообществах проявилась новая тенденция. Констатируя значительное увеличение среднего возраста своих членов (более 70 лет) и отсутствие притока новых кандидатов, которых не вполне удовлетворяла перспектива начать многолетний тренинг, не имея представлений о его границах и сроках окончания, было принято решение о возможности признания тренинга, полученного в некоторых других сообществах, с пренебрежением принципом филиации. При этом вначале речь шла об индивидуальных подходах в каждом конкретном случае, но затем в традиционные психоаналитические ассоциации начали кооптироваться целые сообщества сразу. В целом это соответствует духу времени и нет сомнений, что эта тенденция к объединению будет усиливаться.

Психоаналитическое образование и тренинг

Психоаналитический тренинг был впервые введен в Берлинском институте психоанализа (1924), которым руководил Макс Эйтингон. Но его задачи еще до этого были четко определены Фрейдом. Они достаточно ясны и не нуждаются в

особом обосновании. Во-первых, будущий специалист должен на собственном примере убедиться, что у него есть бессознательное, а вскрытые психоанализом механизмы работают, теория психоанализа реально отражает законы психического функционирования и проявления тех или иных психических феноменов. Во-вторых, он должен почувствовать себя в роли пациента, чтобы лучше понимать, какие переживания тот испытывает в процессе терапии. И в-третьих, будущий специалист должен максимально проработать собственные проблемы, чтобы затем не привносить их в терапию и не отыгрывать на пациенте. Эти правила не утратили своей актуальности и продолжают реализоваться всеми существующими школами психоанализа.

Но психоанализ, как уже было показано выше, не является догмой; его методы и техники систематически модифицируются, а границы постоянно расширяются. Как писал в свое время венгерский психоаналитик Шандор Ференци, в принципе, можно все, «если знаешь, зачем», естественно — за исключением сексуального, эмоционального, материального или любого другого варианта злоупотребления пациентом. Досужие рассуждения некоторых коллег из смежных направлений психотерапии о том, что психоанализ умирает, также не выдерживают критики. Здесь ситуация примерно такая же как с космосом: лет тридцать назад даже малограмотные люди знали номера и названия всех спутников, а всех космонавтов — поименно; но попытайтесь в наше время спросить: «Кто именно сейчас на орбите и как это связано с улучшением работы наших мобильных телефонов, навигаторов, планшетов и других гаджетов?». Психоанализ уже давно имплицирован не только во всю профессиональную психотерапевтическую культуру и современное искусство, он вошел в обыденную жизнь и стал ее естественным духовным компонентом.

Когда в середине 1960-х выдающийся английский психоаналитик Джозеф Сандлер впервые в истории начал преподавание психоанализа в британских университетах, далеко не все коллеги отнеслись к этому революционному начинанию однозначно. Многие тяготели к традиционной закрытости психоаналитического знания от широкой аудитории и сохране-

нию своеобразного кастового положения группы посвященных с приверженностью (по определению Отто Кернберга) «монастырской модели» профессионального тренинга. В соответствии с этой моделью будущий аналитик должен был на протяжении достаточно длительного времени демонстрировать свою особую лояльность именно к конкретному психоаналитическому направлению и конкретной психоаналитической школе. К нему присматривались (иногда — несколько лет) и затем (на основе специального отбора) поощряли званием кандидата на членство в том или ином обществе и назначали ему персонального аналитика, которого он, возможно, до этого никогда не видел. И даже если он ему не нравился, например, как личность, кандидат не мог отказаться, точнее — мог, но всего один раз. Сессии, как уже отмечалось выше, должны были проводиться не менее четырех раз в неделю, а срок профессионального тренинга не имел никаких рамок — он мог длиться годами и даже десятилетиями, а решение о завершении анализа принимал аналитик. Он же решал, когда кандидату можно начать собственную практику, а в ряде случаев этого не разрешалось вплоть до завершения личного анализа. Отказ от назначенного аналитика (до того, как он решит, что анализ завершен) в 100% предполагал, что весь предшествующий тренинг (3—5 лет) аннулируется, и все начинается сначала. Психоаналитическое образование было не систематическим и осуществлялось в форме посещения тех или иных семинаров и чтения статей и книг, которые рекомендовал все тот же личный аналитик. После того, как начиналась практика, будущему специалисту назначались, как правило, два или более супервизора, которые уже совместно решали — готов ли кандидат к тому, чтобы получить звание члена общества. По завершении такой обычно 10—12-летней подготовки кандидат получал сертификат специалиста, который не имел законной силы нигде, за пределами той общественной организации, где он проходил подготовку, включая, например, другое психоаналитическое общество.

Во многих традиционных психоаналитических обществах эта система действует до настоящего времени. Но затем аналитики начали критически пересматривать эту систему. Постепенно (и именно в России!) начали формироваться

представления, что психоаналитическое образование и психоаналитический тренинг — это принципиально разные варианты подготовки. Начали открываться первые институты психоанализа (первый — ВЕИП — открылся в 1991), и формироваться систематические университетские курсы преподавания этой дисциплины (как раздела психологии и психотерапии) с ориентацией на официальное (государственное) признание полученных дипломов. При этом тот, кто получил психоаналитическое образование, если он не намерен стать практикующим психоаналитиком, вовсе не обязательно должен проходить профессиональный тренинг (с которого ранее все начиналось, причем — до психоаналитического образования). Он может заниматься психоанализом культуры, социума, рекламы, бизнеса и т. д. или применять свои знания в повседневной жизни. Для тех, кто ориентирован на практику, был введен ряд новых вполне демократических правил. Анализант сам выбирает своего аналитика из числа лиц, допущенных к тренинговой работе. В российском психоанализе впервые в мире был установлен четкий стандарт в начале психоаналитического академического образования, а затем — и психоаналитического тренинга (как минимум, 250 часов), после прохождения которых анализант самостоятельно принимает решение о завершении анализа в связи с выполнением тренинга. Начиная практику, анализант сам выбирает двух или более супервизоров из числа специалистов, допущенных к супервизорской работе, а объем учебных супервизий ограничивается как минимум 150 часами. При этом решение о завершении тренинга принимает сам анализант или супервизант. Но оказалось, что около 90% уже после выполнения стандарта тренинга принимают решение о его продолжении, но это уже их самостоятельное решение и качественно иная морально-психологическая ситуация.

Добавим, что на протяжении многих десятилетий аналитики различных направлений (классического, юнгианского, лакановского и др.) фактически не контактировали, а их отношения строились примерно так же, как между религиозными сообществами, принадлежащими к разным конфессиям. Такой изоляционизм, естественно, существенно сказывался на развитии психоанализа и обмене опытом. Российские психоана-

литики в числе первых провозгласили новый основополагающий тезис: «Все, кто выполнил установленные стандарты профессионального образования и тренинга в любом из уважаемых сообществ, работают с переносом и сопротивлением, — являются нашими коллегами».

Современный психоанализ — это открытая и активно развивающаяся образовательная платформа, без которой трудно представить не только психотерапию и психологию, но и социологию, политологию, культурологию, филологию и историю, да и всю современную культуру в целом.

Библиографический список:

1. Решетников М. М. Психоанализ: учебник для бакалавриата и магистратуры — М.: Юрайт, 2016. — 317 с.
2. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М.: Прогресс, 1994. — 479 с.
3. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 1. Исследования истерии. — СПб.: ВЕИП, 2020. — 448 с.

MODERN PSYCHOANALYSIS (ST. PETERSBURG SCHOOL)

Reshetnikov Mikhail Mikhailovich
doctor of psychological sciences, candidate of medicine, professor,
rector of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The evaluation of the classical psychoanalysis and its influence on the modern treatment approaches is given in the article. The author reviews the main principles, including the psychoanalytic neutrality, socialization, insight, setting and the meaning of the psychoanalytic couch, as well as those changes, that have occurred in symptoms treatment and the structure of patients' problems. The peculiarities of psychoanalytic schools in past and present, and the current therapy process within the given approach, including the distant treatment methods are studied.

Keywords: psychoanalysis, setting, insight, neutrality, couch, filiation, treatment setting

Раздел 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА НАЧАЛА XX ВЕКА

1.1. ПСИХОАНАЛИЗ И МАРКСИЗМ: ПОЛЕМИКА 1920-х ГОДОВ О ПСИХИКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Беркутова Вероника Валерьевна
психоаналитик, старший преподаватель
кафедры теории психоанализа АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассказывается о становлении и причинах исчезновения психоанализа в России в первой трети XX века. Автор анализирует тексты об учении З. Фрейда, печатавшиеся в марксистских изданиях 1920-х годов, выделяет ключевые вопросы полемики и показывает точки зрения как сторонников, так и противников психоанализа. В частности, большое внимание уделяется дискуссии о том, является ли психоанализ материалистическим или идеалистическим течением и насколько его можно сопоставить с направлением рефлексологии; о том, какова роль индивидуального и коллективного в становлении человеческой психики; а также вопросу о природе и всеобъемлемости сексуальных влечений.

Ключевые слова: марксизм, диалектический материализм, первые российские психоаналитики, критика учения Фрейда, история становления и судьба психоанализа в советский период

История становления психоанализа в России в начале XX века

Психоанализ появился в России еще до Октябрьской революции и распространился во многом быстрее, чем в большинстве европейских стран. Отчасти это было обусловлено особенностями эпохи Серебряного века, чувствительной к исследованию внутреннего мира человека и его темных составляющих, отчасти — литературоцентризмом общества, с увлечением воспринимающего идеи писателей, которые

детально разрабатывали психологию поведения персонажей [7; 21].

Рубеж XIX—XX веков — время тревог и перемен, и идея о том, что за психическими заболеваниями стоят не физиологические или наследственные факторы, а скрытые в бессознательном вытесненные переживания, нашла свой отклик в среде не только писателей, но также врачей-психиатров. Многие врачи, представители российской интеллигенции, проходили обучение на Западе и были заинтересованы в осмыслении зарубежных психологических концепций. Такие первопроходцы психоанализа, как Н. Н. Баженов, Н. А. Вырубов, Н. Е. Осипов, имели независимую частную практику и с большим вниманием отнеслись к психоанализу, чем специалисты, работающие в государственных институтах.

В Европе психоанализ выполнял критическую функцию по отношению к патриархальной культуре и викторианским нравам XIX века, в России он попал на другую почву. В сфере официальной медицины он встретил сопротивление из-за того, что большую роль отводил сексуальности, а также из-за того, что учение о бессознательном подрывало веру в разум и возможность объективного научного познания. Однако в небольших кружках и сообществах возникает интерес, читаются доклады по работам З. Фрейда, начинают зарождаться первые исследования, посвященные анализу произведений и судеб великих русских писателей.

Вопреки расхожему мнению, психоанализ в то время был представлен не только теорией, но и клинической практикой: например, в 1908 году Н. Е. Осипов совместно с М. М. Асатиани организовал психотерапевтическую лабораторию при психиатрической клинике Московского университета, где использовал психоанализ. Фрейд очень приветствовал это начинание, в письме Ш. Ференци в 1910 году он характеризует Осипова следующим образом: «замечательный парень, светлая голова, искренне убежденный последователь и станет хорошим приобретением» [18, с. 92]. Раз в две недели врачи проводили собрания, где обсуждали клинические случаи и специфику работы, публиковали статьи в журналах. В начале 1910-х годов психоанализ интересует психиатров прежде всего как новое

терапевтическое направление лечения неврозов. Некоторые ученые в это время переписываются с Фрейдом, переводится множество его работ.

В период Первой мировой войны продвижение психоанализа замедляется по всей Европе. Не способствуют улучшению обстановки и антисемитские настроения в обществе. Клиническая практика в эти годы сокращается, из российских исследователей стоит отметить Т. Ф. Розенталь [9], работавшую в Петрограде в Институте по изучению мозга и психической деятельности, куда ее пригласил В. М. Бехтерев. Розенталь возглавила Амбулаторию и лабораторию психотерапии, где изучала специфику военных неврозов и формы эпилепсии.

После революции 1917 года для психоанализа наступило неожиданно благоприятное время: он оказался одной из теорий, которой поручили создание советского гражданина нового типа. В начале 1920-х психоанализ в СССР переживает расцвет: возникают различные сообщества и организации, исследовательские центры, и все это под покровительством государства. В 1921 создаются Государственный психоаналитический институт и Русское психоаналитическое общество под управлением И. Д. Ермакова. В последнем состояли такие ученые и общественные деятели, как О. Ю. и В. Ф. Шмидт, М. В. Вульф, Р. А. Авербух, А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, Б. Д. Фридман, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий, Ю. В. Каннабих.

Дело в том, что в ранний советский период распространяется идея, что бессознательное можно не только познать, но также управлять им, направлять его в сторону нового типа мышления. На государственном уровне психоанализ поддерживали К. Б. Радек, А. А. Иоффе, А. В. Луначарский и Л. Д. Троцкий (что в свое время стало одной из причин ухода психоанализа с научной и образовательной сцены).

В 1921 году в Москве появляется Детский дом-лаборатория, который существует до 1925 года [2]. Он становится своеобразным ответом психоаналитиков на призыв изобрести новые формы воспитания советского человека. Как отмечает М. Заламбани, еще в 1917 году Наркомпрос опубликовал документ «О дошкольном воспитании», где подчеркивалось, насколько большое значение имеет «раннее развитие в ребенке

заложенных в нем общественных и трудовых наклонностей» [7, с. 32]. Особое внимание уделялось детям, имевшим трудности в социализации и нарушения поведения: их необходимо было перевоспитать в духе советского времени. В исследованиях детства виделся творческий потенциал перестройки всего советского общества, поэтому государство уделяло им особое внимание.

Большую роль в организации Детского дома-лаборатории сыграл психиатр, психоаналитик и исследователь литературы И. Д. Ермаков. В 1920 году он получил должность профессора Московского психоневрологического института, где проводил семинары по исследованию детской психики. В первой половине 1920-х Ермаков возглавлял Государственный психоаналитический институт, редактировал серию «Психологическая и психоаналитическая библиотека», где печатались работы не только Фрейда и его последователей, но и советских психоаналитиков.

Детский дом-лаборатория стал беспрецедентным экспериментом по организации учреждения, воспитание в котором было построено на психоаналитических постулатах и представлениях о детстве. Большую роль в работе Дома сыграла В. Ф. Шмидт, в течение некоторого времени там же работала С. Н. Шпильрейн. Шмидт отмечает, что власти с самого начала отнеслись к идее создания Дома подозрительно, как и многие московские педагоги, психологи и психиатры. За первые пару дет существования Лаборатории ее неоднократно посещали с ревизиями, грозившими учреждению закрытием, распространялись слухи о персонале и применяемых им методах. Как пишет Шмидт, «по этим слухам в нашем учреждении якобы происходили ужасные вещи, детей в целях наблюдения преждевременно возбуждали в сексуальном отношении и тому подобное» [20, с. 14].

Помимо внешнего непонимания и противодействия, работа Дома натолкнулась на внутренние проблемы: большинство персонала не было знакомо с психоаналитическими идеями, да и сами руководители не так давно начали изучать теорию Фрейда, поэтому вначале мало кто понимал, как именно можно применять психоанализ при воспитании. Организация Дома была во

всех смыслах экспериментальной: некоторые правила приходилось изобретать и менять на ходу.

За детьми в Лаборатории постоянно наблюдали, изучали их поведение, предлагали те или иные методы взаимодействия или разрешения конфликтов. Шмидт отмечала, что подобный эксперимент дает возможность проверить на практике саму психоаналитическую теорию, вот почему проектом заинтересовался Фрейд. В 1923 году супруги Шмидт посетили Вену, и при встрече с основателем психоанализа Вера Федоровна передала ему доклад на тему «Психоаналитическое воспитание в Советской России», который впоследствии был опубликован на немецком языке.

В 1924 году кризис кадров стал особо ощутим, и психоаналитики-воспитатели подали в отставку до тех пор, пока не появятся другие сотрудники с нужной теоретической подготовкой. Однако отношения с государством к тому моменту ухудшились, и осенью 1925 года Дом был закрыт по резолюции Наркомпроса. Вместе с этим был ликвидирован и Государственный психоаналитический институт.

Анализируя причины «неудачного» опыта организации психоаналитических институций в СССР, можно отметить несколько факторов.

Во-первых, некоторые фундаментальные принципы психоанализа (теория детской сексуальности, наличие бессознательного и влечений, понятие сверхдетерминации, наличие защитных механизмов) изначально находились в оппозиции требованиям советской эпохи по выращиванию нового «массового субъекта». Психоанализ настаивал на уникальности каждого индивида, невозможности универсализировать психическое развитие, в то время как большевистская идеология мечтала изобрести общее мерило для понимания и воспитания советского человека. В эпоху СССР бессознательное объявлялось пережитком капитализма, и все силы были брошены на формирование особого коммунистического «сознания».

Во-вторых, психоанализ отстаивал необходимость функций запрета и закона, лежащих в основании культуры, и настаивал на невозможности построить новый мир, где исчезло бы «неудобство» в культуре, где все индивиды были бы

счастливы и довольны. Социалистическая программа, напротив, была нацелена на утопические идеалы всеобщего равенства и счастья в новом бесклассовом обществе.

В-третьих, психоанализ расходился с теориями реактологии и рефлексологии, с попыткой объяснить перипетии человеческой жизни и особенности характера только наследственными, физиологическими факторами или влиянием внешней среды. В частности, Троцкий предлагал рассматривать физиологию как базис, над которым существует надстройка в виде психики, то есть пытался применить к теории Фрейда лекало диалектического материализма, чему на самом деле психоанализ оказался чужд. Внимание советских психологов все больше смещалось на массовую психотехнику, психогигиену и психопрофилактику вместо индивидуальной практики психоанализа.

Таким образом, не следует приписывать постепенное исчезновение психоанализа с повестки дня только приходу сталинизма и фактору критики Троцкого [17] вместе со всеми проектами, которые он поддерживал. Еще в первой половине 1920-х годов наметилась тенденция рассматривать психоанализ скорее как буржуазное учение, чуждое советскому мировоззрению. В конце 1920-х дискуссии в научной среде все более походили на идеологические столкновения, поэтому важно подробнее рассмотреть вопрос о взаимоотношении психоанализа и марксизма.

Марксистская дискуссия о психоанализе 1920-х годов

Первое, что объединяет психоанализ и марксизм в 1920-е годы, — это тот факт, что и то, и другое учение советские авторы понимали довольно специфически. Марксизм уже был видоизменен встречей с ленинизмом: революция превратилась из пролетарской в рабоче-крестьянскую со всеми вытекающими отсюда последствиями и спецификой будущего советского «социализма». Психоанализ доходил до российских исследователей по большей части в виде переводов Фрейда и его ближайших коллег, которые подвергались различным интерпретациям, особенно широким в период разрыва связей и

оторванности русского психоаналитического сообщества от развивающейся международной психоаналитической ассоциации.

Как из учения Маркса, так и из учения Фрейда большинство авторов заимствовало лишь части идей, которые соответствовали их собственным представлениям и являли собой доказательство их мыслей. Другие части учений, которые по какой-либо причине не вписывались в первоначальную концепцию, вычеркивались, модифицировались или игнорировались. На первый взгляд в подобном редукционном подходе нет ничего странного и негативного, но проблема заключается в том, что ни марксизм, ни психоанализ не работают «избирательно», частично. Необходимо либо полностью принимать сложную логику и многоаспектную структуру этих учений, либо не обращаться к ним вовсе.

Порой искажение психоаналитической теории в раннее советское время приобретало масштабные формы и затрагивало довольно существенные моменты. Так, в одной из статей А. Б. Залкинда ставится цель доказать, что Фрейд первым из биологов поставил «построения психологов-метафизиков на биологический фундамент» [8, с. 272], в том числе первым выявил учение об условных рефлексах.

Залкинд, будучи сторонником психоанализа, буквально советует игнорировать предложенный Фрейдом терминологический аппарат и «увидеть» строго научную, психофизиологическую суть открытий психоанализа: «Для Фрейда (если расшифровать его, не слепо следуя его методологии, а переводить его понятия на общий психофизиологический язык) характерен синтетический, целостный подход к психическому аппарату: сновидения, сомнамбулизм (так называемое "подсознание") фактически не отделены у него от работы "ясного сознания", подчиняясь одним законам (по Фрейду, между обоими видами психики существует грубая "качественная" разница, но фактически им доказано, помимо его воли, как раз обратное, и доказано глубоко убедительно)» [8, с. 271]. Как показывает данный текст, Фрейда следует особым образом прочитывать, интерпретировать, что позволит доказать, что

между сознательным и бессознательным нет той качественной разницы, на которой настаивал основатель психоанализа.

Второй объединяющий момент для психоанализа и марксизма, удивительным способом соседствующий с первым, — это большая начитанность и глубина познаний авторов, обращающихся к теориям Маркса и Фрейда. Начитанность, которая парадоксальным образом не мешала избирательности их прочтения. Большая часть статей, посвященных психоанализу, начинается с подробного пересказа идей Фрейда, который можно было бы даже в наше время использовать как материал для составления психоаналитических пособий, учебников и словарей. Одной из задач такого пересказа являлась, конечно, ликвидация неосведомленности потенциальных читателей, однако делались эти пересказы на достаточно профессиональном уровне (примеры тому можно увидеть в работах А. Р. Лурии, Б. Д. Фридмана, Г. Малиса, И. А. Перепеля и многих других).

На волне рассуждений о новом типе советского человека и советской науки на страницах журналов и сборников статей 1920-х годов («Красная новь», «Под знаменем марксизма», «Молодая гвардия», «Психология и марксизм») развернулась полемика о том, полезен ли психоанализ российскому обществу. Часть авторов, среди которых были А. Р. Лурия, Б. Д. Фридман, А. Б. Залкинд, Б. Э. Быховский, Г. Малис, И. А. Перепель, были в лагере «защитников» психоанализа и приводили различные аргументы, объясняющие, чем психоанализ может быть интересен советским ученым и гражданам в целом.

Другая часть авторов, среди которых можно назвать М. И. Аствацатурова, В. А. Юринца, М. А. Рейснера, В. Н. Волошинова, позднее — П. П. Блонского, считали, что психоанализ необходимо развенчать и подвергнуть критике по тем или иным основаниям. Мы выделили несколько основных вопросов, вокруг которых фокусировалась полемика и которые помогут четче обозначить позиции как «защитников», так и «противников» психоанализа.

Психоанализ: материализм или идеализм?

Ключевым был вопрос о том, является ли психоанализ материалистическим или идеалистическим учением (и — шире —

можно ли относить его к области советской науки). Критики психоанализа полагали, что это буржуазное течение, созданное Фрейдом для высших слоев венского общества на основе упадочной немецкой неклассической философии, согласно которой миром и человеком управляют неведомые силы и энергии (именуемые ненаучным словом «влечения»).

Сторонники, напротив, отмечали, что психоанализ внимателен к социально-культурным аспектам воспитания, стоит на позициях детерминизма и в чем-то даже близок учению о рефлексах И. П. Павлова (например, у Быховского читаем: «Диалектически-материалистическое обоснование психоанализа не только возможно, но и необходимо. Психологическая и психопатологическая теория Фрейда, будучи выражена в рациональной форме, относится к реактологии как часть к целому. Она не противоречит реактологии, а обогащает ее» [5, с. 578]).

Чтобы доказать эту точку зрения, сторонникам приходилось упрощать понимание влечений и ограничиваться первой концепцией, где выделялись влечения к самосохранению, сексуальные и агрессивные влечения. Многие исследователи сознательно не затрагивали вторую концепцию, сформированную после работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», которая вводит понятие влечений (к) смерти.

Пытаясь представить психоанализ как систему монистической психологии, не противоречащей постулатам диалектического материализма, Лурия пишет, что психоанализ подходит к личности «как к цельному организму, где анатомическое строение, функции отдельных органов, влечения и высшая психическая деятельность неразрывно связаны между собой» [12, с. 59]. Необычно наблюдать использование термина «влечения» в таком контексте, как анатомия и физиологические функции органов. Психическая деятельность в этом подходе оказывается энергетическим процессом, принципиально не отличимым от соматических процессов. Психическая энергия, согласно Лурии, мыслится в научно-физическом ключе, так как она вполне поддается основному закону энергии (не может исчезнуть навсегда, зато может принять новую форму или обратиться на другой объект).

В контексте определения влечений Лурия также отмечает, что важной составляющей влечения является не чисто психологическое описание, а его связь с телесными процессами (нервным раздражением, внутренней секрецией и т. д.). Следовательно, психоанализ совершает попытку «ввести психику в общую систему интерреляции органов, рассматривать мозг и его деятельность не оторванно, но наравне с другими органами тела, дать психологии крепкую биологическую базу и тем окончательно порвать с метафизическим подходом к ней» [12, с. 66]. Итак, бессознательное и влечения в этом подходе мыслятся как основанные на физиологии явления, а принцип удовольствия описывается как биологически детерминированная необходимость избавиться от тонуса напряжения.

Подобные описания породили спор о природе бессознательного. Так, Юринец, критикуя чрезмерный эстетизм психоаналитической концепции, задавался вопросом, как можно научно указывать на содержание бессознательного, если, согласно Фрейду, его нельзя осознать, «так как оно не поднимается никогда выше порога сознания» [22, с. 282]. Юринец отмечает, что Фрейд «в противовес прежним психоневрологам ищет причины нервных заболеваний не в физиологических, а в чисто психических изменениях» [22, с. 278], и уже потому несовместим с материализмом. Согласно автору, в учении Фрейда и работах его последователей чем дальше, тем больше сквозит метафизический фон.

Интересную интерпретацию концепции бессознательного находим у Рейснера: автор полагает, что горячее признание, которое идея бессознательного в частной и общественной жизни получила в кругах буржуазии, связано с тем, что этим шагом, «накануне империалистической войны и революционных потрясений, буржуазный "разум" как бы слагал с себя всякую ответственность за события и уходил в глубину какой-то особой психической тайны» [16, с. 494]. Из этого следует вывод, что буржуазное общество идеологически использовало идеалистическую теорию психоанализа в качестве самооправдания.

Оспаривая нападки на эфемерность бессознательного, Лурия доказывал, что психоанализ является органической психологией личности, основными задачами которой являются:

«проследить детерминированность отдельных сторон у конкретной, живущей в определенных социально-культурных условиях, личности и объяснить более сложные ее образования из первичных, глубже лежащих и более примитивных, бессознательных мотивов» [12, с. 59]. К нему присоединяется Малис, который пишет, что, «построив теорию бессознательного, выйдя за пределы сознания, Фрейд не перешел границ науки. Наоборот, эти границы были расширены им» [13, с. 17]. Вытеснение в этом ключе понимается как «конфликт между биологическими запросами личности и объективно-социальными условиями» [13, с. 17]. Малис отмечает, что Фрейд всего лишь исправил ошибки философов-идеалистов, которые не могли объяснить психику с опорой на научные основания, в то время как Фрейду удалось исследовать такие феномены, как память, переживания, динамика психической жизни.

Перепель стремился доказать «материалистичность» психоанализа, апеллируя к практическим достижениям в области лечения неврозов: врачебная деятельность психоанализа «абсолютно материальна и прогрессивна, и вместе с тем составляет его господствующее содержание» [14, с. 4]. Согласно Перепелю, психоанализ прежде всего является методом воздействия на природу, а теоретические построения вторичны по отношению к терапевтической деятельности. И то, что психоанализ работает как клиническая практика, должно послужить достаточным доказательством его «реалистических» оснований.

Индивидуальное vs. коллективное в психике человека

Следующий элемент полемики: роль коллектива и индивидуальных факторов в формировании личности. Защитники психоанализа отмечали, что Фрейд объяснил становление психики через вхождение в общество, культуру и принятие запрета, что близко марксистскому пониманию воспитания.

Так, Быховский подробно останавливается на анализе инстанции Сверх-Я, которое он относит к типу условно-реактивных приобретенных психических явлений. Исследователь полагает, что такое понимание Сверх-Я вполне соответ-

ствует марксистским представлениям, так как «корнем морали и совести, с нашей точки зрения, является унаследованный "социальный инстинкт", но реальное содержание инстинкт-задаток приобретает в процессе индивидуального развития человека в той или иной социальной среде» [5, с. 592]. В этом смысле, по Быховскому, Сверх-Я Фрейда можно понимать как персонифицированные социально-бытовые традиции, которые запечатлелись в психике еще не самостоятельного ребенка. Измерение влечений, как и тот факт, что во многих клинических историях Сверх-Я само превращается в садистическую фигуру, получающую наслаждение, при этом автором игнорируется.

В то же время критики психоанализа не упустили из виду «темную сторону» Сверх-Я. Так, Юринец полагает, что представления о морали у Фрейда чрезвычайно пессимистические, так как установление морали является следствием разложения инстанции Я: Сверх-Я рисуется Фрейду «каким-то врагом человечества, затаенным убийцей, который обманным образом проник в нашу психику, разрушая рай ее гармонии, превращая в крик отчаяния веселые тона свирели Пана» [22, с. 292]. По мнению Юринца, Сверх-Я невозможно нейтрально рассматривать только как результат усвоения закона, оно представляет собой неоднозначное понятие и может стать источником невроза.

Будучи одним из последователей психоанализа, Фридман особо выделяет понятие совести, которая для Фрейда является интроецированным представителем родительской фигуры и общественных законов и требований. Фридман соглашается с Фрейдом в том, что все человеческое общество, культура построена на подавлении примитивных эгоистических желаний и страстей. Психический аппарат в этом смысле является своеобразной ареной, где «происходит столкновение внутреннего с внешним» [19, с. 140]. Для Фридмана ключевой мыслью в теории психоанализа является идея, что именно социальная реальность в конечном счете становится решающим условием развития психики. В ходе взросления индивид отказывается от сексуальной цели и заменяет ее социальной в процессе сублимации. Таким образом, психоанализ доказывает первостепенную значимость социума и коллектива в воспитании личности.

Интересно, что из этого вытекает и практическая необходимость психоанализа как работы с индивидуальными проявлениями неврозов и возможности помочь субъекту справиться с его влечениями, вернуть его в лоно культуры. Противники психоанализа рассматривали этот же факт с обратной стороны: так, они полагали, что индивидуальная психоаналитическая работа требует слишком много сил и затрат и может привести к непредсказуемым результатам, поэтому необходимо вырабатывать более объективные и универсальные массовые методы предотвращения и лечения неврозов.

Так, для Волошинова как критика психоанализа вопрос о роли индивидуального и коллективного в становлении индивида может быть рассмотрен только через понимание психоанализа как субъективной психологии, не придающей особого значения внешним, объективным историческим факторам: «В этой теории нет ни слова — ни о каких бы то ни было материальных основах характера, заложенных в телесной конституции человека, ни о физических и объективно-социальных влияниях окружающей среды. Весь процесс сложения характера протекает в пределах изолированно взятой субъективной психики» [6, с. 108—109]. Волошинов считает, что необходимо заниматься проблемами сознания, а не бессознательного, так как в здоровом коллективе, каким должно стать советское общество, не будет расхождения между официальным и неофициальным сознанием.

Некоторые исследователи отмечают, что «в отечественном психоанализе, в отличие от психоанализа фрейдовского, не получили развития попытки объяснять общественно-исторические процессы действием индивидуальных психических механизмов. Отечественные психоаналитики обращались к социальной среде, как правило, с целью прямо противоположной, а именно: чтобы с помощью апелляции к условиям общественного бытия объяснить особенности индивидуальных психических структур» [15, с. 16]. А. А. Пружинина и Б. И. Пружинин полагают, что в случае интереса советских ученых к психоанализу мы встречаемся с редкой формой редукции от низшего к высшему, когда феномены объясняются не субъективными бессознательными предпосылками, а социально- и исторически-детерминированными причинами.

Сохраняя данную форму редукции, концептуальные структуры психоанализа «как бы встраивались в один ряд с концептуальными структурами социальной доктрины марксизма, приобретая тем самым общественно-историческое измерение» [15, с. 20]. Сторонникам психоанализа было важно подчеркнуть, что Фрейд не возвышал индивидуальное над коллективным, а лишь объяснял механизмы их взаимодействия в психике; в то время как противники полагали, что психоанализ слишком много внимания уделяет индивидуальным, в особенности — сексуальным аспектам психического.

Тревожащий вопрос о сексуальности

Еще одной важной темой, которая часто становится камнем преткновения при разговоре о психоанализе, стал вопрос о специфике и роли сексуальности. Примечательно, что даже некоторые защитники психоанализа старались игнорировать этот вопрос, придавая ему статус «проходного», незначительного или вовсе обходя его стороной (у Залкинда читаем: «полисексуализм (или пансексуализм) фрейдовского учения не подтверждается ни биогенетически, ни в современных биологических проявлениях, однако он не обязателен для остальных сторон его теории» [8, с. 272]).

Если мнения в пользу этой части учения Фрейда и высказывались, то авторы обязательно подчеркивали биологическую основу, органический характер влечений, чтобы не допустить ассоциаций с идеалистическими представлениями. Малис буквально ставит знак равенства между либидо и стремлением к продолжению рода, при этом «общество употребляет все усилия, чтобы эту личную потребность сжать, подавить, повести по определенному обществом намеченному пути» [13, с. 27].

Любопытную интерпретацию интереса психоанализа к сексуальности дает Лурия: по мнению ученого, этот интерес обусловлен, во-первых, тем, что психологи классической школы мало изучали данную область в силу стыда или других ограничений, а во-вторых, тем, что психоанализ работал в основном с невротиками, в проблемах которых сексуальные влечения играли главную роль. Исходя из данного толкования можно

заключить, что в остальном психоанализ не уделял бы такого внимания сексуальности, а должен был рассматривать ее лишь как одну из физиологических функций.

Волошинов был одним из тех, кто строил всю критику психоанализа на чрезмерном интересе к области сексуальности. «Судьба человека, — пишет Волошинов, — все содержание его жизни и творчества — следовательно: содержание его искусства, если он художник, его научных теорий, если он ученый, его политических программ и действий, если он политик — всецело определяется судьбами его полового влечения, и только ими одними. Все остальное — лишь обертоны основной, могущественной мелодии сексуальных влечений» [6, с. 15]. Для Волошинова оказывается принципиальным, что с точки зрения психоанализа не класс, не нация, не историческая эпоха, к которой принадлежит человек, а только его «пол и возраст» становятся существенными. Таков, с позиции автора, основной идеологический мотив фрейдизма, с которым не следует мириться. Волошинов отмечает, что для Фрейда главной является лишь биологическая, притом сексуальная составляющая, а социальные аспекты оказываются в стороне.

Критикуя значимость, которую психоанализ придает сексуальности, Блонский выделяет несколько аспектов. Во-первых, «того, что фрейдисты рассказывают нам о детской сексуальности, мы не только не можем непосредственно наблюдать на детях», но и, во-вторых, «не можем подтвердить нашими воспоминаниями о своем детстве» [4, с. 703], — сообщает автор, указывая, что психоаналитические концепции невозможно подтвердить наглядным путем (вопрос о детской амнезии, подробно исследуемый психоанализом, оставим здесь за скобками).

Блонский полагает, что факты детской сексуальности, предоставленные психоаналитиками, должны быть переосмыслены через научную теорию рефлексов, так как психоаналитическая аргументация представляется ему недостаточной, о чем он говорит в довольно саркастичной форме: «Почему у некоторых больных волчий аппетит? Ясно: рот становится снова эрогенной зоной. А почему у некоторых больных нет аппетита? Тоже ясно: вытесненный сексуальный инфантилизм принял

совершенно противоположный первоначальному вид. Сразу три открытия: решена проблема патологического голода, решена проблема отсутствия аппетита и утверждена сексуальная роль еды и нееды, то есть всего на свете» [4, с. 709]. В заключение своей работы Блонский делится мыслью, что успехам в Европе психоанализ был обязан царящей там половой распущенности и склонности к мистицизму и тайному знанию.

К этой точке зрения примыкает Аствацатуров, отмечая, что «утверждение о том, что в основе психогенных симптомов лежат подавленные половые влечения, не есть, строго говоря, вывод из анализа, а есть в одно и то же время и вывод, и предпосылка к нему» [1, с. 573], а это значит, что данное утверждение не обладает достаточной доказательной базой. Аствацатуров не отрицает заслуги Фрейда в том, что тот подчеркнул роль половых факторов в возникновении симптомов, но говорит, что нельзя приписывать этой роли исключительное, единственное значение, так как тогда эта точка зрения доводится до абсурда, а психоанализ из объективной научной концепции превращается в одностороннюю, тенденциозную и предвзятую доктрину.

Заключение

Подводя итоги марксисткой дискуссии о психоанализе, можно отметить несколько моментов. Во-первых, любопытно, что в целом претензии советских критиков повторяют общие постулаты критики психоанализа от любых других исследователей. Как правило, в центре внимания оказывается проблема (не)научности психоанализа (на советской почве получившая специфическое дополнение в виде вопроса о материализме или идеализме) и непринятие «пансексуальности». Во-вторых, редукционизм, который наблюдается даже у сторонников, тоже становится вполне типичной чертой, которая проявляет себя и в других странах в иные периоды времени.

Складывается впечатление, что многие советские сторонники психоанализа видели проблему лишь в его «форме», то есть в выборе терминологии и особенностях языка Фрейда. Так, Быховский отмечает, что «у Фрейда, как мы убеждались

неоднократно, язык служит не для уяснения, а для сокрытия мыслей» [5, с. 590]. Быховский настаивает на том, что за словесной оболочкой необходимо видеть суть психоанализа, который дает объяснение различным психическим процессам. «Для Фрейда его субъективистские понятия коррелятивны материальным физиологическим процессам и замещают их» [5, с. 579], — пишет автор. А в другом месте он буквально призывает игнорировать даже самих последователей Фрейда, которые воспринимают психоанализ как метафизическое учение: «Нужно спасти таящиеся в психоанализе зерна истины от некоторых психоаналитиков» [5, с. 595].

Однако противники психоанализа не принимали не только его форму, то есть «внешнюю оболочку» и терминологию, но и содержание, которое сторонники пытались отстоять, переводя его на язык диалектического материализма. К тому же, возникает вопрос, останется ли психоанализ психоанализом, если из него убрать форму, «оболочку», тот самый язык, который служит не для уяснения, а для сокрытия мыслей. Этот вопрос остается открытым.

Как мы видим, одни и те же постулаты психоанализа в раннее советское время могли быть рассмотрены под разными углами и привести к прямо противоположным интерпретациям. Как метко отмечает Г. Т. Кораев, «теоретический дискурс о психоанализе в 1920-е годы в СССР находится чаще всего в плоскости идеологической, и именно поэтому так легко "плюс" в оценках одних заменяется на "минус" у других» [10, с. 185]. Одни и те же понятия могли быть использованы для доказательств прямо противоположных точек зрения (так, термин «бессознательное» прочитывали то как новое слово в психофизиологии, то как аргумент в пользу метафизичности и идеалистичности работ Фрейда).

Некоторые защитники психоанализа задавались вопросом, должен ли он занять прочное место в новом советском обществе или же он нужен только в «переходную» эпоху, пока еще не решены проблемы осколков прежнего буржуазного мировоззрения. Зачастую даже сторонники не мыслили психоанализ как самодостаточную практику, имеющую перспективное будущее,

скорее, указывали на его утилитарный характер и ставили вопрос о «пользе» для советских граждан.

Так, для Перепеля сущность невроза выглядит следующим образом: «Основной вред всякой невротической патологии заключается в том неправильном распределении энергии, которая делает невротика фактическим инвалидом, отвлекая возбуждения центральных невронов от ценной социальной работы и превращая их в непроизводительные реакции асоциального поведения. Генетически фактическая инвалидность идет из того, что лежащее в основе каждого невроза нарушение нормальных отношений с окружающими впервые возникает в детстве, в процессе неправильного взаимоотношения с близкими в составе семьи» [14, с. 12]. Следовательно, если новое советское общество создаст такие условия, при которых отношения с окружающими с детства будут формироваться «нормальным образом» (эту идею пытались реализовать в Детском доме-лаборатории), то отпадет и необходимость в лечении больных.

Еще один интересный вопрос, который возникает в связи с вышеобозначенной полемикой, — было ли неприятие психоанализа обусловлено только различными внешними, объективными факторами, на которые мы уже указывали в первой части статьи, или же имело место личное, бессознательное неприятие самих авторов. Отвечая на этот вопрос, Перепель метко замечает, что «игнорирование психоанализа равносильно игнорированию дарвинизма и марксизма консервативной идеологией и черпает свои корни из одних и тех источников, где бы оно ни наблюдалось» [14, с. 4]. В данном высказывании автор уличил оппонентов психоанализа в том, в чем они обвиняли саму фрейдовскую концепцию, — в тайной приверженности буржуазной морали, не приемлющей сексуальность.

Другой вопрос, который можно было бы здесь поставить: вместо того, чтобы доказывать или оспаривать материализм психоанализа, не следовало бы советским авторам задуматься о природе самого марксизма? Во второй половине XX века его материалистичность многими исследователями была поставлена под сомнение, в том числе Ж. Лаканом, который неоднократно

называл это учение «Евангелием от Маркса» [11, с. 298], подчеркивая его идеологический характер.

В конце концов, данная полемика о психоанализе через призму марксизма так и не привела к какой-либо единой позиции. Некоторые исследователи полагают, что общие точки в этом диалоге в принципе не могли быть найдены: так, Заламбани пишет о том, что союз психоанализа и марксизма — «терминологический парадокс» [7, с. 47], который изначально был обречен на неудачу. Во второй половине 1920-х годов количество критических работ уменьшается; это связано с тем, что психоаналитические учреждения уже прекратили свое существование, а критики переключились на вопросы педологии и психотехники, которые в начале 1930-х были официально запрещены. В итоге разговор о психоанализе прекращается, а Лурия и Быховский встают на путь формирования новой советской научной психологии и философии.

Следует отметить, что Фрейд следил за судьбой психоанализа в России и знал о том, что стало происходить во второй половине 1920-х годов. В письме Осипову, датированном 1927-м годом, он пишет: «Кстати, дела у аналитиков в Советской России достаточно плохи. Откуда-то у большевиков взялось мнение, что психоанализ враждебно настроен по отношению к их системе. Они знают правду, что нашу науку вообще нельзя ставить на службу партии, она даже нуждается в определенной свободе для своего развития» [18, с. 155]. В этом письме основатель психоанализа указывает на еще одну причину того, почему психоанализ не смог прижиться в СССР: ему требовалась свобода, которую не могло предоставить молодое советское государство.

В заключение важно сказать, что вопрос о взаимосвязи психоанализа и марксизма снова становится актуальным во второй половине XX века. К нему обращаются такие ученые, как М. Фуко, С. Жижек, Т. Иглтон, Л. Альтюссер, Х. Алеман. Они отмечают главное сходство марксизма и психоанализа, которое заключается в том, что оба этих учения представляют собой диалектические подходы, учитывающие множество значимых факторов и дающих ответы на вопросы, почему те или иные явления и кризисы происходят в личной (психоанализ)

и общественной (марксизм) жизни, оставаясь при этом непрозрачными для понимания субъектов.

Как психоанализ, так и марксизм имеют большой потенциал для объяснения явлений современной культуры и политики, однако это совершенно не значит, что лучшим вариантом для них обоих станет объединение. «Я часто обсуждаю политические вопросы с людьми, которые называют себя фрейдистами/марксистами/лаканистами, — пишет С. Бенвенуто, — и меня всегда поражает одно: когда они говорят о политике, они всегда забывают о примате означающего. Когда они говорят языком Маркса, они подавляют язык Лакана» [3, с. 169]. Чтобы понимать другого и быть понятым им, следует учиться говорить на разных языках и сохранять саму идею о различиях.

Библиографический список:

1. Аствацатуров М. И. Психотерапия и психоанализ // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 564—577.
2. Белкин А. И., Литвинов А. В. К истории психоанализа в советской России // Российский психоаналитический вестник. — 1992. — № 2. — С. 9—32.
3. Бенвенуто С. Семь лекций о Лакане. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 328 с.
4. Блонский П. П. К критике фрейдистской теории детской сексуальности // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 703—712.
5. Быховский Б. Э. Метапсихология Фрейда // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 578—595.
6. Волошинов В. Н. Фрейдизм. — М.: Госиздат, 1927. — 165 с.
7. Заламбани М. К вопросу о развитии социокультурной истории психоанализа в России (1904—1930) // Психоаналитическое движение и российская история. — Ижевск: ERGO, 2019. — С. 7—69.

8. Залкинд А. Б. Фрейдизм и марксизм // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 271—275.
9. Кадис Л. Р. Я молода, я живу, я люблю...: трагедия Татьяны Розенталь. — Ижевск: ERGO, 2018. — 148 с.
10. Кораев Г. Т. Общее, особенное, единичное: «Фрейдизм» В. Н. Волошинова как последнее слово психоанализа в СССР // Психоаналитическое движение и российская история. — Ижевск: ERGO, 2019. — С. 181—190.
11. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). — М.: Гнозис; Логос, 2004. — 304 с.
12. Лурия А. Р. Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. — М.: Госиздат, 1925. — С. 47—80.
13. Малис Г. Психоанализ коммунизма // Забытые психоаналитические труды. — М.: Когито-Центр, 2021. — С. 11—53.
14. Перепель И. А. Советская психоневрология и психоанализ. К вопросу о лечении и профилактике неврозов в СССР. — Ленинград, 1927. — 60 с.
15. Пружинина А. А., Пружинин Б. И. Из истории отечественного психоанализа (историко-методологический очерк) // Вопросы философии. — 1991. — № 7. — С. 81—108.
16. Рейснер М. А. Фрейдизм и буржуазная идеология // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 492—509.
17. Уварова С. Психоанализ и закон: возвращение вытесненного // Европейский журнал психоанализа. — 2015. — № 3. — С. 8—30.
18. Фрейд и русские: упоминания русских персоналий в трудах и письмах Зигмунда Фрейда. — Ижевск: ERGO, 2015. — 176 с.
19. Фридман Б. Д. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма // Психология и марксизм. — М.: Госиздат, 1925. — С. 113—160.
20. Шмидт В. Ф. Психоаналитическое воспитание в Советской России. — Ижевск: ERGO, 2011. — 76 с.
21. Эткинд А. М. Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. — М.: Гнозис, Прогресс-Комплекс, 1994. — 376 с.

22. Юринец В. А. Фрейдизм и марксизм // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 276—310.

PSYCHOANALYSIS AND MARXISM: THE CONTROVERSY OF THE 1920s ABOUT THE PSYCHE AND THE MAN

Berkutova Veronika Valer'evna
psychoanalyst, senior lecturer at the department of theory of the psychoanalysis of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article describes the formation and causes of the disappearance of psychoanalysis in Russia in the first third of the twentieth century. The author analyzes the texts about the teachings of S. Freud, published in Marxist publications of the 1920s, highlights the key issues of the controversy and shows the points of view of both supporters and opponents of psychoanalysis. In particular, much attention is paid to the discussion of whether psychoanalysis is a materialistic or idealistic trend and how it can be compared with the direction of reflexology; what is the role of the individual and collective in the formation of the human psyche; and also to the question of the nature and comprehensiveness of sexual drives.

Keywords: marxism, dialectical materialism, the first Russian psychoanalysts, criticism of Freud's teaching, the history of the formation and the fate of psychoanalysis in the Soviet period

1.2. ЗАРОЖДЕНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ: АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕВНИЦКИЙ

Кадис Леонид Рувимович
психотерапевт Центра свт. Василия Великого,
судебный эксперт,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена реконструкции жизненного пути и научного творчества первого российского психоаналитика — Алексея Александровича Певницкого (1866—?). На основе ранее неизвестных архивных источников и редких прижизненных публикаций восстанавливаются значимые этапы биографии врача и ученого, исследуется процесс смещения его профессиональных интересов из области инфектологии в сферу психотерапии. Анализируется вклад А.А. Певницкого в развитие медицинского психоанализа в России, демонстрируется оригинальность его клинического мышления.

Ключевые слова: Алексей Александрович Певницкий, психоанализ, история медицины, клиническая психотерапия, гипноз, невротические расстройства, алкоголизм

В истории любой науки есть персоналии, значительно продвинувшие состояние знания, внесшие существенный вклад в развитие теории или же обогатившие прикладную, практическую составляющую. При этом часто забывается, что каждое научное учение, а равно и всякая область эмпирической деятельности опираются на опыт предшественников. Известное латинское выражение гласит: «Nanos gigantum humeris insidentes», дословно: «Карлики стоят на плечах гигантов». Иначе говоря, любые открытия и достижения строятся на опыте предшествующих исследователей. Психоанализ — не исключение.

Говоря о психоанализе, мы, как правило, не испытываем затруднений в идентификации выдающихся личностей, что стояли у истоков аналитической традиции в той или иной стране. Шандор Ференци был первым венгерским психоанали-

тиком; пионером израильского психоанализа являлся Моше Вулф, наш бывший соотечественник Моисей Владимирович Вульф; одним из первопроходцев испанского и одновременно аргентинского психоанализа — Анхель Гарма и т. д. Однако, когда речь заходит о российском психоанализе, вопрос о первенстве нередко ставит в тупик даже тех, кто достаточно хорошо осведомлен относительно перипетий истории отечественного психоаналитического движения.

В этой связи около десяти лет назад мною было предпринято небольшое исследование. Для начала по библиографическим указателям я отобрал статьи в российской периодической печати первых десяти лет XX столетия, посвященные психоаналитической теории и практике, а затем, внимательно прочитав их, выявил те, которые свидетельствовали о более раннем вовлечении автора в психоанализ. Предпочтение я отдавал клиническим работам, поскольку вопрос о первенстве есть, по существу, вопрос о начале психоаналитической практики. Таким образом удалось установить, кто являлся родоначальником отечественного психоанализа, а если быть точным, кто первым начал практиковать психоанализ в повседневной лечебной деятельности. Это — Алексей Александрович Певницкий. Свой врачебный психоаналитический прием он начал на рубеже 1906 и 1907 годов, задолго до других клиницистов.

Алексей Певницкий родился в Санкт-Петербурге 16 марта 1866 году [14, л. 69об]. Детство и юность он провел в Одессе, где учился в Ришельевском лицее. В 1885 году девятнадцатилетним юношей он поступил на медицинский факультет Киевского Императорского университета св. Владимира — одного из крупнейших образовательных учреждений дореволюционной России. Специализируясь по инфекционным болезням, Певницкий еще в 1892 году — сразу по окончании курса наук — был направлен для борьбы с холерой в Киевскую губернию. Обучение он завершил в феврале 1893 года, выдержав государственный экзамен и получив степень лекаря с отличием [14, л. 63].

В начале марта того же года Алексей Александрович поступил сверхштатным ординатором в Одесскую городскую

больницу, где работал в «заразном» и «горловом» отделениях, а уже осенью боролся с эпидемией холеры и дифтерита в Елисаветградском уезде Херсонской губернии, временно исполняя обязанности земского врача. Этот опыт лег в основу его первой публикации, увидевшей свет во «Врачебной хронике» за 1893 год [3].

Из Одессы Певницкий вернулся в Санкт-Петербург. Заседанием Конференции Императорской военно-медицинской академии 24 сентября 1894 года он был допущен к экзамену на степень доктора медицины [13, л. 33—33об], а к марту 1895 года экзамен был сдан [13, л. 223]. 29 июля того же года Алексей Александрович подал прошение о принятии его на службу по военно-медицинскому ведомству [14, л. 5—5об], и после необходимой проверки (дачи подписки о непринадлежности масонским ложам и тайным обществам [14, л. 7], получения свидетельства о политической благонадежности [14, л. 8]) оно было удовлетворено. Певницкий был определен младшим врачом в 56-й пехотный Житомирский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича полк [14, л. 41], а в июле 1896 года — переведен младшим ординатором в Одесский военный госпиталь. Здесь он продолжил практику инфекциониста и отоларинголога, в течение некоторого времени заведуя отделениями болезней уха, горла, носа и кожных заболеваний. С 1895 по 1897 год Певницкий состоял преподавателем на курсах сестер милосердия Касперовской общины Красного Креста, где читал лекции по инфекционным болезням и общей терапии.

С 1895 года Певницкий занимается изучением клиники, патологической анатомии и терапии «болотной лихорадки» — так в просторечии называли малярию, однако будучи сам тяжело болен, он вынужден оставить исследование на несколько лет. Преодолев недуг, Алексей Александрович возвращается к работе над данной темой в Петербурге, собирая материал в бактериологической лаборатории при Клинике нервных и душевных болезней Императорской военно-медицинской академии. Его руководителями стали академик В. М. Бехтерев и приват-доцент Ф. Я. Чистович. В 1902 году Певницкий защитил

диссертацию на степень доктора медицины [6] и продолжил работать у Бехтерева.

Именно здесь он заинтересовался гипнозом. Первый опыт применения гипнотерапии был связан по-прежнему с соматической клиникой. Обосновывая необходимость использования гипноза при неврологических заболеваниях, Алексей Александрович указывал, что «люди, сознающие тяжесть своего страдания, всей душой рвутся к тому, что сулит им облегчение. В этом отношении они очень легковерны, т. е. чрезвычайно внушаемы. Это обстоятельство служит прямым показанием к лечению их внушением, причем… лучше всего применять внушение в гипнозе» [2, с. 954]. Певницкий добился значительных результатов (в частности, выраженной редукции неврологической симптоматики при сирингомиелии, менингомиелите, спинной сухотке и т. д.), что укрепило его уверенность в необходимости сочетания медикаментозного и психотерапевтического воздействия на больного. В. М. Бехтерев высоко оценил эффективность проводимого Певницким лечения [16, с. 30]. Будучи человеком увлекающимся, Алексей Александрович воспринимал в ту пору гипноз как панацею, и это «сверхценное» отношение в дальнейшем перенес на психоанализ.

В 1902 году по предложению академика Бехтерева, директора Клиники нервных и душевных болезней, Алексеем Певницким была организована психотерапевтическая амбулатория, однако, ввиду того что «на прием стало появляться много алкоголиков, проф. В. М. Бехтерев предложил выделить специальный амбуланс по лечению гипнозом алкоголиков» [5, с. 480]. Заведовать им стал Алексей Александрович. Работа велась согласованно со стационаром Клиники, о чем свидетельствует обнаруженное в одном из архивов письмо Певницкого Бехтереву: «Глубокоуважаемый профессор, сегодня или в среду будет у Вас на приеме г-жа С. Ее брат у меня будет лечиться от алкоголизма амбулаторно, но перед этим было бы желательно поместить его хоть на неделю в клинику, чтобы на время переменить обстановку и сделать опьянение невозможным. Примите уверения в моем искреннем уважении, А. Певницкий» [15, л. 71об].

Алексей Александрович прочил гипнозу огромные успехи, утверждая, что лишь сочетание гипнотического воздействия в амбулаторных условиях со своеобразной «терапией средой», состоящей в передаче больного в общество трезвости, дает возможность закрепить отказ от спиртного. Тем не менее интерес к гипнозу оказался нестойким, и к концу 10-х годов начала XX века Певницкий охладел к терапии посредством внушения в гипнотическом состоянии, а в ряде работ выступал уже как его критик. Эта перемена произвела на некоторых коллег большое впечатление. Например, петербургский психиатр и психогигиенист, главный врач учреждений для лечения алкоголизма при Городском попечительстве о народной трезвости Александр Леонтьевич Мендельсон, участвовавший в обсуждении доклада Певницкого «О психоанализе при лечении алкоголиков», начинал разбор данной работы следующими словами: «В этой же зале в 1904 году д-р Певницкий выступал убежденным сторонником лечения алкоголизма гипнотическим внушением и увлекался этим лечебным методом до такой степени, что предсказывал успех в 80% случаев [I]. Ныне он уже совершенно отрицает пользу гипнотического внушения и с обычным для него увлечением поет дифирамбы новому лечебному способу — психоанализу» [1, с. 259].

Остается неизвестным, каким образом Певницкий «заразился» психоанализом, однако в 1909 году он публикует первый клинический аналитический очерк — «Навязчивые состояния, леченные по психоаналитическому методу Breuer—Freud'a» [7]. В этой работе автор на материале нескольких случаев иллюстрирует основные положения психоаналитической теории симптомообразования — в первую очередь, учения о механизмах инверсии и конверсии аффекта. Некоторые приведенные Певницким наблюдения не являлись навязчивыми состояниями в истинном смысле слова, а представляли собой различного рода диссоциативные и неврастенические расстройства (психогенная рвота, гениталгии, бессонница и разбитость в сочетании с головными болями). Тем не менее Алексей Александрович соотнес отдельные формы невротической патологии с лежащими в их основе механизмами формирования симптоматики: при психогенно обусловленных нарушениях

соматических функций — подавление сексуальных переживаний и их символическое замещение телесным ощущениями, при обсессиях — вытеснение соответствующего опыта и «подмена» неприемлемых мыслей компромиссными, при истинной неврастении — развитие фатигационных и алгических эквивалентов чувств стыда и страха, порожденных внутренними запретами на сексуальное возбуждение. В этом отношении Певницкий опередил европейских и американских систематизаторов психоаналитического знания, например, Хичманна или Брилла [21, с. 15—19, 77—93, 102—107; 18, с. 14—19, 75—76, 98—102].

Годом позже Певницкий публикует текст доклада, сделанного в Парижском обществе гипнологии и психологии — «Явные фобии — символы тайных опасений больного». Емкая формула психогенеза фобических расстройств, вынесенная в заглавие статьи, позволяла автору дифференцированно подходить к их лечению: необходимо «раскрыть скрытые за явным страхом и жалобами тайные их основания», что даст «возможность рациональной психотерапии… путем назначений, строго логически обоснованных и разумность которых вполне убедительна для больного» [12, с. 5]. Эта работа демонстрирует окончательный разрыв Певницкого с гипнотическим лечением. Анализируя клинический пример, он задавался вопросом: «Что могло дать здесь внушение, гипноз?» и сам отвечал: «Ничего, кроме временного улучшения самочувствия. Страх мог бы исчезнуть, но опасения, не обезвреженные, обозначились бы каким-нибудь другим символом» [12, с. 5]. В статье «Несколько случаев психоанализа» (1911) Певницкий определяет свое отношение к гипнозу следующим образом: «После ознакомления с основаниями и техникой психоанализа лечить гипнозом мне как-то совестно, и я прихожу все больше к убеждению, что его везде можно заменить психоанализом, методом, воспитывающим в больном сопротивление скороспелым выводам его фантазии и влияниям переживаний в далеком детстве» [8, с. 61].

Впрочем, как и другие российские психоаналитики-первопроходцы, Певницкий нередко отклонялся от классической психоаналитической техники и использовал в терапии элементы убеждения и внушения в бодрствующем состоянии.

Аналитическая работа в подобных случаях уступала место попыткам прямо указать пациенту на возможный путь избавления от невротических симптомов: «я горячо убеждал больного не бояться 8-го ребенка и воспользоваться беременностью для интенсивной половой жизни» [7, с. 197]; «вместо всяких лекарств я посоветовал ей вести интенсивную половую жизнь, принявши, если она хочет, меру против беременности» [7, с. 199]. Надо сказать, что среди европейских практиков споры относительно возможности применения «мягкой» суггестии в психоанализе разгорелись лишь спустя десять лет после публикации статьи Алексея Александровича. Ференци подвел своеобразный итог дискуссии по данному вопросу, сославшись на устный совет Фрейда, согласно которому больных можно и даже нужно убеждать отказаться от опасений по поводу того или иного действия, чтобы активизировать процесс терапии [20, с. 141]. Таким образом, Певницкий следовал рекомендации задолго до того, как она была озвучена Фрейдом.

Алексей Александрович не только привносил в лечебный анализ внушение, но также исключал из него некоторые приемы классической техники: по собственному признанию, он редко пользовался толкованием сновидений и ассоциативным экспериментом и избегал обсуждения инфантильных сексуальных переживаний в отношении родителей. Зато терапевтические возможности переноса Певницкий использовал охотно, образно описывая этот механизм следующим образом: «он [больной] видит во враче ту палку, которая ему, хромому в жизни, помогает ходить» [9, с. 66]. На практике он считал наиболее важным «исправлять погрешности» в цепочках рассуждений больных, «недочеты» в логических связях, значительное внимание уделял так называемым «ошибкам мышления». По Певницкому, избавить пациента от иррациональных убеждений, являющихся продуктом травматического опыта, восстановить «преемственность его мыслей» — значит разорвать порочный круг, лежащий в основе вновь и вновь появляющейся болезненной симптоматики. Алексей Александрович, таким образом, явился пионером направления, которое американский психиатр Ирвинг Бибер в 70-х годах прошлого столетия обозначил как «когнитивный психоанализ» [17]. Он был убежден, что в

психоаналитической теории «если не все непреложно, то все-таки есть значительная доля правды, за что говорит сравнительная верность успеха лечения» [7, с. 209].

В 1910 году Певницкий получил возможность вживую познакомиться с представителями психоаналитического течения в психотерапии во время заграничной командировки. Посетив крупнейшие европейские психиатрические клиники, он изучил основные принципы лечебного процесса, принятые в различных психотерапевтических школах. В ходе поездки Алексей Александрович встретился с Фрейдом, Юнгом, Штекелем и Абрахамом. Побывав в цюрихской клинике Блейлера, он восхищался тем, «как хорошо ординаторы знакомы с внутренним миром больных, …и какие на почве этого взаимного понимания царят между врачами и больными сердечные отношения» [11, с. 84]. Особенный интерес у современного читателя должны вызвать ироничные замечания Певницкого о заседаниях Венского ферейна, на которых он присутствовал. Как пишет Алексей Александрович, «язык был до того усыпан специальными Freud'овскими терминами, что я, владея хорошо немецким языком, понял очень мало. Понимали ли друг друга члены общества, я не знаю, потому что они или дремали, или засыпали» [11, с. 84—85]. Это наблюдение имеет прямое отношение к нынешнему состоянию «научной» психотерапии, когда, по выражению английского судебного психиатра и психоаналитика Мюррея Кокса, «участники дискуссий играют в своего рода академические языковые шахматы, в которых один технический термин заменяется другим, и возникает опасность, что человеческое существо как таковое будет оставлено без внимания» [19, с. 19]. Певницкому такая семантическая игра была чужда, его психоаналитические разборы всегда отличались ясностью и простотой, а за каждым описанным случаем скрывались страдания, надежды и чаяния больных, радость и благодарность идущих на поправку.

Последняя публикация Алексея Александровича относится к 1913 году [4]. Последняя известная должность — консультант Киевского военного госпиталя. Какова его дальнейшая судьба, не известно… Образ Певницкого теряется на рубеже истории, тает на фоне надвигающихся теней Первой мировой

войны и Октябрьской революции. Вполне возможно, что Певницкий-ученый уступил место Певницкому-врачу, как это случалось и прежде. Таков был Алексей Александрович. Едва ли можно охарактеризовать личность д-ра Певницкого лучше, чем это делают его собственные слова, вскользь брошенные в одной из работ: «Были у меня и неудачи, но не было случая, где бы я не помог».

Разумеется, многие положения психоанализа подверглись ревизии за более чем столетний период существования. Это в полной мере касается и суждений, высказывавшихся первым российским аналитиком, Алексеем Певницким. Однако несмотря на непреложность факта, что новаторство — важный двигатель любой науки, не менее существенна и преемственность в развитии психоаналитического знания. Изучение истории позволяет крепче «стоять на плечах гигантов».

Примечания:

[I] Это не вполне соответствует действительности. Певницкий утверждал, что в 80% случаев можно добиться значительного улучшения, если сочетать амбулаторное и санаторное лечение алкоголиков с воздействием обществ трезвости. Полагая, что гипноз является одним из наиболее эффективных средств психотерапии алкоголизма, автор считал целесообразным его применение в сочетании с другими (в первую очередь, физиотерапевтическими) методами [10, с. 23].

Библиографический список

1. Журнал 84-го заседания Комиссии по вопросу об алкоголизме // Труды постоянной Комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним / Под ред. М.Н. Нижегородцева: Вып. XI—XII. — М.: Типография П.П. Сойкина, 1913. — С. 259—263.
2. Певницкий А.А. Гипноз при неизлечимых органических поражениях // Русский врач. — 1903. — № 26 (28 июня). — С. 954—955.
3. Певницкий А.А. Из отчета об эпидемии дифтерита в с. Синюхином-Броде Елисаветградского уезда с августа по

ноябрь 1893 года // Врачебная хроника Херсонской губернии. — 1893. — № 20 (15 октября — 1 ноября). — С. 14—16.
4. Певницкий А.А. К вопросу об испытании страдающих недержанием мочи // Военно-медицинский журнал. — 1913. — Кн. 1. — С. 159—160.
5. Певницкий А.А. Лечение алкоголиков гипнозом в амбулансе клиники академика В.М. Бехтерева // Военно-медицинский журнал. — 1903. — Ч. 207. — Июль. — С. 480—496.
6. Певницкий А.А. Материалы к вопросу о патологической анатомии злокачественной болотной лихорадки (с обращением особого внимания на изменения в мозгу). Диссертация на степень доктора медицины. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1902. — 187 с.
7. Певницкий А.А. Навязчивые состояния, леченные по психоаналитическому методу Breuer—Freud'a // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. — 1909. — № 4. — С. 193—209.
8. Певницкий А.А. Несколько случаев психоанализа // Психотерапия. Обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии. — 1911. — № 2. — С. 51—62.
9. Певницкий А.А. О психоанализе при лечении алкоголиков // Труды постоянной Комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним / Под ред. М.Н. Нижегородцева: Вып. XI—XII. — М.: Типография П.П. Сойкина, 1913. — С. 61—67.
10. Певницкий А.А. О роли амбулаторий для алкоголиков в борьбе с пьянством // Вестник трезвости. — 1903. — № 107 (ноябрь) — С. 28—33; № 108 (декабрь). — С. 18—23.
11. Певницкий А. Психотерапевтические школы Запада по личным впечатлениям // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. — 1911. — № 2. — С. 74—87.
12. Певницкий А. Явные фобии — символы тайных опасений больного // Современная психиатрия. — 1910. — Январь—февраль. — С. 1—9.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 316. Оп. 69. Д. 23.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 546. Оп. 2. Д. 2396.

15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 66.
16. Bechterew W., von. Die Bedeutung der Suggestion im sozialen Leben. — Wiesbaden: Verlag von J.F. Bergmann, 1905. — 142 S.
17. Bieber I. (1974). Irrational Belief Systems: Primary Elements of Psychopathology // Bieber I. Cognitive Psychoanalysis. — New York: Jason Aronson, 1980. — P. 25—36.
18. Brill A.A. Psychoanalysis: Its Theories and Practical Application. — Philadelphia and London: W.B. Saunders Company, 1912. — 337 p.
19. Cox M. Personality Disorders: The Paradigmatic Challenge to Psychotherapy // Challenges in Forensic Psychotherapy / Ed. by H. van Marle. Foreword by M. Cox. — London: Jessica Kingsley Publishers, 1997. — P. 17—25.
20. Ferenczi S. Zur Frage der Beeinflussung des Patienten in der Psychoanalyse // Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse. — 1913. — Jg. V. — H. 2 (April). — S. 140—141.
21. Hitschmann E. Freud's Neurosenlehre. Nach ihrem gegenwärtigen Stande zusammenfassend dargestellt. — Leipzig und Wien: Franz Deutike, 1911. — IV, 156 S.

THE BIRTH OF PSYCHOANALYSIS IN RUSSIA: ALEXEY ALEXANDROVICH PEVNITSKY

Kadis Leonid Ruvimovich
St. Basil's the Great Center psychotherapist, forensic examiner, Saint Petersburg

Abstract. The article aims at the reconstruction of life and research work of the first Russian psychoanalyst, Alexey Aleksandrovich Pevnitsky (1866—?). On the basis of previously unknown archival sources and rare lifetime publications, the significant stages of the biography of the doctor and scientist are traced, and the process of shifting his professional interests from infectious diseases to psychotherapy is studied. The paper analyses the contribution of A. A. Pevnitsky to the development of medical psychoanalysis in Russia and demonstrates the originality of his clinical thinking.

Keywords: Alexey Alexandrovich Pevnitsky, psychoanalysis, history of medicine, clinical psychotherapy, hypnosis, neurotic disorders, alcoholism

1.3. ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА СЕМЬЮ И ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Рудич Светлана Алексеевна
бакалавр IV курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные процессы в России в 1920—30-е годы; законодательные изменения, народные интерпретации идей коммунизма с примерами из периодики того времени. Наряду с процессами маргинализации общества идут активные научные изыскания, методом проб и ошибок научное и политическое руководство предпринимает шаги для стабилизации ситуации.

Ключевые слова: сексуальная революция, семейная система, аборт, беспризорники, половая распущенность, семейный кодекс, советская периодика

Детектив, психологический триллер, драма, подвиг — все эти слова приходят на ум, когда погружаешься в изучение исторических перемен в России в 1920-е годы. Не оставалось ни единой сферы жизни, не затронутой изменениями.

Этот период оставил после себя много пугающих слухов: сексуальные коммуны, беспорядочная половая жизнь. И в лучшем случае нам скорее представляется «Собачье сердце» и Шариков, когда мы вспоминаем первые годы после революции, а затем вспоминаем фразу «в СССР секса нет».

Исторически еще до революции в связи с большим количеством сельских и деревенских поселений были распространены большие семьи — дворы, но уже выделялись в составе больших семей семьи малые — супружеская пара и их дети. В состав больших семей могли быть широко включены многочисленные родственники жены и мужа, дальние родственники, так называемые приживалы, работники, помощники по хозяйству. Детей в семьях было, как правило, много, «с запасом», потому что смертность была чрезвычайно высокой, и контрацепция не

была распространена. Кроме того, сельский быт позволял использовать труд каждого на благо семьи, и, как правило, большие семьи имели преимущество перед маленькими, в том числе и в экономическом плане.

Однако города все более развивались, и многие хотели стать городскими жителями. Тенденция к сокращению численности семьи усилилась. В стране господствовал затяжной экономический и политический кризис. И изменения в семейной и частной жизни людей были лишь одной из сторон всеобщих перемен, переживаемых Россией в пореформенный период, когда четко обозначилось ее стремление превратиться в современную промышленную страну. Революция и вовсе предоставила возможности для молниеносной реформы сексуальной и семейной жизни в России. Интенсивность изменений социокультурной среды того времени беспрецедентна. Ни до, ни после исторических аналогов таких масштабных процессов в мире попросту нет.

Спекуляции на тему этих изменений докатываются до нас и сегодня, поэтому для более полной обрисовки мизансцены добавим немного информации о мировом общественном мнении и бытовавших тогда нравах.

Показателен случай, случившийся в 1906 году с Максимом Горьким. Он приехал в США просить денег на большевистскую революцию. В России случилось «кровавое воскресенье», и почва была благодатной. Его встречали как героя до той поры, пока газеты не написали, что он приехал с любовницей, а не с женой. Это был грандиозный скандал! Их выселили из гостиницы, и более Горький ни с кем встретиться не смог.

И в дальнейшем внимание Запада также было пристально приковано к происходящим в России событиям. Очень часто это происходящее демонизировалось. Западные консерваторы встретили попытки большевиков реформировать семью с яростью и тревогой. Это сейчас звучит комично, но в выступлениях правых против советской политики 1920-х годов чувствуется неподдельный страх. Угроза заключалась не в военном завоевании, не в том, что войска прорвутся через Европу и Атлантику, а в том, что советские идеи дома и семьи могут тайно проникнуть через черный ход.

Были и сопереживающие. Например, Морис Гершон Хиндус, писатель и исследователь России, писал в своих трудах: «Введение сексуального соблазна в любой форме в коммерческой жизни они тоже запретили. Нигде нет и намека на секс — ни в витринах магазинов, ни в увеселительных заведениях. В российских фильмах почти нет и следа сексуального подтекста... Российские газеты и журналы на редкость свободны от сексуальных скандалов или разговоров о сексе... Нигде в ресторанах или театрах не выставлены фотографии сладострастных девиц в разнообразных полуобнаженных позах, как например в Берлине. Революционеры рассматривают эксплуатацию женского тела в коммерческих целях как жестокое оскорбление женственности. Нигде в России порнографические фотографии не продаются открыто или тайно — их нельзя иметь. Российская публика не жаждет и не требует опосредованных форм сексуального возбуждения» [7, с. 7].

Отношение к сексу было открытым. Сексуальность и семейные отношения могли принимать самые разнообразные формы, регулировались они на тот момент, пожалуй, только уголовным кодексом.

По мнению Хиндуса, «русские всегда сохраняли что-то от благородных дикарей, здоровое языческое ядро, не подавляемое идеалами западного рыцарства и христианства. Как следствие, в их отношении к сексу была «небрежность, которую трудно понять англосаксонскому уму» [7, с. 7]. Среднестатистическая женщина «говорит о сексе не более сдержанно, чем о музыке, театре, погоде» [7, с. 7].

В самой России мнение о происходящем, разумеется, не было гомогенным. Случались и откровенно странные вещи, которые вносили панику и неразбериху в обществе.

Например, известен такой случай. Прошел слух, что якобы обнаружили плакат в истерзанном войной Саратове, объявляющий мобилизацию женщин в возрасте от семнадцати до тридцати двух лет для распределения «среди мужчин, которые в них нуждаются». Сначала подозревали одних, потом других, и, наконец, большевиков. Хотя никакого плаката так и не было найдено, слух быстро распространился, и аналогичные

сообщения появились в других городах. По слухам, Ленин посмеялся над этой историей [7].

И вот, на фоне истерии и в трудное время идущей гражданской войны происходит масштабная работа по реформированию семьи. Широко обсуждаются права женщин и вопросы феминизма. Пожалуй, впервые в мире разговор происходит серьезно и основательно на эту тему с применением на практике, и первый семейный кодекс, делающий попытку закрепить равные права женщин и мужчин, будет принят уже в 1918 году. Вводят 8-часовой рабочий день, пособие и отпуск по беременности и родам, минимальную оплату труда вне зависимости от пола.

Восхищает тот обширный перечень вопросов, в том числе и этических, медицинских, которые были подняты большевиками и причастными, равно как и свобода, и глубина их обсуждений. Это была фундаментальная работа многих людей. И я уверена, что у нас в архивах много материалов, которые могут быть полезны нам даже сегодня несмотря на то, что прошло более ста лет.

Например, проводилось масштабное анкетирование, касающееся половой жизни молодежи. Эти данные сравнивались с исследованиями в царской России. Они носили уже более масштабный характер, этому способствовало прекращение деления общества на классы. В фокусе оказались даже такие вопросы, как возраст первых сексуальных ощущений, взаимодействия с проститутками, венерические заболевания. В конце 150-страничного труда Израиля Григорьевича Гельмана «Половая жизнь современной молодежи» (1923) приведены выдержки из анкет, достаточно откровенные, чтобы сделать выводы о том, чем жило и дышало студенчество того времени и круг волнующих их проблем, не только сексуальных [2].

Похоже, что те времена хотели действительно создать свободное от предрассудков общество, с равными правами и для мужчин, и для женщин. Это касалось совершенно всех аспектов жизни, начиная с образования и брачных отношений, заканчивая свободным, лишенным предрассудков, выражением сексуальности. Были упразднены дома терпимости, широко распространенные в имперской России. Равные права мужчин и

женщин прописаны в нормативных актах, в том числе в семейном кодексе. Были разрешены разводы и аборты. То есть вынужденные браки остались в прошлом, создав почву для свободного выбора. Семейным кодексом церковный брак был отодвинут на второй план.

Никакие браки без любви более не заключаются. И поскольку имущественные, расовые, религиозные и другие традиционные требования к брачному партнеру были отменены, существует практическая свобода полового выбора.

Наряду со всем этим шла полемика о буржуазности и ее проявлениях. Например, кое-где не пришлись ко двору девичьи косы. Девушек заставляли их отрезать. Да и, в принципе, не поощрялись женственные образы, чтобы не смущать мужчин и не отвлекать от великих целей. Рассуждали о рабочих коллективах как о семье, и о том, что общественные потребности преобладают над частными.

Одновременно с этим протекают революционные процессы и по отрицанию, отмене каких бы то ни было авторитетов, пересмотр и борьба с традициями. Никакая власть, ничей авторитет не могли чувствовать себя в безопасности. Восстание происходило от самых сердец, и, если угодно — из бессознательного. В это время можно было организовать ячейку хулиганов, как это сделал Ханин и с гордостью носить значок «хулиган». Он вспоминал, как пытался убедить своих друзей оставить свой след в истории, участвовать в ее формировании.

Революция стала стимулом для пробуждения тщеславия молодежи, многие стремились в полной мере реализовать внутренние побуждения создать мир мечты, даже если они не разделяли идеи большевиков. Они постоянно слышали, что на их долю выпала возможность вести мир к светлому коммунистическому будущему. В молодых людях Страны Советов можно заподозрить ницшеанский комплекс «сверхчеловека», или иллюзию детского всемогущества. Только что свершившийся государственный переворот оправдывал и собственные антиправительственные побуждения. Цитирование Маркса было признаком прогрессивности, но бунтарство могло проявляться так же и во внешнем виде. Быть растрепанным, неопрятным, грубым — такая же форма протеста против буржуазного

общества, как и кожанки с наганами. Логика противопоставления неряшливости буржуазии понятна — вежливые, скромные и аккуратные были дискредитированы буржуазией. Комиссар здравоохранения, Николай Семашко, критиковал «культ неряшливости», говоря, что он свидетельствует об отсутствии самоуважения и дисциплины. Однако интересен сам факт этого в чистом виде «народного творчества».

Октябрьская революция сделала политику личным делом, а личное — делом политическим. Устранение различий между личным и общественным было главным делом новой власти. Самоанализ сделался неотъемлемой частью жизни общества. Каждый мельчайший нюанс одежды, поведения, каждый поступок анализировался. Множество вопросов поступало властям, в редакции газет приходили письма с просьбами дать совет, рассказать, как правильно поступать в той или иной ситуации. Комсомольские власти разбирали даже такие вопросы — может ли комсомолец пить пиво в баре со значком КИМ на груди?

При этом диффузное взаимопроникновение окружающей среды и революционных идей вносило свои коррективы в планы большевиков, на которые они не могли не реагировать. Они верили, что коммунистическая идея всецело захватит общество, однако не могли избежать некой расщепленности, двойной веры. Точно так же, как христианство впитало в себя языческие традиции, так и новая марксистская «религия» переформатировалась под общественные интересы.

Разумеется, при столь глобальных общественных изменениях вопрос секса и отношений не мог быть обойден стороной. Освобождение от оков религии, революция в мышлении создали благоприятные условия для экспериментов в вопросах полового поведения в обществе. Иногда эксперименты выходят за рамки, и мы видим сообщения криминальной хроники, громкие дела тех лет, которые поражают и сегодня. Кроме того, доступны публикации в газетах, письмах, партийных отчетах, отчетах профильных комиссариатов. Мы не можем знать точное количество людей, решивших испытать на себе все «прелести» свободных отношений, но можно охарактеризовать примерный круг связанных с этим проблем. Если рассматривать их в

совокупности, то можно утверждать, что часто сомнительное поведение оправдывалось «нуждами революции», некой псевдоидеологической подоплекой.

В письмах того времени часто встречаются курьезные заявления. Вот отрывки письма «горе-комсомольца», рассуждающего о распущенности и выдержанности: «Возьмем, к примеру, водку. Продукция рабоче-крестьянской государственной промышленности. И ежели я потребляю эту продукцию, значит, расширяю товарооборот госспиртвинторговли, значит, способствую повышению производительности этой отрасли промышленности, значит, повышаю заработную плату рабочему классу. А раз так, значит, я есть строитель социализма. И на то, что вредно для здоровья водку пить, не посмотрю, потому — не пожалею себя для торжества революции и социалистического строительства... Вот и получается, что не распущенность, а выдержанность. И я, как активист, должен всемерно проявлять выдержанность. А говорят еще — распущенность...» [3, с. 335].

Но на алкоголе наш герой не останавливается и мчит безудержно к строительству светлого будущего: «То же самое про половую этику. […] Например, подхожу я к комсомолочке, хорошенькой такой, розовощеконькой, и чисто по-товарищески, по-дружески, без каких-либо намеков кладу руку ей на грудь и хочу поговорить насчет прибавочной стоимости. А она от меня, как ошпаренная, отскакивает, да кричит еще, что я нахал и хам. Ну, что это, спрашивается, такое? По-моему, это — совершенно недопустимое в наших стальных комсомольских рядах отъявленное мещанство» [3, с. 335].

Когда кругом одни враги, могут быть выбраны специфические методы проверки «наш-не наш»: «Нимало не смущаясь, райкомский пропагандист перешел от общеидеологической к программной части испытания.

— Согласны ли вы, товарищ Диковская, с тем, что сродство душ должно быть соединено со сродством тел. И вообще, какое ваше отношение к проблеме пола? Ведь вот, наблюдая половую жизнь кур и петухов, мы убеждаемся...

Нина Диковская разъярилась, повторила, что знать не хочет и что никакого отношения к проблеме пола и к жизни кур иметь не желает. […].

Немедленно новостародубский райком ВЛКСМ исключает Диковскую за мещанский уклон. Помимо ячейки. Когда же ячейка требует разъяснений, для дачи таковых прибывает все тот же неутомимый пропагандист Марголис и со зловещим спокойствием изрекает только одно слово:

— Мещанка.

...Не будем передавать подробности бурного собрания ячейки. Секретарь райпарткома признал, что девушка исключена неправильно» [3, с. 355].

Однако далеко не все женщины считали себя жертвами извращенных революционных идеалов. Провозглашенная эмансипация дала некоторым ощущение расширения прав и возможностей, подобное тому, что было у молодых людей. В «Красном студенчестве» Бирюкова, высказывая свое мнение о героине рассказа Пантелеймона Романова «Без черемухи», сравнила ее покорность с покорностью жертвы сексуального насилия. Тогда как «многие девушки прекрасно знают, чего они хотят от парня. Многие и многие из них без особых «переживаний» по здоровому влечению сходятся с ними» [1, с. 30], «мы не объекты, простачки, за которыми парни должны ухаживать. Девушки видят и знают тех, кого они выбирают и с кем сходятся» [1, с. 30].

В интонации Бирюковой отчетливо слышен гнев. Женщинам наконец-то дали равные права, но не все женщины готовы ими воспользоваться. Для Бирюковой эмансипация означает свободу отвергнуть неугодного ухажера, она чувствует ответственность за свою жизнь и выбор. Поэтому любое предположение о виктимизации было для Бирюковой личным оскорблением.

В целом, в этот период ведут противостояние три основные теории сексуальных отношений. Первая — теория «стакана воды»: любви не существует, есть физиологические стремления, и заняться сексом должно быть так же просто, как выпить стакан воды. Вторая — «теория крылатого Эроса», которая, на мой взгляд, является более сложной версией теории «стакана воды». Обе эти теории приписываются Коллонтай. И третья, «официальная», я бы назвала ее теорией Смидович. Это вполне традиционный взгляд на крепкую семью как на ячейку обще-

ства. Софья Смидович была главой женотдела, ее ответы читателям, статьи можно часто встретить в периодике того времени. Каким-то остряком была даже придумана фраза: «Она любила по Смидович, а он любил по Коллонтай» [4].

Аборты становились разновидностью контрацепции. Разумеется, государство не устраивало такое положение.

Еще Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» писал: «Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины? Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится» [5, с. 33].

Сам Ленин вот что говорил по этому поводу в беседе с К. Цеткин в 1920 году: «Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, "принципиально" и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию "революционной" и "коммунистической". Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая "новая половая жизнь" молодежи, а часто и взрослых довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории "стакана воды" наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. … Я считаю знаменитую теорию "стакана воды" совершенно не марксистской и сверх того противообщественной» [6, с. 77].

Ленин считал, по многочисленным свидетельствам, что вопросам секса и отношениям полов уделяется чрезвычайно и неоправданно много внимания. Цели строителей коммунизма были дерзкими и весьма амбициозными и отнюдь не ограничивались эмансипацией и семейной реформой.

Он имел в своей библиотеке три тома работ Фрейда [8] и был знаком с основами психоаналитической теории. В целом, по

моему мнению, причины неудач в распространении психоанализа в тот период можно охарактеризовать в нескольких пунктах:

1. Психоанализ был достаточно молодой наукой, причем в значительной мере теоретической. К тому же он был направлен в основном на индивидуальную работу, а не на работу с группами.

2. В 1921 году увидела свет работа Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я». Маловероятно, чтобы эта работа, или отдельные ее элементы, не обсуждались в партийных верхушках. Троцкий, известный поклонник психоанализа стремительно терял доверие и голос его становился все более слабым. К тому же сам Фрейд не стремился к тому, чтобы способствовать продвижению своих идей в России. Он считал идеи марксизма противоречащими самой сути психоанализа, тогда как психоаналитики-марксисты того времени считали обратное — что капитализм ему противоречит.

3. В это же время активно развивается рефлексология академиком Павловым, которая показывает реальные, измеримые и материальные результаты.

Рост количества абортов, медицинских осложнений после них, маргинализация, венерических заболеваний, беспризорности, насилия, алкоголизма, самоубийств, откровенный разврат среди части молодежи в передовом социалистическом государстве заставляет советское руководство принять меры и «закручивать гайки». Гуманитарная ситуация была страшной. Чубаровское дело, кореньковщина, ряд других громких дел, широко освещаемых в прессе тех лет, ставили точку на беспрецедентном эксперименте большевиков и советского народа. Сложилось впечатление, что чем шире было обсуждение и освещение вопроса, тем хуже впоследствии обстояли дела.

К 1936 году будут приняты постановления об усложнении процедуры развода, запрете абортов, и дополнительные меры по поддержанию материнства. Теории беспорядочных половых связей будут объявлены антисоветскими.

Таким образом, сейчас нам предоставляется возможность без излишней эмоциональности порассуждать и осмыслить, почему же так получилось. Как при абсолютно позитивном посыле свободы, равенства и братства могла появиться на свет

такая пугающая реальность? На мой взгляд, это прекрасная почва для рассуждений об эмансипации, феминизме, о правах меньшинств, о роли семьи в жизни человека.

Сто лет назад наше общество уже переживало эпоху сексуальной революции, и этот период подлежит тщательному изучению, беспристрастному и непредвзятому, идеологически очищенному. «Живые» голоса уже умерших людей — а надо отметить чрезвычайную образность языка того времени — то, что мы сейчас утрачиваем в виду доступности видеоряда, рассказывают нам свою историю, историю целого народа того времени.

Возможно, время для таких реформ было выбрано неподходящее и потому чрезмерные испытания сломали многих. А возможно, закон слишком необходим человеку и при отсутствии рамок он начинает страдать — вопрос, на мой взгляд, до сих пор остается открытым.

Библиографический список:

1. Бирюкова. Мы сами умеем целовать... (Письмо) // Красное студенчество. — 1927. — № 3.
2. Гельман И. Половая жизнь советской молодежи: опыт социально-биологического обследования. — М.: Мосполиграф, 1923. — 150 с.
3. Комсомольский быт. — Ленинград: Молодая Гвардия, 1927. — 360 с.
4. Роговин В. З. Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х годов // Социальные исследования. — 1970. — Вып. 4 — С. 88—114.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М.: Политиздат, 1986. — 639 с.
6. Цеткин К. Сборник «О Ленине». — Ленинград: Печатный двор, 1933. — 96 с.
7. Carlton G. Sexual revolution in bolshevik Russia. — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2005. — 272 p.
8. Chemouni J. Lenin, sexuality and psychoanalysis // Psychoanalysis and History. — 2004. — № 6 (2). — P. 135—159.

CHANGING VIEWS ON FAMILY AND RELATIONSHIPS IN RUSSIA IN THE 1920S: A PSYCHOANALYTIC READING

Rudich Svetlana Alekseevna
bachelor of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article examines the socio-cultural processes in Russia in the 1920s-30s. Legislative changes, popular interpretations of the ideas of communism with examples from periodicals of that time. Along with the processes of marginalization of society, active scientific research is underway, through trial and error, scientific and political leadership is taking steps to stabilize the situation.

Keywords: sexual revolution, family system, abortion, street children, sexual promiscuity, family code, soviet periodicals

1.4. КРИТИКА ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА И «СЕКСУАЛЬНОЙ» СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ 1920-х ГОДОВ

Кудрявцева Маргарита Борисовна
психоаналитик,
г. Москва

Аннотация. В данной статье предпринята попытка представить обзор основных критических высказываний советских психологов по поводу психоанализа, в частности, его идеи о сексуальном влечении. Рассмотрены взгляды П. П. Блонского, В. Н. Волошинова, К. Платонова, В. М. Гаккебуша, А. М. Рейснера.

Ключевые слова: история психоанализа, советская психология, сексуальное влечение

Настоящая статья посвящена разбору критических высказываний о «сексуальной» части психоаналитического учения, предложенных психологами и исследователями психоанализа в СССР в двадцатые—тридцатые годы двадцатого века. На рассмотренном материале видно, как происходило постепенное движение от первоначального признания значимости вклада Зигмунда Фрейда в лечение психических проблем к полному отрицанию возможности применения положений психоанализа в советском обществе.

Большую роль отводит критике сексуальных теорий в психоанализе Валентин Николаевич Волошинов. Его труд «Фрейдизм», опубликованный в 1927 году, представляет собой последовательное и довольно объемное рассмотрение фрейдовской теории, в том числе понятия эдипова комплекса. Будучи по специальности философом и лингвистом, Волошинов много внимания обращает на мифологическую составляющую этого понятия. Подробное изложение представлений Фрейда о сексуальности, предпринятое Волошиновым, дает нам понять, что последний действительно был хорошо знаком с фрейдов-

ским учением, а также взглядами других современных ему психоаналитиков. Критика фрейдовской теории начинается у Волошинова с осуждения «сектантской терминологии» и «сектантских навыков работы и мышления» [1] как присущих субъективной психологии «пороков». Подход Фрейда к описанию эрогенных зон, по мнению Волошинова, — это психологизация соматического, причем чрезмерная; он считает неверным то, что фрейдизм говорит только о психической стороне органов человека, игнорируя их физиологическую составляющую, те процессы, которые разворачиваются в телесном, материальном мире. Таким образом, считает Волошинов, происходит своеобразное дублирование эрогенных зон — их судьба в психике никак не связана с физиологическим состоянием. Говоря об анальной эротике, Волошинов также критикует Фрейда за отсутствие внимания к социальной среде, тогда как, например, накопление денег и скупость гораздо естественнее объяснить влиянием среды, а не «натянутым субъективным сходством» [1] между калом и золотом. Психика для материалиста Волошинова является «новым качеством материи» [1], он критикует фрейдистов за то, что они не рассматривают вопрос о том, откуда появляется это «нейтральное бытие», то есть фрейдовское бессознательное, и подчеркивает, что во внешнем опыте бессознательное никак не проявляется. Любые высказывания сторонников фрейдовской теории об опоре психоанализа на биологию Волошинов отвергает как попытки субъективизации биологии. Подводя итог критической главы, ученый признает то, что психоанализ вносит новое в описание человеческой психики, но не принимает метод самонаблюдения, которым пользуются психоаналитики, как абсолютно ненаучный.

Павел Петрович Блонский, статью которого мы будем рассматривать далее, активно участвовал в критике психоанализа и формировании естественнонаучного подхода к психологии человека. Разбираемая нами статья «К критике фрейдистской теории детской сексуальности» 1935 года представляет собой главу из книги «Очерки детской сексуальности».

В целом к критике учения Фрейда Блонский, как и Волошинов, подходит с позиций естественнонаучного доказатель-

ства, он критикует Фрейда за недостаточно сильную аргументацию и отсутствие достаточных статистических данных. Начинает он с того, что и сам в своей работе в основном пользуется ретроспекцией, однако мы в своих воспоминаниях о детстве не обнаруживаем того, что говорят фрейдисты, а значит, это невозможно подтвердить. Идею, что такие воспоминания могут быть вытесненными, как неприятные, Блонский тоже отвергает, потому что страх, боль и удивление — это лучшие мнемонические факторы. Подтверждение идей клиническим материалом из практики Фрейда тоже не может служить достаточным доказательством — Блонский отмечает, что материал этот казусный, а не систематический. А те случаи, которые Фрейд приводит, недостаточно истолкованы — непонятно, точно ли это забывание или воля субъекта. Эту критику Блонский резюмирует так: человек склонен забывать то, что помнить не в его интересах, то есть идея Фрейда должна быть изменена так: «некоторые неприятности забываются» [1]. Затем следует разбор второй части идеи Фрейда о сексуальности — что неприятны воспоминания о сексуальных переживаниях. На это Блонский отвечает, что как раз запретное и греховное обычно наиболее привлекательно. Итак, из этих размышлений Блонского следует вывод, что тезис Фрейда должен звучать следующим образом: «некоторые неприятные воспоминания о ранних сексуальных переживаниях забываются» [1].

Вторая часть статьи начинается с критики методов — по мнению Блонского, при помощи тех методов, которые использует Фрейд — наблюдение, примеры из практики — можно доказать, что угодно. И хотя фрейдизм своими гипотезами очень стимулировал изучение детской сексуальности (что важно для самого Блонского — он активно развивал педологию в СССР), но также и породил очень много «фантастического». Фрейдистские интерпретации кажутся Блонскому произвольными, при этом одна из возможных интерпретаций принимается фрейдистами как единственно возможная, а все остальные варианты даже не рассматриваются.

Затем Блонский переходит к критическому рассмотрению стадий сексуального развития, описанных Фрейдом. Фрейд, на его взгляд, не совершил никакого открытия в этой области —

Лигднер в 1876 году уже говорил о либидинозном характере сосания у младенца. Доказательства же либидинозного удовольствия от сосания Блонский считает неверными — с его точки зрения, здесь мы снова видим злоупотребление аналогией: похожая мимика не означает, что младенец при сосании испытывает то же удовольствие, что и человек, испытывающий оргазм. Хорошо знакомый с работами неврологов, Блонский отвергает и другие фрейдовские объяснения либидинозного характера сосания — и сосание при отсутствии голода, и хватание при сосании (приводящее затем к мастурбированию) отнесены им не к влечениям, а к рефлексам.

Так же Блонский критикует выведение эрогенного значения рта во взрослом возрасте из младенчества. Да, в поцелуях, фелляции, кунилингусе и сосании груди в сексуальных отношениях рот имеет эрогенную составляющую, но это не значит, что эта эрогенность идет из младенчества — по мнению ученого нет убедительных доказательств, позволяющих нам провести связь и сказать, что рот именно «не теряет» своего эрогенного значения. Фрейдистские интерпретации симптомов, основанные на сексуальности, не подтверждаются статистически — это всего лишь одна из возможных причин, но это не значит, что это единственная интерпретация. Блонский пишет, что таким образом можно что угодно описать как сексуальное явление: то, где есть повышенная сексуальность — сексуальное явление, где сексуальность пониженная, есть вытеснение, и значит, это тоже сексуальное явление.

Критика анально-садистической фазы, которой посвящена четвертая часть — это тоже критика поверхностных аналогий вместо строгих научных доказательств. Объяснение этой фазы выглядит для Блонского еще более фантастично, так как здесь совсем отсутствует фактическая основа, даже в очень поверхностных аналогиях. Психоаналитические умозаключения для Блонского выглядят громоздкими и ненужными — Фрейд предлагает сложные и хитроумные объяснения действиям детей там, где происходит что-то обычное и понятное без того. Пятая часть — это во многом сравнение психоанализа с религиозными верованиями, «наукой богословов». Это подтверждает ненаучность психоанализа — как и религия, он обращается к «тем-

ным» областям. Если для религии такое «темное» место — загробная жизнь, то для психоанализа — это ранние детские переживания. Блонский добавляет, что маловероятно, что детская сексуальность «затихает» с 5 до 12—14 лет, так как, по его мнению, в этом возрасте как раз сексуальность начинает очень активно проявляться. Завершается статья тем, что Блонский называет основной причиной успеха психоанализа его пикантность, а еще одной — интерес людей к темным областям. Увлеченные этими темами люди забывают о том, что выводы психоанализа получают из неверно проведенных экспериментов.

Критику сексуальной составляющей психоаналитического учения мы встречаем и в предисловии к «Психоанализу коммунизма» Георгия Юрьевича Малиса, написанном учеником В. М. Бехтерева Константином Ивановичем Платоновым (1924). Платонов отмечает, что Фрейд очень широко распространяет влияние libido, толкуя с его помощью и неврозы индивидуальной души, и проявления духовной культуры в целом, и это приводит к слишком большому распространению фрейдовского учения, что ухудшает качество. Так же Платонов критикует исключительность сексуального объяснения неврозов, приводя в качестве примеров несколько клинических случаев, где источник невроза может находиться вне сексуальной сферы. Психоаналитик-фрейдист, по его мнению, заранее подходит к трактовке симптома с предвзятостью, стараясь объяснить невроз именно нарушениями в области сексуальности.

Профессор М. А. Рейснер, на которого ссылается В. М. Гаккебуш в своей статье «К критике современного применения психоаналитического метода лечения» высказывается следующим образом: психоанализ как метод опирается на эротику, а сексуальность, по его мнению, есть «ближайшая основа мистицизма и церковности» [2], и все три явления относятся к гибнущей идеологии буржуазии. Сам же Гаккебуш отмечает, что несмотря на важность открытий Зигмунда Фрейда, в современный ему период так часто встречаются «дикие» психоаналитики, которые ошибочно и чрезмерно используют психоанализ (в том числе излишне трактуют сновидения или слишком сильно опираются на сексуальную

составляющую), что психоанализ становится не только не полезным, но даже ухудшающим здоровье пациента. Сексуальные конфликты, пишет Гаккебуш, действительно играют значительную роль в неврозах некоторых слоев населения, но, ссылаясь на исследования А. Б. Залкинда, говорит о том, что это совсем не свойственно представителям «широкой пролетарской массы» [2].

Подводя итог вышесказанному, мы можем заметить следующее. Исследования психоанализа в двадцатые—тридцатые годы в СССР производились людьми широко образованными и хорошо знакомыми с текстами не только самого Фрейда, но и других современных им психоаналитиков. Как видно из некоторых источников, исследователям была доступна новая литература и даже некоторые подробности разворачивающихся споров вокруг сформировавшихся психоаналитических сообществ и полемики насчет психоаналитического учения. В то же время нарастает стремление осудить недостаточно научный уровень доказательств, на которые опирается психоанализ, увидеть в нем схожесть с мистицизмом и непринятие только лишь биологического обоснования процессов, происходящих в психике. Все это послужило дальнейшему отказу от психоанализа в пользу более естественно-научных подходов в психологии. «Сексуальная» составляющая теории Зигмунда Фрейда описывается как что-то чуждое пролетарским массам, неочевидное, отчасти даже мистическое (и привлекающее этим внимание), а также как то, что не может быть доказано методами естественных наук.

Библиографический список:

1. Блонский П. П. К критике фрейдистской теории сексуальности // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 703—712.
2. Волошинов В. Н. Фрейдизм. — М.: Госиздат, 1927. — 165 с.
3. Гаккебуш В. М. К критике современного применения психоаналитического метода лечения // Сумма психоанализа. Т. 4. — М., 2006. — С. 156—162.

4. Платонов К. И. Предисловие // Малис Г. Психоанализ коммунизма. — Харьков: Космос, 1924. — С. 5—20.
5. Рейснер М. А. Фрейдизм и буржуазная идеология // Антология российского психоанализа. Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. — С. 492—509.

CRITIQUES OF THE OEDIPUS COMPLEX AND THE «SEXUAL» COMPONENT OF PSYCHOANALYTIC THEORY IN THE WORKS OF SOVIET SPECIALISTS IN THE 1920-s

Kudryavtseva Margarita Borisovna
psychoanalyst,
Moscow

Abstract. This article attempts to provide an overview of the main critical statements of soviet psychologists about psychoanalysis, in particular, psychoanalytical ideas about sexual drive. It contains the review of critical ideas of P.P. Blonsky, V. N. Voloshinov, K. Platonov, V.M. Gakkebush, A.M. Reisner.

Keywords: history of psychoanalysis, soviet psychology, sexual drive

1.5. ИСТОРИЯ ПСИХОАНАЛИЗА В КАЗАНИ

Стрелкова Ралина Владимировна
психолог в ГК Innostage, магистр психологии,
г. Казань

Аннотация. В статье рассмотрена периодизация развития психоанализа в Казани в связке с известными именами основоположников, популяризаторов, сторонников и противников.

Ключевые слова: история психоанализа, психоанализ в Казани, психология

История психоанализа в России вплетена в узор из политических, исторических, социальных и культурных процессов того времени, когда врачи или пациенты возвращались с новым опытом на родину, когда переводились тексты основоположников, когда собирались увлеченные умы. Важным или, по крайней мере, интересным пунктом в этой истории можно считать Казань.

Итак, историю психоанализа можно разделить на четыре периода, в которых можно выделить следующие фамилии:

— Первый период (1890—1917): Л. О. Даркшевич, Н. А. Вырубов, В. М. Бехтерев;

— Второй период (1918—1940): А. Р. Лурия, Б. Д. Фридман, Р. А. Авербух;

— Третий период (1941—1986): Д. М. Менделевич;

— Четвертый период (1987—2006): психологи-психоаналитики Р. Р. Гатупов, Л. М. Галимова, Р. Р. Гарифуллин, Н. Ю. Хусайнова, И. М. Юсупов [1].

Когда невропатолог Ливерий Осипович Даркшевич работал вместе с Зигмундом Фрейдом в лаборатории Теодора Мейнерта в Вене и у доктора Шарко в клинике Сальпетриер, они вместе выпустили научную статью «Сложный острый неврит неврозов спинного и головного мозга» (1886) [7]. В своих сочинениях о нервных болезнях профессор Даркшевич ссылался на Фрейда и даже рекомендовал его метод для лечения истерии в клиниках [2].

Значимой фигурой в психиатрии, как и в истории казанского наследия, является Владимир Михайлович Бехтерев. Он стал причиной двух узлов в общей канве истории: Владимир Михайлович занимался лечением небезызвестного Сергея Панкеева и сыграл свою роль в становлении Александра Романовича Лурии.

Сергей Панкеев был пациентом Бехтерева, проходил лечение внушением и гипнозом, после которого тем не менее поехал в Вену к Зигмунду Фрейду. Именно работа с этим пациентом известна нам как случай «Человека с волками».

В 1918 году Александр Романович Лурия поступил в Казанский Университет. Еще студентом стал интересоваться психологией, однако классика психологических трудов того времени вызывала такие мысли: «Я начал свой путь в науке с того, что получил прочное, длительное и совершенно безоговорочное отвращение к психологии» [6, с. 412].

Классическая психологическая литература того времени, по мнению Александра Романовича, не давала ни малейшего представления о личности или внутреннем мире человека. Такое разочарование молодого дарования чуть было не стало причиной отказа от дальнейшего исследования и работы в области психологии [6]. К счастью, Лурия удачно открывает том «Толкование сновидений» Фрейда, основывает психоаналитический кружок, переводит и обсуждает психоаналитические труды. В архивах Лурии хранится письмо, свидетельствующее о переписке с основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом [5].

Казань конкурирует с Москвой за право быть включенной в официальное психоаналитическое сообщество. Конфликт решается переездом Лурии в Москву. Казанский кружок еще существует какое-то время.

Третий период связан с именем Давыда Моисеевича Менделевича, советского и российского психиатра. Примечательно, что, не будучи сторонником, а порой будучи критиком психоанализа, казанский профессор все же говорил о методе и упоминал Зигмунда Фрейда на своих лекциях, поддерживая интерес студентов к теме [1].

Более современный период (1987—2006) связан с именами казанских профессоров и доцентов, которые обучались в Восточно-Европейском институте психоанализа (Санкт-Петербург) и основывали ассоциации и организации, способствующие развитию институций для популяризации знаний и создания необходимой среды для взращивания специалистов.

Говоря о дне сегодняшнем, можно выделить также ряд институций и фамилий, благодаря которым поддерживается интерес к психоанализу: инициативная группа «Эти ваши анализы», Павел Афанасьев, Юрий Ширяев и др. Ныне психоанализ в Казани представлен в виде формата совместных чтений трудов отцов-основателей и современных психоаналитиков, международных междисциплинарных онлайн-конференций, городских психологических фестивалей и научно-популярных лекций, обучающих семинаров и супервизий с участием коллег из Санкт-Петербурга.

Таким образом, история психоанализа в Казани, разделенная на четыре вышеупомянутых периода, тем не менее, не перестает писаться и по сей день.

Библиографический список:

1. Гатупов Р. Р. Практический психоанализ. — М.: Русайнс, 2017. — 347 с.
2. Даркшевич Л. О. Курс нервных болезней. — Казань: Издательство братьев Башмаковых, 1914. — С. 56—58.
3. Егоров Б. Е., Каннабих Ю. В., Юнг К. Классика русского психоанализа и психотерапии. Т. 1. — М.: СИП РИА, 2004. — 285 с.
4. Лайне С. В. Зигмунд Фрейд. Письма к невесте. — М: Московский рабочий, 1994. — 7 с.
5. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. — М: Издательство Московского Университета, 2001. — 85 с.
6. Степанов С.С. Век психологии: Имена и судьбы. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 412 с.
7. Шерток Л., Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. — М.: Прогресс, 1991. — 121 с.

8. Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. — СПб: Медуза, 1993. — 115 с.

HISTORY OF PSYCHOANALYSIS IN KAZAN

Strelkova Ralina Vladimirovna
psychologist at Innostage, master of psychology,
Kazan

Abstract. The article considers the periodization of the development of psychoanalysis in Kazan in connection with the known names of the founders, popularizers, supporters and opponents.

Keywords: history of psychoanalysis, psychoanalysis in Kazan, psychology

Раздел 2. ПЕРСОНАЛИИ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ РОССИЙСКИХ ПСИХОАНАЛИТИКОВ

2.1. ВСЕСТОРОННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЯЗИ С ПРАКТИКУЕМЫМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ЛЕЧЕНИЕМ

Сак Юлия Петровна
аналитический психолог,
г. Минск

Аннотация. Статья раскрывает одну из областей исследования первых российских психоаналитиков в начале XX века. Один из путей освоения психоанализа проходил через изучение ассоциативной деятельности человека через ассоциативный эксперимент. В статье не только представлены результаты этих исследований (виды ассоциаций, законы ассоциативной деятельности, ее гендерные особенности, особенности ее протекания в связи с образованностью испытуемых), но и приводятся примеры использования ассоциативного эксперимента в практических, терапевтических целях.

Ключевые слова: ассоциации, законы ассоциативной деятельности, ассоциативный эксперимент

В своей вступительной статье к книге З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» 1925 года Моисей Владимирович Вульф, российский психиатр, психоаналитик, отмечает, что у читателей, недостаточно глубоко знающих работы Фрейда, складывается ошибочное представление о том, что данная работа первооткрывателя психоанализа является «переломом» и для самого учения, и для его автора, что сначала подход к вопросу о влечениях был чисто физиологический, а сам Фрейд придерживался точной научной мысли врача-естествоиспытателя и только после данной работы его мысль приобрела определенный метафизический и даже мистический

уклон. Вульф доказывает ошибочность этого предположения: «В этой книге изложено только дальнейшее вполне последовательное развитие проблем, поставленных уже в предыдущих работах» [2, с. 147]. Подобную ситуацию можно наблюдать в процессе развития психоаналитической мысли в России. Получив первые представления о практикуемом на Западе психоаналитическом методе Фрейда, отметив его абсолютную новизну и своеобразие по сравнению с обычной методикой лечения заболеваний души и нервной системы, русские психологи и психиатры активно занялись внедрением этого метода в собственную практику, а также исследованием отдельных вопросов этого учения. И подходили к таким исследованиям зачастую со всей своей глубиной теоретического и практического опыта. А явно проявляющиеся взаимосвязи физиологических реакций и психического содержания были одними из первых наблюдаемых и вызывающих интерес явлений. Ассоциативный эксперимент эти явления доступно демонстрировал.

Исходя из современной точки зрения, трудно понять важную роль ассоциативного эксперимента в практике психоанализа того времени. Эта роль выявляется по крупицам из различных публикаций в начале XX века. Например, в статье М. М. Асатиани «Современное состояние вопроса теории и практики психоанализа по взглядам Юнга» (1910) в журнале «Психотерапия» приводится исследование Эммы Фюрст, ученицы К. Юнга, которая применила ассоциативный эксперимент в нескольких семьях к различным ее членам. На основе результатов проведенного исследования приводится заключение, что «дети воспринимают окружающую среду через своих родителей, попросту говоря, смотрят на нее их глазами… Оказалось, что тип словесных реакций, которые давали девочки 11—12 лет, почти тождественен с тем, что получалось у матерей этих девочек. Мало того, было удивительное сходство и даже тождество комплексов, то есть группы ассоциаций сильного чувственного тона. У одной девочки точно так же, как у матери ее, которая была покинута изменившим ей мужем, в ответных реакциях попались комплексы измены, одиночества» [1, с. 119]. Можно предположить, что значительная часть психологии

комплексов строилась на подобного рода исследованиях. Значение ассоциативного эксперимента для русского психоанализа в то время отражено в краткой формулировке А. И. Геймановича, ученого, невропатолога, директора Украинского психоневрологического института — это «методика, раскрывающая святая святых человеческой души, может сыграть чрезвычайно важную роль в психоанализе» [4, с. 74]. Таким образом, ассоциативный эксперимент шел рука об руку с другими техниками психоанализа, такими как катартический метод Брейера и Фрейда, метод Беццолы, более известный под названием «психосинтез» [4, с. 75], метод свободных ассоциаций и даже гипноз.

Используя работы западных коллег, причем не только занимающихся психоанализом (Вильгельм Вундт, Теодор Циен, Эмиль Крепелин, Карл Юнг, Франц Риклин), русские психологи, психиатры углубились в изучение этого вопроса. Методично и тщательно изучались особенности ассоциативных процессов, причем не только с точки зрения влияния внешних условий на их течение, но и с точки зрения влияния индивидуальных психологических и психопатологических предпосылок личности. Многие из исследователей в той или иной мере описывали метод свободных ассоциаций или ассоциативный эксперимент в своих публикациях. После опубликования работ коллег клиники в Цюрихе, касающихся ассоциативного эксперимента, некоторые из российских ученых провели ряд исследований с целью проверки выводов, сделанных западными специалистами, а также с целью углубления изучения как метода, так и самого ассоциативного процесса. Более подробно остановимся на статье Николая Алексеевича Вырубова «К патологии ассоциаций», опубликованной в 1914 году в периодическом издании «Психотерапия» — «Обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии» (№ 4), и статье Довбни Евгения Николаевича «Ассоциативный эксперимент у душевноздоровых», опубликованном в том же издании (№ 2—3).

Вырубов уже в самом начале статьи кратко представляет общие замечания относительно ассоциаций. Основной акцент он делает на физиологических, а точнее даже нейронных механизмах ассоциативного процесса, при этом упоминается о

некотором латентном (в значении скрытом) предрасположении, способном пробудиться в действенное возбуждение, а также о возможности этой латентной области расширяться, трансформироваться, видоизменяться в топологическом смысле. И это уже о бессознательном в психоаналитическом смысле, которое сам Николай Алексеевич, следом за Теодором Циеном, немецким психиатром, невропатологом, обозначает как представления «над порогом сознания». Следовательно, Вырубов видел в качестве бессознательного сами ассоциации и идеи, в которые ассоциации могут объединяться. Здесь же и упоминается о связи ассоциативного процесса с процессами памяти.

Далее приводятся на рассмотрение две несколько отличающиеся точки зрения на течение ассоциирования: В. Вундта и Т. Циена. Первая заключается в том, что воспроизведение латентного (то есть бессознательного) при нормальных условиях обусловлено двумя факторами: пережитым опытом (собственно, так называемое ассоциативное течение) и предрасположенностью чувств и воли человека (апперцептивное течение представлений), в последнем выделяется роль интроспекции, осознания. На этих факторах строится определение ассоциаций представлений В. Вундта. Это отношения, в которых воспроизведенные представления находятся в тесной связи с чувственными восприятиями и в связи друг с другом. Иной взгляд на ассоциирование предлагает Т. Циен, в котором способность к апперцепции (в том числе и интроспекции) в процессе ассоциирования не признается. Например, зрительные ощущения черной тучи не изолированы. С ними связан ряд других представлений-воспоминаний о дожде. И этим представлениям соответствуют участки возбуждения в коре головного мозга, которое сформировалось в результате неоднократных ощущений дождя. Под влиянием ассоциаций это латентное возбуждение становится действенным. В данном случае ассоциации связаны только со скрытыми образами воспоминаний. Именно в этом пункте Вырубов склоняется к тому, что ассоциативный процесс основывается на чисто психофизиологических механизмах [3, с. 208].

Все ассоциации по большей части разделяются на две большие группы: внешние и внутренние. Внешние ассоциации

характеризуются тем, что при них связь между двумя представлениями осуществляется чисто внешними случайными отношениями. Внешняя связь может устанавливаться на основе временной или пространственной смежности представлений, например: туча — дождь, забор — ворота. Подобные этим отношения, но с еще более выраженной внешней связью существуют в оборотах речи (например, море — синее, солнце — красное). Вторая большая группа — это внутренние ассоциации, это связь между представлениями по существу, проистекающая из самого содержания представлений [3, с. 210].

В каждой из двух групп ассоциаций можно выделить ряд подгрупп. Ко внешним ассоциациям относят речевые соединения. Когда определенные слова и предложения под влиянием постоянного повторения в речи вступают в такие прочные соединения, что одна из частей, то есть слово или предложение, с постоянством пробуждает в сознании другую. Такие ассоциативные связи являются результатом работы предшествующих поколений, социальной среды, например, солнце — красное, море — синее. Случается, что сначала связь между представлениями была внутренняя, то есть связь по существу, но со временем отодвинулась на дальний план, и осталось одно привычное. К этой же группе надо отнести сочетание двух идентичных представлений [3, с. 210]. К группе внешних ассоциаций нужно отнести сочетание двух идентичных представлений, но имеющих различные словесные обозначения: например, луна — месяц, лгать — врать и т.п. Следующая группа — речево-двигательные ассоциации — представляет переход к ассоциациям по созвучию. В этом случае два представления сочетаются друг с другом вследствие того, что одинаково звучат. Несколько одинаковых букв в словесных обозначениях, иногда дающих рифму, являются моментом сочетающим совершенно различные по содержанию представления; например, ухо — муха, ремень — кремень. А также ассоциации, при которых речевое обозначение второго представления повторяет с некоторым дополнением звуковое сочетание первого; например: рак — раковый, сто — стол, роза — розан и т.п. [3, с. 211].

Ко второй группе ассоциаций — внутренним ассоциациям — относят соединения представлений, происходящих по принципу координации (обобщения, соподчинения, подчинения и контраста). В образовании представлений происходит переход от чувственных восприятий к более общим представлениям. Принцип координации при соединении отдельных представлений позволяет такой ход мышления, при котором в каждый данный момент повторяется пройденный путь от частного к общему или наоборот. В данном контексте интересно звучит заключение Эмиля Крепелина, приводимое Вырубовым, что сами соединения представлений составляют психологическую основу «аналитических» суждений, которые выражают отношение наших представлений друг к другу от чувственно самых простых до самых сложных и общих.

Следующую подгруппу внутренних ассоциаций, их назвали «предикатными», — образуют ассоциации, «являющиеся преддверием к тем "синтетическим" суждениям, при которых происходит обогащение наших представлений новыми составными частями» [3, с. 211]. Эти представления, в отличие от представлений, происходящих по принципу координации, образуются путем присоединения к представлению определяющего свойства, состояния, деятельности, которые могут быть отнесены и к совершенно иному представлению; например: собака — черная, собака — бежит, то есть ассоциация является предикатным определением.

Третья подгруппа внутренних ассоциаций — это соединения представлений, при которых последние сочетаются между собой по принципу причинной зависимости; например: дождь — мокро, колоть — больно.

На основании работ Карла Юнга и Франца Риклина в статье выделяется еще одна группа — остаточные ассоциации, не относящиеся ни к внутренним, ни к внешним. Сюда были включены посредственные ассоциации (когда «связь между представлениями становится понятной только через промежуточное, пропущенное звено. Например: посмотреть — противно, промежуточное представление — пьяные на улице и т.д.» [3, с. 212]); бессмысленные ассоциации, в которых нельзя проследить

никакой связи; здесь же может проявиться отсутствие ассоциаций.

И наконец, ассоциации, пробуждающие непосредственный речевой образ, то есть повторение этого же представления. Такие ассоциации указывают на связь представления с эмоциональными переживаниями; например: измена — изменить.

И именно последняя группа «остаточные ассоциации» подтолкнула психологов-психоаналитиков к дифференциации ассоциаций не только с позиции формального их распределения или распространения в связи с социальной средой, а в соответствии с индивидуально-психологическим содержанием и значением. На изучение чего и было направлено внимание психиатров Цюрихской школы. Там же был выработан известный метод психоанализа — ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент очень подробно рассматривается в статье Вырубова. Описывается «инвентарь» этого метода: «231 слово — существительное, 69 прилагательных, 82 глагола и 18 наречий и числительных, всего 400 слов — раздражителей» [3, с. 213].

Эксперимент проводился в четырех разновидностях условий:

1. В обыкновенных.

2. С внутренним отвлечением внимания, при так называемом А-феномене (Кордеса), который состоит в том, что в процессе эксперимента исследуемый, давая ассоциативную реакцию, должен внутренне наблюдать за внутренними, психическими реакциями, что сопровождают его ассоциацию, а затем давать описание выявленного.

3. В условиях внешнего отвлечения внимания с использованием метронома.

4. В состоянии утомления исследуемого.

В ходе эксперимента изучалось время ассоциативной реакции на слова-раздражители. Полученные данные позволяют проследить сложные индивидуальные колебания времени реакций, в особенности под влиянием аффективных переживаний. Результаты эксперимента подвергались анализу. Подсчитывалось количество внешних, внутренних, звуковых и остаточных ассоциаций. Данные, полученные в этом экспери-

менте, соотносились с общими положениями и среднестатистическими данными, полученными Юнгом. Среди этих общих положений указывается, например, что время реакции на слово-раздражитель у мужчин короче, нежели у женщин; время реакции у образованных — короче, нежели у необразованных, наиболее короткого времени требуют конкретные понятия, наиболее длинного — общие понятия и глаголы. Обращает на себя внимание, что у образованных мужчин наибольшее время требуют конкретные понятия и т.п. Еще одно из таких положений звучит так: «Качество ассоциации оказывает явственное влияние на время реакции. Внутренние ассоциации требуют более значительного времени, нежели внешние. Звуковые ассоциации обнаруживают относительно большую величину времени реакции, так как они ненормальны и своим возникновением обязаны внутреннему отклонению внимания» [3, с. 215—216]. Подчеркивается взаимосвязь увеличения времени реакции с интенсивностью аффективного тона, которым обуславливается важный для того или другого лица комплекс представлений. Здесь следует отметить, что ассоциативная волна способна шириться, захватывать все большие группы представлений, и в конце концов наступает реакция уже всем объемом психики. Это описание констелляции комплекса.

Сам характер ассоциаций также проявляет индивидуальные различия в зависимости частично от особенностей той или другой психической организации, частично от состояния психики. Опираясь уже на Ясперса, вновь разделяются ассоциации относительно индивидуальных изменений на две группы: ассоциации объективного (построенные на одних и тех же основаниях у всех людей) и субъективного (основанные на личном опыте каждого отдельного субъекта) типа. Первый тип дает формальную характеристику данного ассоциативного типа. Второй, главным образом, раскрывает интеллектуальное и эмоциональное содержание психики человека. Представленный в статье случай демонстрирует, помимо вышеперечисленного, патологический процесс ассоциативной деятельности.

Ассоциативный эксперимент использовали не только в диагностических целях, как средство выявления констеллированных комплексов, но также и в терапевтических целях. В этом

можно убедиться в представленном случае женщины 37 лет, жалующейся на постоянную возбужденность, тревогу за близких, за мужа, тоскливые мысли и чувство одиночества, а также переживающую симптомы психосоматического характера (рвота при волнении, периодические головные боли, нарушения сна). В течение четырех сеансов было собрано более 200 ассоциаций. Использование в работе ассоциативного эксперимента было продиктовано обнаруженным сопротивлением пациентки уже в течение первой беседы, которое проявлялось в настойчивом утверждении, что если бы перестала болеть голова у пациентки, то она была бы совершенно здоровым человеком. Именно значительное сопротивление направляло психиатров, а в этом случае Вырубова, идти обходным путем и использовать для выявления комплексов ассоциативный эксперимент. К слову, после четырех сеансов ассоциативного эксперимента сопротивление было устранено, так как стало бесцельным и ненужным.

Таким образом, использование ассоциативного эксперимента позволяло выявлять элементы комплексов, которые постепенно складывались в стройные группы, обрисовывая конфликты, господствующие в душе пациентки. В качестве примера приведу ход рассуждения и анализа ассоциативного материала Вырубова:

На слово «невеста» пациентка приводит первую относящуюся к комплексу мужа ассоциацию — «счастлива». «Казалось бы, что укороченное время (реакции) должно говорить за приятное аффективное переживание и за то, что такое определение может относиться к самой пациентке, однако дальнейшие ее ассоциации противоречат этому предположению: "не была счастлива… не хотела выходить замуж… видела невнимательность своего будущего мужа… но родители уговорили…". Такой вывод не представляется неожиданным, — мы знаем, что ассоциации подобного рода часто являются речево-двигательными сочетаниями, обычно требующими меньшего времени реакции. Открыть тут присутствие комплекса, даже не принимая во внимание дальнейшее ассоциирование, мы можем, если обратим внимание на время реакции последующей ассоциации. Оно оказывается удлиненным несмотря на то, что

ассоциация сама по себе совершенно безразличного содержания: "пестрый — костюм" — 2,4 сек. Здесь мы наблюдаем как запоздалое выявление аффекта, вначале замаскированную речево-двигательную ассоциацию. Такое явление встречается нередко… "свадьба — веселая, с последующим: проезжала сейчас по улице и видела около ресторана свадьбу… моя тоже веселая была…", могла бы вновь ввести в заблуждение, не была ли действительно для пациентки веселой ее свадьба. Но значительно удлиненное время реакции показывает, что речь идет только о внешней стороне (по которой она судила и о виденном на улице свадебном поезде), тогда как само событие имеет для пациентки отрицательную аффективную окраску», что выяснилось в следующей ассоциации и т.д. [3, с. 227—228].

В процессе ассоциативного эксперимента были выявлены события из жизни пациентки, когда впервые проявились реакции на эмоцию рвотой и головными болями, с жалобами на которые и пришла пациентка к врачу, а также определилась сексуальная неудовлетворенность. Соотнеся материал, полученный в ходе исследования, психиатру удалось обозначить актуальные неудовлетворенные потребности пациентки, причины этой неудовлетворенности, характеристики эго-сознания (в статье обозначен как Я-комплекс) женщины — все это составляющие конфликта, спровоцировавшего болезненное состояние и ощущение.

В целом ассоциативные процессы принципиально схожи как при нормальных, так и при патологических условиях, и подчинены они следующим законам:

1. Закон сходства и смежности — возникновение ассоциативной связи в сходных во времени или пространстве условиях. Те представления, которые неоднократно сосуществовали во времени или пространстве, имеют больше данных для взаимного сочетания.

2. Закон отчетливости. Представления, имеющие большую отчетливость при прочих равных условиях легче могут подняться над порогом сознания.

3. Закон аффективной окраски: условия аффективности толкают ассоциативную деятельность, возникают ассоциации высокого аффективного напряжения.

4. Закон констелляции комплекса.

Однако есть и особенности ассоциативного процесса при патологии. Это прежде всего «относится к связям отдельных ассоциативных группировок между собой и к той основной группировке, которая составляет ядро личности и носит наименование Я-комплекса» [3, с. 235]. При нормальных условиях ассоциативные процессы протекают при активном участии сознания, или результаты этого процесса делаются его достоянием. При паталогическом процессе восприятие и ассоциативное движение происходят глубоко бессознательно, и результат этого процесса остается изолированным от эго-сознания и даже содержания всей психики. Изолированность эта выражается в ослаблении ассоциативной связи или в совершенном ее прекращении. Это является первой особенностью в патологии ассоциаций в психотических состояниях. Таких комплексов может существовать несколько.

Следующую особенность ассоциативной деятельности при патологии Вырубов обозначает как отрицательную аффективную окраску, которой определяется общий отрицательный душевный тон, свойственный психотическому состоянию. При этом аффективная жизнь чрезвычайно своеобразна: доминирующий минорный фон настроения, настроение подвержено значительным колебаниям. «Постоянно сменяющаяся констелляция то тех, то других групп ассоциаций влечет за собой всплывание то одних, то других комплексов со свойственной им аффективной окраской, также переменчивой, но всегда тягостной и мучительной. Раз поднявшаяся аффективная волна не склонна быстро разрешаться, наоборот — падение ее совершается медленно, и лишь с трудом наступает возвращение к общему аффективному уровню» [3, с. 237].

В статье «Ассоциативный эксперимент у душевно-здоровых» под авторством Е. Н. Довбни также подробно описывается ряд ассоциативных экспериментов. Данная работа проводилась с целью сравнить полученные наблюдения с подобными исследованиями цюрихской клиники, а также в соответствии с теми же принципами, но с подбором новых слов-раздражителей. Подспудно исследовалась возможность посредством этого метода выявлять комплексы психики

пациентов. В статье указывается, чем руководствовались при выборе слов-раздражителей, подробно описываются условия проведения и критерии анализа материала, классификации ассоциативных реакций. Заключением проведенных наблюдений, стал следующий вывод: достоверно доказать ассоциативным методом существование комплексных представлений невозможно, однако существует множество комплексных реакций, а, следовательно, признаки их можно считать объективными, «надо полагать, что существуют отдельные индивидуальные типы проявления комплексов» [5, с. 117].

Помимо этого, были подтверждены результаты исследований типов реагирования у образованных и необразованных испытуемых западных коллег: «образованные дали более "плоский" тип реакций», то есть внутренних реакций у них было меньше, чем у необразованных, они, наоборот, проявили большую склонность реагировать внешними ассоциациями. И еще одно заключение делает Довбня: «комплексные представления у испытуемых могут быть вызваны не самим содержанием слова-раздражителя, а другими условиями, например, звуком, тембром голоса экспериментатора, поспешной манерой записывания, обстановкой и т.п. причинами», и их необходимо выявлять в процессе анализа. Подчеркивается, что в процессе ассоциативного эксперимента неоднократно обнаруживались комплексные представления, которые не были осознанны. Их автор обозначает как «подсознательные комплексы» [5, с. 117].

Стоит отметить, что не всегда ассоциативный эксперимент приносил необходимые результаты в практике лечения. Наряду с положительными отзывами об этом методе в публикациях первых русских психоаналитиков немало и весьма неоднозначных. Приведу цитату одного из пионеров психоанализа в России Осипа Бенционовича Фельцмана: «мы начали с собиранья ассоциаций по Юнгу. Этот способ довольно скоро показался нам несколько грубым и малопригодным, чтобы получить тот сверх-анамнез, который нас интересовал. Ассоциирование под принуждением, с щелкающим секундомером в руках не давало нам сколько-нибудь приемлемых для нас результатов. Дешифрирование ассоциаций в некоторых случаях давало возможность восстановить в памяти травму более или

менее недавнего происхождения, для чего, пожалуй, и не нужно было собирать ассоциации. Во-вторых, почти все наши больные страдали рассеянностью, обусловленной самой болезнью. Наши призывы к вниманию заметно отражались на ближайшем ряде ассоциаций и делали их, на наш взгляд, негодными для общего учета. Собирание ассоциаций мы производим и по сие время, и поэтому мы пока воздержимся от окончательного заключения о ценности их для психоанализа» [6, с. 263]. Данное заключение было сделано в публикации 1909 года. А вышеприведенные исследования Н. А. Вырубова и Е. Н. Довбни были сделаны пятью годами позже, что проявляет безусловное место метода ассоциативного эксперимента в развитии психоанализа и в ряде смежных наук в России в начале XX века.

Библиографический список:

1. Асатиани М. М. Современное состояние вопроса теории и практики психоанализа по взглядам Юнга // Психотерапия. — 1910. — № 3. — С. 117—124.
2. Вульф М. В. Вступительная статья к книге З. Фрейда // Терапевтическое обозрение. — 1909. — № 7. — С. 159—168.
3. Вырубов Н. А. К патологии ассоциаций // Психотерапия. Обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии. — 1914. — № 4. — С. 208—237.
4. Гейманович А. И. О психоаналитическом методе лечения неврозов // Харьковский медицинский журнал. — 1910. — Т. 10. — № 6. — С. 44—56.
5. Довбня Е. Н. Ассоциативный эксперимент у душевно-здоровых // Психотерапия. Обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии. — 1914. — № 2—3. — С. 109—120.
6. Фельцман О. Б. К вопросу о психоанализе и психотерапии // Современная психиатрия. — 1909. — № 4. — С. 214—225.
7. Фельцман О. Б. К вопросу о психоанализе и психотерапии // Современная психиатрия. — 1909. — № 5—6. — С. 257—270.

A COMPREHENSIVE STUDY OF ASSOCIATIVE ACTIVITY IN CONNECTION WITH PSYCHOANALYTIC TREATMENT PRACTICED AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Sak Julia Petrovna
analytical psychologist,
Minsk

Abstract. The article reveals one of the areas of research of the first Russian psychoanalysts at the beginning of the 20th century. One of the ways to master psychoanalysis was through the study of human associative activity, often by means of an associative experiment. The article presents not only the results of these studies (types of associations, laws of associative activity, its gender characteristics, peculiarities of its course in connection to the education of the subjects), but also provides examples of the use of associative experiment for practical, therapeutic purposes.

Keywords: associations, laws of associative activity, associative experiment

2.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОАНАЛИТИКОВ В 1910—1920-е ГОДЫ: Н. А. ВЫРУБОВ, А. ГЕРБСТМАН, А. Р. ЛУРИЯ

Кузьмина Анна Викторовна
куратор Музея сновидений З. Фрейда,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются оригинальные теоретические разработки некоторых российских психоаналитиков начала XX века. Н. А. Вырубов в статье «К психоанализу ненависти» (1911) размышляет о садизме в то время, когда на эту тему еще почти ничего не сказано, А. Гербстман в тексте «Психоанализ шахматной игры (опыт толкования)» (1924) рассматривает одну из самых популярных игр в мире — шахматы — с точки зрения психоанализа (конкретно — опыта прохождения эдипальной фазы по Фрейду), а А. Р. Лурия думает о том, какое значение для человеческой психики имеет одежда (статья «К психоанализу костюма», 1922).

Ключевые слова: садизм, эдипов комплекс, шахматы, одежда, тип влечения

Помимо убеждения в том, что российские психоаналитики начала XX века занимались только анализом художественного творчества вместо практики, также бытует мнение, что они ничего не пытались привнести в теорию психоанализа. В статьях, которые будут рассматриваться ниже, заметно, что отечественные психоаналитики размышляли на интересные темы.

Вырубов о садизме

Первый текст, на который хотелось бы обратить внимание, — статья Н. А. Вырубова «К психоанализу ненависти». Автор говорит о том, что по психоанализу ненависти почти нет работ, кроме пары статей: Штекеля «Почему ненавидят

собственные имена», где описывается случай женщины, ненавидящей свое имя из ненависти к отцу, который его дал; и пастора Пфистера «Аналитические исследования о психологии ненависти и раскаяния», где доктор Пфистер связывает чувство ненависти (его сексуальный компонент) с садизмом и мазохизмом. И Вырубов в своей статье, в которой он рассматривает один клинический случай, также вскрывает «в основе ненависти сексуальный комплекс» [1, с. 91] и говорит о связи с садизмом.

Пациента, испытывающего ненависть к кошкам, Вырубов описывает как не склонного к подобным чувствам и проявлению агрессии к другим животным и людям. Более того, сам пациент считает подобные проявления чувств неуместными, а когда-то он не только не испытывал ненависти к кошкам, но питал нежные чувства к своему коту. И все же, взаимодействуя с кошками, начав с ласки, пациент непременно переходит к жестокому обращению, что доставляет ему наслаждение, хотя и оставляет неприятный осадок. Сопротивляться этому он не может.

Анализ не давал значительных результатов до того момента, пока пациент не увидел эротический сон, повлекший за собой ряд связанных между собой воспоминаний. Воспоминание из юного возраста о заигрывавшей с ним молодой служанке, о ее силуэте в открытом окне, на которое ночью забирались кошки и «давали свои весенние концерты» [1, с. 92], после чего пациент их швырял из окна на улицу. Вслед за этим воспоминанием возникло более раннее — о том самом коте, которого пациент любил.

Коту кто-то отрубил хвост, и мальчик долго пытался найти ответ, кто и за что сотворил такое с несчастным животным. Кто-то из мужской прислуги сказал, что такая кара ему выпала за его кошачьи похождения. Мальчик понял, что речь идет о чем-то запретном (сексуальном), что может настичь и его самого. После этого чувство нежности к коту сменилось чувством неприязни, и исчезновение кота вскоре после этого принесло мальчику даже облегчение.

Вскоре после вскрытия причин такой нелюбви к кошкам пациент заметил полное исчезновение своих агрессивных чувств

к ним и появление чувства вины за несправедливое отношение к этим животным.

Вырубов связывает жестокое отношение к кошкам у пациента с проявлениями садизма. Изначально первые проявления агрессии относились к тому периоду, когда юноша впервые испытал половое влечение (его ассоциации вели именно к этим воспоминаниям). И закрепился объект ненависти тогда, когда кошки устраивали на его окне свои «весенние концерты», относящиеся к половой жизни животных. Запретные влечения вытесняются, но проявляют себя через садизм по отношению к животным.

Также Вырубов отмечает, что объект для ненависти выбран не только из-за случайного совпадения (кошачьих песен), но и сами кошки являются примером садистического проявления сексуальности: «Стоит только вспомнить о тех нередко тяжелых поранениях, с какими они являются после любовного периода, о той изощренной жестокости, с какой кошка играет с мышью; наконец, как с негой, вызванной у них лаской и поглаживанием, кошки соединяют выпускание когтей, хватание зубами, часто вовсе не причиняющее боли, и гневное размахивание хвостом» [1, с. 94].

Стоит отметить, что на тот момент было очень немного текстов о природе садизма, а рассмотренных случаев садизма, насколько мне известно, и вовсе не было. Помимо текстов, на которые ссылается автор, были написаны только «Три очерка по теории сексуальности» З. Фрейда. Хотя у меня так и остался вопрос к Вырубову, почему он не отнес этот случай к неврозу навязчивости, на тему которого как раз было высказано и написано достаточно на тот момент и логика которого явно здесь прослеживается. Возможно, как раз именно сексуальная (генитально-сексуальная) этиология формирования симптома повлияла на это. Часто идеи Фрейда принимаются с отсечением связи с сексуальностью нашей психической жизни (по крайней мере, части ее). И здесь возможна похожая логика: невроз и истерия — это чисто психический феномен, а то, что связано с сексуальностью, описано в «Трех очерках по теории сексуальности» и объясняет формирование психического феномена на ее основе.

Гербстман о шахматах

Следующий труд, о котором хочется сказать, рассматривает шахматы с точки зрения психоанализа — это текст А. Гербстмана «Психоанализ шахматной игры. Опыт толкования». В отличие от предыдущего автора, Гербстман как раз указывает на обилие текстов, написанных до него на тему шахмат. Все они написаны с разных точек зрения: исторических, психологических, биографических, — но попыток психоаналитического толкования этой игры еще не было. Этим и решил заняться автор.

Гербстман говорит об особом значении игры в шахматы для нашей психики, заключающемся в проигрывании эдипова комплекса в процессе партии. Король и королева представляют собой символы отца и матери, пешка — ребенка. Целью игры является смерть (мат) короля, чем удовлетворяется, по мысли автора, бессознательное победителя, который когда-то уже вытеснил агрессивные побуждения к отцу. Королева (мать) наделяется самыми мощными свойствами в противовес ее угнетенному положению в семье, как считает ребенок. Идентифицируясь с ней, ребенок одолевает короля (отца) в схватке. Также пешка (ребенок), достигая определенного момента (вырастая), может принять на себя функции любой другой фигуры и ходить не как пешка, а как другая фигура, более сильная (взрослая), но только не как король (запрещено занимать место отца).

Здесь не совсем понятна параллель с эдипальным конфликтом, потому что логичнее было бы, чтобы пешка и королева выступали против своего короля, а не чужого, и тогда игра вообще иначе должна выглядеть — не война, а междоусобица. Но дальше Гербстман поясняет, что король и королева расщеплены на плохих и хороших, и это выражает амбивалентность чувств ребенка к родителям. То есть белая пешка (ребенок) вместе с белой королевой (хорошей матерью) защищают белого короля (хорошего отца), выступая против черных короля и королевы (плохих отца и матери) и торжествуя над черным королем (побеждая отца-угнетателя). Правда, автор

никак не объясняет наличие черных пешек, которые по этой логике должны представлять плохого ребенка, наоборот, в схемах, которые приведены в тексте, пешка не является расщепленной фигурой, в отличие от короля и королевы.

Далее Гербстман делает историческую справку о том, что раньше фигуры в шахматах имели другие функции — в частности, королева была самой слабой фигурой, которая ходила только на один шаг по диагонали. Объясняет он это тем, что шахматы пришли с востока, где в древности «женщина находилась в угнетенном, гаремном состоянии, мать в вопросах воспитания отодвигалась на второй план, и вытеснение, вероятно, ограничивалось отцовским комплексом» [2, с. 75]. Уже в средние века, когда в шахматы уже активно играли в Европе, фигура королевы приобрела свое нынешнее значение и до сих пор не менялась. Здесь автор подчеркивает, что вытесненные комплексы в бессознательном меняются в соответствии с изменениями в культуре, социальном положении граждан и той роли, которая отведена в семье каждому ее члену; а это как раз находит отражение в шахматной игре, которая является попыткой отыграть эдипов комплекс. Гербстман указывает на то, что Фрейд говорил о буржуазной семье, что аналогия отца с королем и богом характерна для формирования психики ребенка того общественного строя, который был свергнут Октябрьской революцией. И неслучайно, говорит автор, до революции шахматы не были так популярны в нашей стране, как сейчас, когда освободилось огромное количество народных масс, нуждавшихся до этого в победе над угнетателем. Но вот теперь-то, предполагает Гербстман, с изменением социально-политического строя и семьи, построенной на новых началах, старый эдипов комплекс больше не понадобится нашей психике, чтобы примириться с реальностью. А также, предполагает автор, в соответствии с этим может претерпеть изменения и шахматная игра.

Еще Гербстман обращает внимание на любопытный факт — что девочки и женщины гораздо меньше интересуются шахматами и зачастую даже не любят их. Объясняет это автор тем, что эдипов комплекс характерен для формирования психики мальчика, а в психике девочки формируется противо-

положный комплекс — любовь к отцу и вражда с матерью, поэтому шахматы никак не помогают девочке разрешить ее психический конфликт, а потому и не вызывают интереса.

Многие утверждения Гербстмана с современной точки зрения выглядят наивными и спорными, однако не следует забывать, что 1924 год — это время разрушения старых идеалов и надежд на создание нового, до сих пор не существовавшего строя и человека в нем.

Сама идея психоаналитического толкования шахматной игры оказалась интересной и была подхвачена другими аналитиками. Были написаны тексты Э. Джонса «Проблема Пола Мерфи: взгляд на психологию шахматной игры» (1931), Р. Файна «Психология шахматного игрока» (1956) и др.

Лурия о костюме

И последняя работа, о которой хочется сказать, это статья А.Р. Лурии «К психоанализу костюма», которая является уникальной в то время, так как о значении одежды для психики человека еще не задумывались психоаналитики.

«Задача, стоящая здесь, — исследовать одежду как рефлекс, подчиненный вполне определенной психологической "цели", "установке" и имеющей определенное биосоциальное значение» [3, с. 213].

Лурия говорит о том, что одежда выполняет важную психическую функцию, которая обусловлена типом влечений человека. Он выделяет женский и мужской тип влечений, связанных с биологической и социальной ролью мужчины и женщины.

Женская роль пассивна и поэтому, говорит Лурия, задачей женской одежды является привлечение внимания противоположного пола. Отсюда детали «типического» женского костюма во все времена, подчеркивающего вторичные половые признаки: декольте, вырезы, турнюры, фижмы и т.д., — все это выделяет, выставляет напоказ те части тела, которые этой одеждой и прикрываются. Наиболее яркими примерами являются танцевальные костюмы и костюмы для карнавала — здесь наиболее полно подчеркивается привлекательность женского тела. И

танец, как подчеркивает автор, исконно имеет сексуальное значение.

Правда, бывает, особенно в традициях определенных культур, что одежда женщины намеренно не выделяет никаких изгибов тела, а также может закрывать и лицо, даже глаза (вуаль, например). Но здесь как раз выполняется некий обманный маневр, по мысли автора, призванный служить все той же цели привлечения внимания, поскольку в данном случае открывается простор для фантазии смотрящего, построения того женского образа, который будет наиболее привлекательным, что тоже отвечает интересам влечений.

Мужская же роль активна, направлена на завоевание самки и победу над соперником, защиту своей территории и владений. Поэтому, говорит Лурия, «типический» мужской костюм должен производить впечатление большей импозантности, мужественности, чтобы легче было овладеть представительницей противоположного пола, а также сломить боевой дух врага, напугать и победить его. «В психической жизни он (мотив) проявляется как воля к власти, …, как честолюбие и стремление к славе, наконец, как потребность самовыставления, "признания другими", социального преобладания», [3, с. 218]. Атрибуты костюма, служащие таким целям, но при этом не имеющие другой функциональности, мы встречаем зачастую в армейской форме: высокие медвежьи шапки с красными султанами воинов Наполеона I, высокий кивер русского гусара 1812 года, красноармейские остроконечные головные уборы с яркой красной звездой.

Есть некоторые исключения, отмечает автор. Например, ношение женщинами костюмов «типически» мужских: кожаные тужурки и фуражки в эпоху русской революции. Как правило, говорит Лурия, это «непривлекательные женщины, стриженые, часто курящие». Яркими примерами являются также нигилистки 60—80-х годов XIX в. или суфражистки в Англии. Такая женщина, по мысли автора, не удовлетворена своим полом, осуществляет «мужской протест» (по Адлеру) и пытается «стать мужчиной».

Конечно, подобное деление на мужские и женские функции кажутся сейчас уже слишком категоричными и больше

привязанными к биологическому полу, чем к психике, хотя сам Лурия в тексте подчеркивает, что он говорит именно о психических источниках таких проявлений влечений. По правде сказать, и сам Фрейд в то время говорит зачастую биологизаторским языком, и не всегда бывает ясно, что он говорит о психическом, а не только о биологическом.

Подытоживая, хотелось бы еще раз отметить, что отечественные психоаналитики начала XX века сталкивались с разными вопросами в поле теоретического, клинического и прикладного психоанализа и не боялись строить свои предположения, касающиеся этих вопросов, о чем и свидетельствуют рассмотренные здесь тексты.

Библиографический список:

1. Вырубов Н. А. К психоанализу ненависти // Антология российского психоанализа в 2 т. Т. 1 — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. — С. 91—95.
2. Гербстман А. Психоанализ шахматной игры (опыт толкования) // Забытые психоаналитические труды. — М.: Когито-центр, 2021. — С. 54—106.
3. Лурия А. Р. К психоанализу костюма // Антология российского психоанализа в 2 т. Т. 1 — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. — С. 212—223.

THEORETICAL RESEARCHES OF RUSSIAN PSYCHOANALYSTS IN THE 1910-1920s: N. A. VYRUBOV, A. HERBSTMAN, A. R. LURIA

Kuzmina Anna Viktorovna
curator of the Freud's dream Museum,
Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the original theoretical researches of some Russian psychoanalysts of the early XX century. N. A. Vyrubov in the article "Towards the psychoanalysis of hatred" (1911) reflects on sadism at a time when almost nothing has been said on this topic yet, A. Herbstman in the text "Psychoanalysis of

the chess game (experience of interpretation)" (1924) considers one of the most popular games in the world — chess — psychoanalytically, and A. R. Luria thinks about the signification of clothing for the human psyche (article "Towards the psychoanalysis of the costume", 1922).

Keywords: sadism, oedipus complex, chess, clothes, types of instincts

2.3. Л. С. ВЫГОТСКИЙ И ПСИХОАНАЛИЗ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Исакова Елена Николаевна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлен анализ отношения Л. С. Выготского к основным положениям психоанализа в первой трети XX века. В рамках истории развития психологической теории Выготского проведено сопоставление отдельных положений его теории и позиций психоанализа, выделены схожие идеи (важность бессознательных импульсов, преобразования внешних взаимодействий со взрослым внутрь психики, роль языка и культуры в рамках развития субъекта), а также принципиальные различия взглядов Выготского и Фрейда.

Ключевые слова: культурно-историческая психология Л. С. Выготского, высшие психические функции, язык, психоанализ

Лев Семенович Выготский (1896—1934) — советский психолог, известный своими работами по развитию высших психических функций, мышления и речи, создатель культурно-исторической теории в психологии.

Выготский состоял в Русском психоаналитическом обществе с 1925 года и до его закрытия в 1930 году. Судя по хроникам РПСАО 1923—1930, его доклады там были связаны в основном с искусством как областью, которой Выготский активно интересовался.

Однако отношения его с психоанализом были довольно сложные. В своей книге «Психология искусства» (1922) Выготский критикует применение психоанализа к искусству, указывая на отсутствие внимания к социальному в противовес бессознательному удовлетворению сексуальных влечений. У него очень много претензий к теории Фрейда. Выготский называет «основные и первородные грехи самой теории»: психоанализ недостаточно учитывает сознание, как активный

фактор; пансексуализм и инфантильность без учета всей человеческой жизни.

Цитируя одну из работ по психоаналитическому исследованию творчества Достоевского, он прямо-таки издевательски пишет по поводу сравнения психоанализа с волшебным ключом в этом деле: «Не волшебный ключ, а какая-то психоаналитическая отмычка, которой можно раскрыть все решительно тайны и загадки творчества» [5, с. 106].

И все же, несмотря на такую критическую позицию, Выготский отмечает «громадные теоретические ценности, которые заложены в самой теории» [5, с. 109], которым еще только предстоит реализоваться.

В российской психологии в начале XX века основным направлением является фактически рефлексология, тяготение к относительно прямолинейным схемам объяснения поведения человека. Здесь Выготский чувствует, что такого подхода недостаточно, что есть нечто, что оказывается невидимым. В своей статье «Сознание как проблема психологии поведения» (1925) он отмечает: «Между тем поведение человека организовано таким образом, что именно внутренние, плохо обнаруживаемые движения направляют и руководят им» [2, с. 19]. Выготский не называет эти движения бессознательными, однако указывает, что психоанализ является одним из способов обнаруживать такие движения [2, с. 32].

В 1925 году выходит русский перевод Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия». И одним из авторов предисловия к этому переводу является не кто иной, как Выготский. Предисловие проникнуто восхищением смелостью Фрейда, его революционностью, оно начинается со слов: «Фрейд принадлежит, вероятно, к числу самых бесстрашных умов нашего века» [3, с. 3]. Но оно было написано совместно с А. Лурией и, конечно, не представляется возможным понять, где мысли одного исследователя, а где — другого. Однако можно предположить, что могло быть так важно для Выготского в этой работе Фрейда. Описывая введение влечения к смерти, авторы пишут: «Из этой мысли раскрываются огромные возможности для учения о социальной субстанции этих влечений к смерти. "Многоклеточный" социальный организм создает грандиозные,

неисчислимые возможности для нейтрализования влечений к смерти и сублимации их, то есть превращения в творческие импульсы социального человека» [3, с. 13]. Вот оно — то, что так критиковалось Выготским в психоанализе, его невнимание к социальному, здесь как будто найдено! Надежда чувствуется здесь. Надолго ли?

Итак, Л. С. Выготский заинтересован психоанализом, признает его революционный вклад в исследование психики, но во многом неудовлетворен им. Мы видим, что социальное в человеке для Выготского все время в фокусе внимания, будь то вопросы творчества или вопросы общества. Впрочем, и для Фрейда вопрос культуры и ее влияния на субъекта — один из основополагающих.

Для Выготского культурное развитие заключается в овладении «средствами поведения, которые человечество создало в процессе своего исторического развития, и какими являются язык, письмо, система счисления и др.» [4, с. 6]. Под овладением культурными средствами поведения прежде всего имеется в виду язык. (Надо отметить, что под овладением языком понимается овладение логическим мышлением и образованием понятий.) Улыбина отмечает, что «Выготский не дифференцировал речь и язык, слово в его теории выступает преимущественно в коммуникативной функции, как средство воздействия на других, а затем на себя самого, буквально как особый сигнал. Этот сигнал изначально предназначен другому человеку, но в процессе развития субъект учится обращать его и на себя, что дает принципиально новый по сравнению с животными план психического развития. Именно коммуникативный аспект слова определяет возможность его инструментального использования, позволяя интериоризировать средство воздействия на другого как средство воздействия на себя» [7, с. 70]. Заметим, что психоанализ также связывает вхождение в культуру с языком, с овладением законом языка. Вокруг речи и языка разворачивается в дальнейшем лакановское прочтение Фрейда, само выговаривание субъектом себя самого, появление истинной речи и осознание тем самым своей истории формулируется как цель психоанализа.

Далее Выготский приходит к тому, что «в широком смысле слова, в речи и лежит источник социального поведения и сознания», он утверждает социальную детерминированность сознания. Социальному он отдает главенствующую роль. «Индивидуальный момент конструируется как производный и вторичный, на основе социального и по точному его образцу. Отсюда двойственность сознания: представление о двойнике — самое близкое к действительности представление о сознании. Это близко к тому расчленению личности на "я" и "оно", которое аналитически вскрывает 3. Фрейд» [2, с. 38]. Здесь Выготский говорит о разных уровнях психики, которые действительно напоминают отношения психических инстанций Фрейда.

Рассмотрим этот момент более подробно. Согласно Выготскому, в развитии ребенка переплетены две линии, два плана развития: естественный биологический уровень (натуральный) и культурный. В развитии психики он указывает на сложные взаимные переплетения этих уровней. Совершенствование в управлении натуральным уровнем развития, естественными процессами приводит к развитию высших психических функций. Так развивается психика ребенка.

Взаимодействие инстанций и внешней реальности во второй топике Фрейда также отражает развитие инстанции Я, как посредника между влечениями Оно, внешней реальностью и требованиями Сверх-Я. Здесь в ходе постепенного развития психики Я приобретает способность в определенной степени удерживать влечения от непосредственной разрядки в соответствии с принципом реальности. В «Я и Оно» Фрейд пишет: «Я — это часть Оно, измененная под непосредственным воздействием внешнего мира... Я старается также донести до Оно влияния и намерения внешнего мира, стремится заменить принцип удовольствия, безраздельно властвующий в Оно, принципом реальности» [8, с. 313—314].

То есть мы имеем дело со структурой психики, взаимодействием в процессе развития различных сил. Только вот смысл этого взаимодействия и результат для Выготского и Фрейда сильно расходятся. Для Выготского в описанном процессе развития усвоение культурного опыта, вхождение в

поле речи и, как следствие, развитие высших психических функций — это сплошь положительный процесс, это история приобретений, но не лишений. Сама культура, по видению Выготского, «видоизменяет природу сообразно целям человека» [4, с. 8].

Фрейд же говорит о неизбежных конфликтах, о кастрации как условии вхождения в культуру. Это история скорее столкновений, лишений и, в конце концов, принятия.

Итак, отметим те точки соприкосновения в теориях Выготского и Фрейда, о которых шла речь выше.

Во-первых, важность бессознательных импульсов, тех невидимых внутренних движений, которые обозначают несостоятельность сведения психики к рефлексам.

Во-вторых, это структура психики, выделение в этой структуре разных инстанций или уровней, взаимодействующих между собой в процессе развития с окружающей средой.

В-третьих, слово как средство вхождения в культуру. Культурное развитие — прежде всего овладение словом. Согласно Выготскому, с помощью слова как знака ребенок учится управлять собой, он помещает внутрь психики внешнее взаимодействие со взрослым. «Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической, функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально есть средство воздействия на других или средство воздействия других на личность» [2, с. 355].

Психоаналитические взгляды сильно созвучны такой идее, как раз речь другого определяет ребенка, означивает то, что он делает, то, какой он. И процесс превращения внешних взаимодействий со взрослым во внутрипсихическое отсылает нас к возникновению Сверх-Я.

Вместе с тем, важно указать на то, что у Выготского язык — это средство коммуникации, опосредования, это важный, но всего лишь инструмент. Тогда как для психоанализа язык — это закон, в речи другого определяется место субъекта. Более того, язык, в целом, есть довольно-таки насильственная система, которую ребенок вынужден усвоить. Этот репрессивный

характер распространяется на культуру вообще, как систему запретов. Во взглядах Выготского культура, напротив, имеет бесконфликтное положительное влияние на ребенка.

В целом, мы видим в теории Выготского развитие психики ребенка как процесс освоения социального культурного опыта, овладевания и управления самим собой с помощью речи. Это процесс формирования зрелого субъекта, распоряжающегося тем, что он усвоил извне.

Сколь далек в итоге оказывается Фрейд с его расщепленным субъектом, внутрипсихическими конфликтами и «неудобной» культурой.

И несмотря на это, как соблазнительно выглядят точки их пересечения. Д. С. Рождественский в своей книге «Психоанализ в российской культуре» отмечает характерную тенденцию некоторых попыток ревизии психоаналитической теории, когда для удобства или для подтверждения своих взглядов из учения Фрейда что-то признавалось, а что-то отбрасывалось за неудобностью. «В этом отношении примечательна позиция А. Б. Залкинда, изложенная им в работе "Фрейдизм и марксизм". Сексуальная теория, с точки зрения Залкинда, вовсе не является краеугольным камнем фрейдизма, и последний может легко обойтись без нее» [6, с. 98]. Однако для Выготского такое обращение с теорией — это как принять систему без ее центра. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) он пишет: «Можно ли принять систему без ее центра? Ведь фрейдизм без учения о сексуальной природе бессознательного — все равно что христианство без Христа или буддизм с Аллахом» [1, с. 329].

Другими словами, несмотря на многие точки соприкосновения с психоанализом, Выготский не может его принять, так как видит его как целостную систему, у которой нельзя просто взять удобную часть. «Кто берет чужой платок, берет и чужой запах, гласит восточная пословица; кто берет у психоаналитиков — учение о комплексах Юнга, катарсис Фрейда, стратегическую установку Адлера, — тот берет и добрую долю запаха этих систем, то есть философского духа авторов» [1, с. 329].

Так, Выготский предпочел создать скорее свою философскую систему, чем использовать чужую, рискуя присвоить и ее запах.

Библиографический список:

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование. Т. 1. (1927). — М.: Педагогика, 1982. — С. 292—436.
2. Выготский Л. С. История развития высших психических функций// Выготский Л. С. Психология развития человека. — М.: Смысл; Эксмо, 2005. — 1136 с.
3. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Предисловие // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — М.: Современные проблемы, 1925. — С. 3—16.
4. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. — Сер. 14 (Психология). — 1991. — № 4. — С. 5—18.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
6. Рождественский Д. Психоанализ в российской культуре: учебно-методическое пособие. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2009. — 170 с.
7. Улыбина Е. В. Знаковое опосредование в культурно-исторической теории и психоанализе // Психологический журнал. — 2004. — № 6. — С. 64—73.
8. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 291—353.

L. S. VYGOTSKY AND PSYCHOANALYSIS. POINTS OF CONTACT

Isakova Elena Nikolaevna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents an analysis of L.S. Vygotsky's attitude to the main provisions of psychoanalysis in the first third of the

twentieth century. Within the framework of Vygotsky's psychological theory, a comparison of individual provisions of his theory and the positions of psychoanalysis is carried out, similar ideas are highlighted (the importance of unconscious impulses, the transformation of external interactions with an adult into the psyche, the role of language and culture in the development of the subject), as well as fundamental differences in the views of Vygotsky and Freud.

Keywords: cultural-historical psychology of Vygotsky, higher mental functions, language, psychoanalysis

2.4. НОВАТОРСКИЕ ТЕОРИИ С. ШПИЛЬРЕЙН И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Лукашева Юлия Владимировна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются оригинальные теории Сабины Шпильрейн, оказавшие влияние на развитие психоаналитических и психологических концепций, среди них — идея о деструктивном компоненте сексуального влечения и понятие деструкции как основы непрерывного развития и творческого становления, теория трех этапов формирования речи, понятие предсознательного мышления, феномен распада личности как преобладания родовой души над Я-душой, как регрессия к родовым представлениям. Кроме того, в статье идет речь о вкладе Сабины Шпильрейн в появление новаторского психотерапевтического подхода к изучению психотических расстройств, а также в становление детского психоанализа.

Ключевые слова: деструкция, родовая душа, распад личности, этапы формирования речи, предсознательное мышление, детский психоанализ

Сабина Николаевна Шпильрейн — один из наиболее оригинальных и ярких представителей психоаналитического движения, член трех психоаналитических обществ: Венского, Швейцарского и Российского, знавшая лично З. Фрейда и К. Юнга, Э. Блейлера и А. Клапареда, Ж. Пиаже и Ч. Балли. Получившая научное признание, она, в силу разных причин, была надолго забыта. Относительно недавно возродившийся к ней интерес был изначально направлен на аспекты ее личной жизни, в первую очередь, на отношения с К. Г. Юнгом, и лишь в последнее время ее научные публикации привлекли заслуженное внимание исследователей.

Между тем, идеи Шпильрейн предвосхитили многие открытия в исследовании мышления, в психоанализе, в детском психоанализе, в изучении психотических расстройств.

Исследовательский путь Шпильрейн начался в Цюрихском университете с написания диссертации, посвященной психоаналитическому исследованию шизофрении. В этой работе под названием «Психологическое содержание одного случая шизофрении» Шпильрейн разрабатывает новаторский подход к душевным болезням, противостоящим «объективирующему» подходу, главенствовавшему в тогдашней психиатрии. Как отмечают Е. А. Ромек и В. Г. Ромек, в этом особом методе объединились «субъектный», феноменологический подход с его вниманием к переживаниям конкретного пациента, к которому призывал в психиатрии К. Ясперс, и предположение Фрейда об осмысленности речи душевнобольных. [3, с. 210]. Психоанализ разрушил сугубо биологизированную основу психиатрии, а Шпильрейн стала одной из первых, описавших психотическое расстройство с психоаналитической позиции.

В своей диссертации Шпильрейн не просто реконструирует смысл речи пациентки, но и подбирается к глубинным причинам ее переживаний, продираясь сквозь толщу ее бреда, на службе которого оказывается самый разнообразный мифологический, литературный и религиозный материал.

Сабина Николаевна делает вывод о том, что шизофрения — это патологический способ преодоления того конфликта, который свойственен любому человеку, — конфликта между влечениями и социальным запретом на их удовлетворение. Она замечает, что женщина, судя по всему, не испытывающая чувств к своему мужу, подавляет в себе влечение к другим мужчинам, в первую очередь, к врачам, выражая в форме бреда запретное влечение к ним и чувство вины за их косвенное осуществление с помощью самоудовлетворения.

Шпильрейн описывает те символы, с помощью которых вытесненные представления проявляются в речи. Так, например, с помощью приема переворачивания, то есть представления какого-либо содержания через его противоположность, у пациентки выражаются те или иные аспекты сексуальности: изобретенный ею глагол «католизироваться» означает преда-

ваться сексуальной любви. В этом слове соединились два представления: о том, что ее муж католик, и о том, что он ей изменяет. Высокое «сикстинское» искусство означает сексуальную жизнь (здесь сыграло роль созвучие слов «сикстинский» и «сексуальный»), под «душой» понимается телесное, сексуальное. Также используется игра слов: слово «Kochtopf» (нем. — кастрюля) у пациентки символизирует матку. «Kochen» (варка) означает на языке ее бреда производство потомства, функцию, которую, в соответствии с ее фантазией, должен на себя взять профессор Кохер (Kocher).

Пациентка постоянно описывает непонятные алхимические процессы, мифологические сюжеты и реальные события, переплетая их все между собой в запутанный клубок. Распутать его Шпильрейн помог анализ повторяющихся символов. Так, в качестве часто упоминаемого пациенткой символа сексуальной жизни и плодородия упоминается вино. В процессе беседы с пациенткой Шпильрейн удается выстроить ассоциативную цепочку, устанавливающую истоки сексуализированного значения вина: вино — кровь Иисуса — кровь матери. Дополнительные сведения о детстве пациентки дополнили картину: отец был алкоголиком и избивал детей. Слово «избиение» вводило пациентку в сильный аффект и всегда имело сексуальную окраску. В результате смещения с представления об избиении алкоголизм превратился в сексуальный символ.

В своей самой известной работе «Деструкция как причина становления» Шпильрейн пишет и о другом роде символов, а именно, когда они являются родовыми представлениями, занимающими место Я-представлений. Например, пациентка, о которой шла речь в диссертации, вместо: «Я была оплодотворена» говорила: «Земля была просверлена». Здесь земля выступает как символ матери, характерный для бессознательных и сознательных представлений каждого народа. Сабина Николаевна делает интересный вывод о том, что фантазии психотических пациентов родственны сновидениям и архаичному типу мышления.

Также она указывает на то, что использование больными «dementia praecox» (родовых понятий) имеет целью сделать представления менее мучительными, уменьшить боль. Боль

имеет место тогда, когда отдельные представления являются дифференцированными. Когда же мысли деперсонифицируются, а Я-душа растворяется в родовой душе, то мучительные представления не приносят боли, что проявляется у шизофреников в таком неадекватном аффекте, как равнодушие. Этот недостаток Я-активности и погружение в родовые представления у шизофреника приводит к распаду Я. Это одна из форм деструкции, которую рассматривает Сабина Шпильрейн в вышеупомянутой работе.

Шизофреник отрицает объект любви вне себя, а значит, он становится объектом собственного либидо и объектом неизбежной самодеструкции. Почему неизбежной?

В своей работе «Деструкция как причина становления» Шпильрейн вступает в полемику с Фрейдом, не соглашаясь с тем, что страх сексуальной жизни связан с вытеснением положительно окрашенных желаний, и с Гроссом, считавшим, что отвращение связано с пространственным сосуществованием сексуальных продуктов с выделениями, а утверждая, что как страх, так и отвращение являются отражениями деструктивного компонента влечения к продолжению рода. Она говорит о том, что влечение самосохранения является односоставным и имеет только положительный компонент, а влечение к сохранению вида является двусоставным: оно имеет как положительный компонент (созидание), так и отрицательный (разрушение). Оно амбивалентно по своей сути: для созидания нового необходимо разрушить старое. Для любого изменения необходимо преодоление предыдущего состояния.

Деструктивный компонент проявляется как на биологическом уровне (у некоторых животных — умирание сразу после произведения нового поколения, у высокоорганизованных организмов — исчезновение половых клеток при оплодотворении), так и на психическом — растворение Я-дифференцированных представлений в родовых представлениях, что проявляется, например, в психозе и сопровождается разрушением Я, в акте творчества, где «затонувшая частица "Я" опять выныривает в новые представления, одетая богаче, чем раньше» [5, с. 113], а также просто в акте речи, где понимание собеседника становится возможным только в результате

разрушения индивидуальных представлений и их растворения в универсальных представлениях.

Идея Шпильрейн о деструктивном компоненте влечения не сразу была понята и принята, хотя позже была заимствована и по-своему продолжена Фрейдом в его концепции влечения к смерти.

Эта идея прослеживается и во многих других работах Шпильрейн, возникнув на материале анализа детей, а также анализа шизофренического бреда. Так, первые упоминания встречаются уже на страницах диссертации «О психологическом содержании одного случая шизофрении» (1911): «Для создания нового поколения должно быть препарировано все тело. […] с другой стороны, умерщвление и т.д. одновременно означает спасение, оживление.» [5, с. 49]. Как когда-то у самой Сабины, болезнь ее пациентки была спровоцирована смертью, в случае пациентки даже двумя смертями, — ее матери и ее ребенка, от которого она избавилась на седьмом месяце беременности. Шпильрейн приводит важные детали этих событий, которые затем вплелись в ткань шизофренического бреда пациентки и получили сексуальную окраску. Что это за детали? После кремации матери пациентка взяла с собой несколько фрагментов костей. В учреждении, в котором ей делали аборт, она видела детей в стеклянных гробах. Впоследствии пациентка будет говорить об очищении стекла и очищении костей. Распутывая сложный клубок бредового образования, Шпильрейн начнет улавливать, что стоит за алхимическими процессами, которые постоянно описывает пациентка: созданием порошка из костей, из разбитого фарфора, из процесса вываривания, сожжения, пробуравливания земли раскаленным железом и так далее. Огонь понимается пациенткой как оплодотворяющая сила, из пепла рождается человек, стеклянный гроб, требующий очищения, репрезентирует матку, которая оплодотворяется. Символы смерти оказываются одновременно символами создания новой жизни.

В статье «Ренаточкина теория возникновения человека» (1920) Шпильрейн описывает те идеи, которые появлялись у ее старшей дочери в связи с поиском ответа на вопрос о том, как появляются дети. Среди них была «каннибалическая» версия,

согласно которой мать должна проглотить (уже существующего!) ребенка, не жуя, а затем умереть, чтобы он мог выйти из нее. То есть и мать умирает, чтобы произвести на свет ребенка, и сам ребенок должен исчезнуть в теле матери, чтобы затем вновь родиться. Также Ренаточка задается вопросом, почему она появилась из тела матери, а не наоборот, и высказывает пожелание, чтобы мать снова превратилась в маленькую девочку.

В работе «Вклад в познание детской души» (1912), анализируя мальчика по имени Отто, Сабина излагает интересный ход мыслей Отто, заключающийся в том, что самое счастливое состояние человека, — то, которое было до его рождения, то есть ничто, конец всего. Оно заканчивается с началом жизни, а с концом жизни, соответственно, снова начинается прекрасное состояние ничто. Рождение оказывается в понимании Отто одновременно и смертью, в том смысле, что происходит его отделение от матери. Он тоскует по смерти, потому что воспринимает ее как возвращение к блаженному состоянию единения с матерью. Таким образом, в мировоззрении маленького Отто два фундаментальных события жизни — рождение и смерть — оказываются амбивалентными, ибо рождение у него — это смерть, а смерть — возрождение.

Эти примеры иллюстрируют то, что рождение и смерть, разрушение и сотворение накрепко связаны друг с другом, являются состояниями, перетекающими одно в другое, и граница между которыми оказывается размыта. Шпильрейн так формулирует эту мысль: «Ребенок постоянно думает, насколько показывают мои наблюдения, что смерть — это возвращение к началу, возрождение, просто = акт оплодотворения. Это еще одно доказательство того, что в глубине души мы приравниваем возникновение к исчезновению» [5, с. 210].

Другим важным вкладом Шпильрейн как в развитие психоанализа, так и в развитие психологии было обнаружение связей между процессами формирования языка и мышления, проведение аналогии между мышлением ребенка, мышлением при афазии и фрейдовским бессознательным.

Александр Эткинд в книге «Эрос невозможного» отмечает, что эти исследования оказали сильнейшее влияние на ранние

работы Пиаже, Выготского и Лурии [6, с.206]. Крупнейшие работы Льва Выготского («Мышление и речь») и Жана Пиаже («Речь и мышление ребенка») будут посвящены той теме, исследованию которой дали толчок доклады и статьи Сабины Шпильрейн.

В 1921 году выходит в свет первая работа Пиаже на тему развития мышления и речи у ребенка, где он вводит понятие эгоцентрической речи, противопоставляя ее социализированной речи. В этом же году он прошел анализ у Шпильрейн, имевший место ежедневно на протяжении восьми месяцев. Но еще до их знакомства, в 1920 году, Шпильрейн выступила на шестом международном психоаналитическом конгрессе с докладом «К вопросу о происхождении и развитии речи», где представила свою концепцию этапов формирования речи, согласно которой вначале имеет место аутистическая речь, на основе которой развивается речь, предназначенная для общения с другими людьми, — то есть социальная. Этот доклад был опубликован Международной ассоциацией, но в сокращенном виде.

Дополненную версию этой концепции мы встречаем в ее работе: «Возникновение детских слов "мама" и "папа"». Опираясь на описание Фрейдом процесса формирования принципа реальности, Сабина Шпильрейн выделяет три стадии развития языка: аутистическую, магическую и социальную. Первую фазу она связывает с тем, что вначале произносимые ребенком звуки являются воспроизведением какого-то действия, так, например, артикуляция звуков «ме-ме», которые впоследствии образуют понятие «мама», является повторением процесса сосания. Произнося эти звуки, ребенок испытывает удовольствие, которое он переживал во время кормления. Эти звуки связываются с определенной группой ощущений, которые затем преобразуются в представления.

На второй стадии имя вещи становится на место самой вещи и призвано вызвать ее. Слову приписывается роль непосредственного воздействия на вещи. В этой связи Шпильрейн приводит интересный пример из наблюдения за своей дочерью Ренатой. Она обратила внимание, что ее дочь находит огромное удовольствие в том, чтобы открывать и закрывать окна, двери, ящики и обратилась при этом к Ренате со словами

«Открой и закрой». У дочери эти слова связались с действием, приносящим удовольствие, и их произнесение вызывало группу приятных ощущений, что отсылает нас к аутистической фазе. Впоследствии Рената стала произносить: «Открой» в ситуациях, где вовсе не шла речь о предметах, которые можно было открыть, а просто в тех случаях, когда она чего-то хотела, то есть это слово приобрело у нее магическое значение, оно должно было повлечь за собой исполнение желания. Произнося слово, ребенок приглашает вещь в свою реальность, он определяет свою реальность, называя то, что его окружает.

На магической стадии, как и на аутистической, все еще отсутствует разграничение внешнего мира и внутреннего. Эту особенность иллюстрирует другой пример, который описывает Сабина Николаевна в вышеупомянутой статье. В четырехлетнем возрасте ее дочь задавалась вопросом, почему, если она закрывает глаза и оказывается во тьме, эту тьму одновременно с ней не может увидеть другая девочка, Луиза.

Лишь тогда, когда ребенок научается замечать других людей и отделять себя от внешнего мира, признавать объективную реальность, а не только собственные фантазии, он вступает в ту фазу, где язык вместо обеспечения удовольствия и исполнения желаний начинает служить цели взаимодействия с реальными людьми и, соответственно, с реальным внешним миром.

В этой же работе Шпильрейн выдвигает и другие идеи относительно формирования речи и мышления у ребенка, которые будут более подробно изложены в статье «Время в подпороговой душевной жизни» в 1923 году, в том году, когда Шпильрейн стала членом Русского психоаналитического общества. В Психоаналитическом институте она проводит курс лекций о бессознательном мышлении, который посещали А. Лурия и Л. Выготский. На заседании психоаналитического общества она выступила с докладом «Мышление при афазии и инфантильное мышление», установление связей между которыми позволило многое понять о механизмах формирования речи. Эти разработки предвосхитили более поздние научные изыскания по теме афазии, проведенные А. Лурией и сделавшие его известным.

В статье «Время в подпороговой душевной жизни» Сабина Николаевна освещает тему происхождения понятия времени

у детей, проводя аналогию с отражением этого понятия в языке и в сновидениях, и приходит к выводу, что представления о времени основываются на пространственных представлениях. Так, обращаясь к языковым исследованиям, Шпильрейн приводит следующие примеры: во французском языке многие наречия времени образованы от наречий или предлогов места (près — рядом, après — после), а в русском языке совершенный вид прошедшего и будущего времени выражается с помощью приставок, изначально имеющих пространственное значение — например, «по» (распространение над чем-то) и «на» (поверх чего-то). В сновидении время часто представлено в виде пространственных символов. Так, Шпильрейн приводит в пример сон своего пациента, который, проснувшись в пять утра и поняв, что может спать еще два часа, засыпает и видит во сне площадь, от которой расходятся две дороги: одна ведет к озеру, а другая два раза пересекается улицами. Он идет по второй дороге, осознавая во сне, что ему надо проснуться через два часа и что эти два часа символически представлены этими отрезками пути. В этой связи Сабина также напоминает о том, что и Фрейд упоминал при анализе сновидений тот факт, что смерть часто представляется в виде отъезда, то есть отдаления в пространстве.

Первоначально ребенок осознает только настоящее и будущее, которые отражают его волюнтаристское отношение к бытию: его интересует только то, что он уже имеет, и то, что он хочет получить. Настоящее переживается как становление и включает в себя и будущее. Понятие прошлого начинает формироваться только при осознании противоположностей «здесь» и «не здесь», при этом прошлое мыслится как «бытие не здесь» и связано с констатацией исчезновения. Шпильрейн приводит очередной пример из взаимодействия со старшей дочерью, описывая эпизод, где она похвалила Ренату за то, как та хорошо поела. Не будучи способной воспринять отношение этого высказывания к модальности прошедшего времени, она связала его смысл с настоящим, восприняла его как призыв выполнять это действие в настоящем и стала снова есть, будучи при этом сытой. Долгое время она использовала глаголы только

в настоящем времени и не понимала значение наречий времени «сначала», «потом» и т.д.

Шпильрейн выявляет те закономерности, в соответствии с которыми время проявляет себя в сновидениях: временное представлено через пространственное, прошлое фигурирует как «бытие-не-здесь» или «бытие-уже-не-здесь», в сновидениях время не может быть представлено как направление, а только как длительность. Так, например, настоящее и будущее слиты в этом процессе становления и манифестации длительности, что проявляется также и в индоевропейских языках: в немецком языке будущее время выражается либо посредством использования формы настоящего времени, либо посредством особой формы, для образования которой используется глагол «werden» (становиться), в английском языке для образования будущего времени используются вспомогательные глаголы «will» (изначально означавший желание) и «shall» (долженствование), что позволяет уловить связь с мышлением ребенка, где будущее время связано с его желаниями. С этой же установкой связано и то, что ребенок не сразу овладевает вопросительной формой предложения в привычном ее смысле, поскольку она отсылает к некому отсутствию и невозможности выполнения желания, а также к осознанию внешней реальности, не совпадающей с миром внутренней фантазии. Так, Шпильрейн замечает, что ее дочь использует вопросительные предложения, имитируя взрослых, но использует их исключительно в значении побудительных предложений или аффирмативных: произнося «Хочешь сухарик?», она подразумевает «Я хочу сухарик», «Мама должна тебя забрать?» означает «Забери меня, мама».

Проводя аналогии между языковыми явлениями, развитием речи и мышления у ребенка и символическим мышлением сновидений, Шпильрейн приходит к выводу, что сам язык развивался по законам предсознательного мышления, которым подчинены и сновидения, что лишний раз подчеркивает неразрывную связь бессознательного и языка.

Шпильрейн оказалась также у самых истоков детского психоанализа, опередив таких общепризнанных представителей детского психоанализа, как А. Фрейд, М. Кляйн и Д. Винникотт. Свой первый очерк о детском психоанализе «Вклад в познание

детской души» Шпильрейн опубликовала в 1912 году. Анна Фрейд опубликовала свою первую статью «Фантазии об избиении и сны наяву» только в 1922 году, десятью годами позже. На тот момент Шпильрейн опубликовала уже двадцать пять статей, десять из которых были посвящены анализу детей. Она всесторонне исследовала различные проявления бессознательного детей, анализируя их сновидения, позы во время сна, их речь и рисунки.

Как уже упоминалось выше, наблюдая за своей дочерью, Шпильрейн имела возможность проследить за тем, как ребенок проходит различные стадии формирования языка и категорий мышления. Помимо этого, она собрала интересный материал, позволивший сделать выводы о сексуальной подоплеке некоторых детских игр, а также фобий и тревог.

Так, в статье «Ренаточкина теория возникновения человека» Шпильрейн описывает интерес дочери к бросанию и разбиванию предметов, к разрезанию и разрыванию, а также к копанию ям и к образованию дыр. В разговоре с матерью Рената развивала теорию, согласно которой ее падение повлечет за собой появление еще одной Ренаты, в свою очередь, падение каждой из них приведет к существованию уже четырех Ренаточек и так далее до бесконечности. Шпильрейн замечает в этом аналогию со способом размножения делением, характерного для одноклеточных организмов. Ренаточка очень хотела проделать в полу дырку, через которую она могла бы упасть к соседям. Эта бессознательная фантазия о рождении перекликается с той, которую обнаружила в своем детстве Шпильрейн, проведя самоанализ себя как ребенка в своей работе «Вклад в познание детской души». Там она вспоминает, как в детстве ей казалось, что, раз планета Земля представляет из себя шар, то, если просверлить в земле дыру насквозь, можно вытащить за ноги какого-нибудь американца. Будучи ребенком, Шпильрейн также страстно интересовалась химией и алхимией, поскольку они имеют дело с превращением, появлением новой формы, нового состояния. Она проводила разные опыты с жидкостями и твердыми предметами, изготавливала мыло и разного рода смеси, но самым заветным ее желанием было стремление сотворить живого человека. Это желание стало причиной

возникновения сильной фобии. Шпильрейн восстановила в памяти тот эпизод, который стал катализатором появления страха перед кошками. Однажды она спросила какую-то даму, сможет ли она иметь детей, как мама. На что та в шутку ответила, что, будучи еще слишком маленькой, она может произвести на свет только котенка. Маленькая Сабина стала ждать появления котенка и много думала о том, как она будет его воспитывать. Однажды ей померещились две черные кошки на комоде, отчего она испытала сильнейший испуг. Впоследствии она стала бояться не только кошек, но и других животных. И, оставаясь одна, представляла себе, как они могут схватить ее и унести от родителей. Шпильрейн проводит в этой статье параллель между страхом перед похищением и страхом перед соблазнением. В двух других частях этой работы, представляющих собой анализ двух мальчиков, Сабина Николаевна приводит не менее интересные примеры сексуального содержания детских фантазий и страхов, и демонстрирует, как интерес к сексуальной проблематике способствует развитию любознательности в целом.

Шпильрейн не разработала какой-то завершенной теоретической системы или каких-то новых методов психоаналитической техники, но она стала настоящим первопроходцем в плане постановки новых вопросов и высказывания новых идей на стыке психоанализа, психологии и нейролингвистики, — например, о психологии эго, о понятии влечения к смерти в психоанализе, психологии женщин, теории творчества, психологии развития, техники детского анализа. Она была одним из первых психоаналитиков, которые исследовали развитие речи у детей младшего возраста и связали развитие речи с развитием мышления. Своим талантом она вдохновила таких ученых, как Зигмунд Фрейд, Карл Г. Юнг, Жан Пиаже, Мелани Кляйн, Дональд В. Винникотт, а также Льва Выготского, которые использовали ее идеи даже спустя десятилетия.

Библиографический список:

1. Барсукова О. В. Научный путь Сабины Шпильрейн как предмет биографического исследования // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2015. — № 13 (4). — С. 11—14.

2. Оде Е. А. Онтология речи в психоанализе. От теории афазии Сабины Шпильрейн к теории речи и понятию переноса Жака Лакана // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2013. — Серия 17 (Психология). — Вып. 3. — С. 87—92.
3. Ромек Е. А., Ромек В. Г. Психологическое исследование шизофрении С. Н. Шпильрейн в свете дисциплинарного кризиса психиатрии начала XX века // Российский психологический журнал. — 2016. — Т. 13. — № 1. — С. 210—218.
4. Филатов Ф. Р. Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. — 2016. — Т. 13 — № 2. — С. 246—259.
5. Шпильрейн С. Н. Опасный метод лечения шизофрении. — М.: Алгоритм, 2020. — 304 с.
6. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. — СПб.: Медуза, 1993. — 464 с.

S. SPIELREIN'S INNOVATIVE THEORIES AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF PSYCHOANALYTICAL THOUGHT

Lukasheva Yulia Vladimirovna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents the original theories of Sabina Spielrein that had a major impact on the development of some psychoanalytic and psychological concepts, among them — the idea of the destructive component of sexual drive and the concept of destruction as the basis for continuous development and creative development, the theory of three stages of speech development, the concept of preconscious thinking, the phenomenon of personality disintegration as a result of the predominance of the ancestral soul over the I-soul, as a regression to ancestral ideas. In addition, it discusses the contribution of Sabina Spielrein to the emergence of an innovative psychotherapeutic approach to the study of psychotic disorders, as well as to the development of child psychoanalysis.

Keywords: destruction, ancestral soul, personality disintegration, stages of speech development, preconscious thinking, child psychoanalysis

2.5. ПОНЯТИЕ ДЕСТРУКЦИИ В ТЕОРИИ С. ШПИЛЬРЕЙН

Мануйленко Оксана Юрьевна
психоаналитик,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье идет речь о понятии деструкции С. Н. Шпильрейн, предвосхитившей гипотезу З. Фрейда о влечении к смерти как о совокупности деструктивных влечений Я. Автор проводит анализ теории, выявляет основные положения, вводит в контекст теории влечений З. Фрейда.

Ключевые слова: деструкция, влечение к смерти, родовая психика, Я-психика, влечение к самосохранению, влечение к сохранению рода

Теория о деструкции С. Н. Шпильрейн предшествовала психоаналитической теории З. Фрейда и непосредственно повлияла на нее в том, что касается классификации влечений. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) [2] Фрейд впервые подробно разбирает вопрос деструктивности. Стоит отметить, что в этой же работе Фрейд ссылается на Шпильрейн в примечании к выводу о первичности мазохизма. Упоминая работу «Деструкция как причина становления» (1912) Шпильрейн [5], он говорит о том, что она не вполне ясна, однако предвосхитила многие его предположения [2, с. 280]. Ранее при публикации работы «Деструкция как причина становления» Фрейд в письме Шпильрейн отметил: «Дорогая фрау доктор! Вы как женщина имеете преимущественное право наблюдать тоньше других и интенсивнее оценивать аффекты» [3, с. 57]. В начале данной работы Шпильрейн задается вопросом о негативном восприятии сексуальных влечений, в то время как они более чем естественны и должны вызывать обратные чувства. Речь идет о чувстве страха и чувстве «врага в самом себе» [5, с. 111]. В биологическом аспекте сексуального акта акцентируется внимание на том, что при оплодотворении происходит «умирание» клеток и создание новых. Также,

соответственно, происходит соединение частей двух организмов. Мужская часть растворяется в женской, а женская часть под воздействием чужеродного приобретает новую форму [5, с. 112]. Из этого наблюдения можно сделать вывод, что не отвращение, а страх перед деструктивным процессом, вызывает негативные переживания относительно полового акта. То есть для создания нового организма необходимо, чтобы произошло частичное разрушение предшествовавшего в виде уничтожения половой клетки как отдельной единицы.

В психологических факторах развития субъекта Шпильрейн отмечает такую особенность: желание возникает на основе первоначального события, часто вытесненного, но аффективно нагруженного. Далее аффект ищет в актуальной жизни подобное первоначальному событию для того, чтобы спроецировать на него чувственное переживание прошлого. Тут упоминается наследование от предыдущих поколений бессознательного опыта как того, что ассимилируется с актуальными событиями [5, с. 114]. Шпильрейн говорит об утрате первоэлемента и стремления психического вернуться к своим истокам. Мимо этой гипотезы нельзя пройти, так как она перекликается с принципом навязчивого повторения, понятием травматического невроза и детской игры с катушкой в работе Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [2]. Также в своей статье Шпильрейн упоминает идею Фрейда об инфантильной сексуальности, полностью ее поддерживая. Источники сексуального наслаждения взрослого имеют своим началом источники инфантильной сексуальности. Эта гипотеза соответствует тому стремлению к первоистокам, что испытывает живое существо. Переживания берутся из вытесненного опыта, аффект присоединяется к актуальному событию.

Говоря о стремлении к удовольствию, Я Шпильрейн задается вопросом о существовании влечения, действующего наперекор интересам Я. Далее она говорит о своей убежденности в том, что существуют глубинные устремления психики нанести себе вред. Каждая живая частица стремится вернуться в свое прежнее состояние, чтобы потом снова возродиться [5, с. 115]. Здесь можно провести прямую аналогию с природой

консервативных влечений, о которых писал Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

Важно отметить то, что Шпильрейн предлагает свою классификацию влечений: влечение к самосохранению и влечение к сохранению рода [5, с. 116], в то время как у Фрейда дуализм влечений представлял собой влечения к жизни и влечения к смерти. Влечение к самосохранению стремится сохранить индивида на протяжении его жизни; влечение к сохранению рода имеет целью сохранение не отдельного индивида, а всего рода, игнорируя его личные желания и устремления. Именно влечение к сохранению рода Шпильрейн наделяет такими составляющими, как сексуальное и деструктивное влечения, в то время как у Фрейда, сексуальное влечение относится к влечению к жизни, а деструктивное, или агрессивное, к влечению к смерти. Желание слияния, с сопутствующей смертью Я, работает в связке с сексуальным влечением, что образует влечение к сохранению рода, которое противостоит влечению к самосохранению.

Не без влияния воззрений К. Г. Юнга у Шпильрейн прослеживается идея коллективного, родового пути, имеющего прямое влияние на каждого отдельного индивида. Она говорит о том, что глубинные слои нашей психики не знают «Я», а разделяют «Мы», отчего индивида следует называть «дивидуумом» (лат. dividuus — делимый) [5, с. 119]. «Для каждого человека другие люди в принципе существуют лишь постольку, поскольку они доступны для его психики, в других людях мы воспринимаем только то, что находит в нас отклик» [5, с. 119].

Слияние с Другим — основная опасность и вероятность для психики разрушиться. Шпильрейн одной из первых психоаналитиков заметила такое явление, как доминирование архаического бессознательного у пациентов с шизофренией. Шпильрейн в большинстве своем работала с больными шизофренией. В их мышлении она усматривала архаичные способы образования мысли, чему причиной была сниженная активность Я, то есть той части психики «дивидуума», в интересах которой действует влечение к самосохранению. В соответствии с ее классификацией влечений психика делится на Я-психику и родовую психику [5, с. 121]. При патологическом развитии

психики родовая, то есть примитивная, наследуемая психика теряет связь с Я-психикой и воспринимает эту часть как нечто чужое. На начальных этапах болезни выступает страх в связи с потребностью в связи с Я, на более поздних стадиях появляется безразличие к потере связи с Я. С распадом психики индивидуальные представления заменяются на архаичные представления рода. Эти представления лишены эмоционального тона и напрямую связаны с влечениями, что можно было бы сопоставить, но не уравнять, с понятием бессознательного Фрейда. Родовые влечения не соответствуют желаниям Я. Таким образом, Я-психика стремится защитить себя не только от внешних угроз, но и от внутреннего психического распада. Однако речь не идет о двух противоборствующих силах, стремящихся к разрушению друг друга. Родовая психика отрицает настоящее Я, но вместе с тем создает это Я заново, обогащая новыми представлениями. Стремление к трансформации приводит к тому, что Я-представление растворяется в похожем на него материале.

Из вышесказанного следует также, что любое личное представление, желая стать доступным другому, переводится на общедоступный язык, теряя при этом часть исключительно субъективного представления, но подтверждая свое существование символизацией.

В этой связи искусство — продукт родовой психики. Представления Я не могут в полной мере быть переданы другому, кроме как посредствам перевода на общепонятный язык с помощью символов — слов. Как художник стремится, с помощью сублимации, выразить родовое представление в своем произведении, так и каждый человек стремится быть понятым, перевести личное переживание на понятное другому. Когда это происходит, возникает ощущение блаженства от слияния с другим, в то же время это растворение в другом можно назвать, ни чем иным как, смертью Я. Этому противодействует влечение Я к самосохранению. Деструкцию Шпильрейн определяет как стремление части психики индивида раствориться в родовом психическом поле, чему способствует сексуальное влечение, как стремление слиться с другим, что будет в интересах родовой психики, но не в интересах Я-психики [5, с. 119].

Относительно принципа удовольствия Шпильрейн говорит о том, что «удовольствие — всего лишь утвердительная реакция Я на эти проистекающие из глубины требования» [5, с. 117]. Это, в целом, не противоречит теории Фрейда, а лишь дополняет гипотезой о сущности самого удовольствия и источников ее возникновения. Удовольствие от боли возникает, так как Я реагирует на это с удовольствием. Значит, в нашей психике есть нечто, желающее самоповреждения, что принимается нашим Я.

Также Шпильрейн связывает военные действия с деструктивными компонентами влечения к сохранению рода. Интересным моментом в статье о деструкции предстает разбор сновидения о лежании в гробу или в могиле. Шпильрейн отсылает к интерпретации Фрейда о том, что сновидец в гробу — символ пребывания в утробе матери. Тут же приводится наблюдения В. Штекеля о выкапывании из могилы как символа акта рождения. Рождение — результат полового акта. Круг замкнулся. Желание слияния, с сопутствующей смертью Я, работает в связке с сексуальным влечением, что образует влечение к сохранению рода. Автор классификации указывает на то, что влечение к самосохранению «статично», так как относится к существующему субъекту, а влечение к сохранению рода можно назвать «динамическим», из-за его стремления к преобразованиям.

В работе Шпильрейн прослеживается тема проекции. В Другом мы замечаем то, что находит свое отражение в нас самих. Посредством механизма проекции проходит процесс идентификации, сопровождающий прохождение эдипова комплекса.

Что касается мужской и женской роли в сексуальном акте, то Шпильрейн отводит активную роль, движущую садистическим желанием, мужчине, а пассивную — желающую подвергнуться деструкции — женщине. Она также не отрицает обратной ситуации, напоминая, что каждый человек бисексуален. Получается, что перенесение либидо на себя приводит к аутодеструкции [5, с. 133].

К вопросу любви и ненависти автор статьи приводит пример литературных героев Шекспира, как представителей

типичной сюжетной линии, где вражда встречается с чувством страстной любви. Там, где страсть садиста встречается с сопротивлением, мы можем наблюдать сцены разрушения, вплоть до убийства [5, с. 137]. Такая страсть садиста опасна, так как она оказывается сильнее влечения к самосохранению. Сильная страсть может удовлетвориться только полным уничтожением. Причиной Шпильрейн называет сильную фиксацию либидо на родителях. Тем самым перенесение либидо на объекты внешнего мира становиться невозможным.

Наконец, Шпильрейн говорит о том, что любое побуждение существует вместе со своей противоположностью, но видимым для нас остается только одно, что имело перевес на свою сторону. Этим она объясняет то, почему представление о сексуальности связано со становлением, а не деструкцией, так как одно становится результатом второго, при нормальных обстоятельствах.

Можно сказать, что Шпильрейн представляла деструкцию в качестве механизма отделения сознания от родовой психики, и как стремление вернуться к первоистокам, как растворения Я в «Мы». При этом, в жизни субъекта деструкция означает как деление, так и аннигиляцию [1].

Подведем краткий итог:

— Для создания нового организма необходимо, чтобы произошло частичное разрушение предшествовавшего, в виде уничтожения половой клетки, как отдельной единицы.

— Переживания берутся из вытесненного опыта, аффект присоединяется к актуальному событию. Шпильрейн говорит о скорби по утраченному первоэлементу.

— Желание слияния, с сопутствующей смертью Я, работает в связке с сексуальным влечением, что образует влечение к сохранению рода.

— Любое личное представление, желая стать доступным другому, переводится на общедоступный язык, теряя при этом часть исключительно субъективного представления, но подтверждая свое существование символизацией.

— Способность к сопереживанию активируется тогда, когда в объекте сопереживания обнаруживается нечто знакомое.

— В самой жизни находится источник смерти, а в смерти — источник жизни.

Библиографический список:

1. Филатов Ф. Р. Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. — 2016. — Т. 13. — С. 246—259.
2. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Психология бессознательного. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 227—291.
3. Фрейд З., Шпильрейн С. Переписка (1909—1923). — Ижевск: ERGO, 2018. — 116 с.
4. Фрейд З. Заметки об одном случае невроза навязчивости // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. Навязчивость, паранойя, перверсия. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 31—105.
5. Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Шпильрейн С. Н. Психоаналитические труды — Ижевск: ERGO, 2008. — С. 109—155.

THE CONCEPT OF DESTRUCTION IN S. SPIELREIN'S THEORY

Manuilenko Oksana Yurievna
psychoanalyst,
Saint Petersburg

Abstract: The article deals with the notion of destruction of Sabina Spielrein's theory. This theory foreshadowed Freud's hypothesis of death instinct such as set of destructive ego impulses. The author conducts analysis of the theory, identifies the main points, introduces into the context of the Freud's drive theory.

Keywords: destruction, death instinct, childbearing psyche, self-psyche, self-preservation drive, drive for the preservation of the genus.

2.6. ПСИХОАНАЛИЗ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: З. ФРЕЙД И С. ФРАНК

Григорьев Юрий Дмитриевич
магистр психологии,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Психоанализ нашел свое отражение в культурном пространстве России первой трети XX века не только в интеллектуальной среде последователей З. Фрейда и деятельности Российского психоаналитического общества. В трудах выдающегося представителя русской религиозной философии С. Л. Франка (уже до революции 1917 года, в постреволюционной России, а затем и в эмиграции) обнаруживаются элементы критической рецепции идей психоанализа. Религиозно-философская мысль в своих контроверзах демонстрирует в отношении подхода Фрейда скорее негативное восприятие как фундаментальных предпосылок, так и выводов общеантропологического характера. Тем не менее существенные интуиции, а также некоторые формулировки Франка свидетельствуют о важных пересечениях и сходных мотивах его философской доктрины и психоанализа.

Ключевые слова: живое знание, расщепленный субъект, трансцендирование, реальность, антиномистический монодуализм

Столетний юбилей РПСАО совпадает со столетием другого знаменательного события, которое метонимически обозначено «Философский пароход» [19, 20]. Примечательно, что эти два события весьма тесно соседствуют или примыкают друг к другу, так как заявка для регистрации РПСАО в Народный комиссариат просвещения была подана в тот самый день 29 сентября 1922 года [8, с. 639], когда с набережной Лейтенанта Шмидта в Петрограде «Oberbürgermeister Haken» отправился в Штеттин. Одним из тех, кто подвергся высылке за пределы отечества, был и философ С. Л. Франк (1877—1950).

В своей знаменитой работе по истории русской философии В. В. Зеньковский называет Франка самым выдающимся русским философом [4, с. 802], отмечая при этом, что несмотря на то, что имеет место эволюция во взглядах, формулировках и углублении отдельных представлений мыслителя, можно констатировать замечательное единство всех построений Франка, его верность основной концепции [4, с. 819]. Если согласиться также и с мнением Н. В. Мотрошиловой, характеризующей учение этого философа как «своего рода средоточие новаторских подходов и решений, предложенных русской мыслью конца XIX и XX веков» [5, с. 391], то фигура Франка займет совершенно привилегированное положение среди философов-современников (таких как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский и др.).

Интересно, что возвращение к идеям русской религиозной философии совпало по времени с возрождением психоанализа в России, поэтому сравнение представителей этих интеллектуальных движений выглядит достаточно заманчиво. С основателем психоанализа Франка роднит не только еврейское происхождение (З. Фрейд и С. Франк были внуками раввинов) и судьба вынужденного переселенца (конечной точкой жизненного маршрута для обоих стала столица Великобритании). В поле интересов и разработок Франка оказались практически все направления мысли: онтология и теория знания, психология, вопросы культуры и общества. И в этом ряду психоанализ, разумеется, не стал исключением. Русский философ следил за развитием психоанализа и был хорошо знаком с работами Фрейда. Специально психоаналитической тематике Франк (уже будучи в эмиграции) посвятил доклад-выступление «Психоанализ в его философских мотивах» в Русском научном институте, а также статью [15], которая повторяла идеи этой открытой лекции-доклада, однако, прямые отсылки и аллюзии к теории Фрейда встречаются как в его более ранних [11, с. 538—539], так и в поздних работах. Кроме того, Франк был дружен и до последних дней поддерживал переписку с основоположником экзистенциальной психологии (синтезирующей Dasein-анализ философии М. Хайдеггера и психоаналитический подход к проблеме человека) — Л. Бинсвангером (1881—1966). В своем

письме от 12 июня 1936 года, подчеркивая величие Фрейда как личности и значимость его достижений, Франк в достаточно резкой форме высказывается об основателе психоанализа как представителе негативной духовности, являющейся «острейшим выражением циничного миросозерцания, упивающегося проповедью единовластия зла, мрака животности в жизни как истины в последней инстанции» [9, с. 174]. При этом, сближая базовые воззрения на природу человека в психоанализе Фрейда и в учении К. Маркса, русский философ отмечает, что оба эти мыслителя с особенной силой акцентируют в своих концепциях примитивные влечения: один — алчность (Habsucht), а другой — сексуальность. По убеждению Франка невозможно скрывать, что в надменной иррелигиозности заключается опасность «разрушающего жизнь демонизма» [9, с. 175] и, вероятно, именно этим обусловлена такая односторонне-жесткая и во многом несправедливая характеристика, которую он дает психоанализу в этом письме. Сам Бинсвангер, чувствуя себя обязанным во многом Фрейду, несмотря на разногласия, по всей видимости, стремился сгладить все острые моменты и сохранить хорошие отношения как с Франком, так и с основателем психоанализа, дружбу и переписку с которым швейцарский психиатр поддерживал до самой смерти Фрейда в сентябре 1939 году.

Религиозная философия, по выражению Н. Бердяева, представляет собой «очень русский продукт» [3, с. 668]. Феномен Русской религиозной философии отличает то, что здесь нельзя провести четкую демаркационную линию между теологией и умозрением в чистом виде, поскольку своеобразие такого способа мысли заключается как раз в сочетании религиозного опыта и свободы философского поиска, выражающееся в синтезе Европейской философской традиции и мистического богословия. Именно поэтому для Франка главной задачей, собственно, и являлось такое интеллектуальное обоснование философского усилия, в котором воплощается «преодоление того рокового раздора между двумя верами — верой в Бога и верой в человека, который столь характерен для европейской духовной жизни последних веков и есть главный источник ее смуты и трагизма» [16, с. 5]. В противовес критическому

исследованию, усматривающему в религиозности неизбежность отчуждения человека, Франк предлагает такую модель, в которой абсолютность Бога лишается статуса безусловной трансцендентности, являясь глубинным выражением имманентной основы человеческого бытия.

Психоанализ рассматривается Франком как образец натуралистического мировоззрения, то есть материализма в широком смысле — веры в «универсальное, всеобъемлющее значение явлений и сил чисто природных» [13, с. 170]. И хотя при этом в человеке не отрицается наличие жизненных или виталистических тенденций, все же такие явления как сознание, воля, совесть и вообще психика в целом мыслятся несамостоятельными, вторичными или производными образованиями. Если за отправной пункт брать такую точку зрения, то весьма характерно ставить в упрек психоанализу редукционизм, и подобная критика хорошо известна. Но на самом деле, при ближайшем рассмотрении, психоанализ раскрывается в большей степени именно как подлинно-гуманистическая духовная практика, так как согласно психоаналитическим представлениям человеческая субъективность рождается в купели языка и находит свое определение в культуре, то есть в отношениях с Другим. В связи с этим можно указать на высказывание Фрейда в личной беседе с Бинсвангером: «Geist ist alles» [22, с. 177]. В своих работах Фрейд противопоставляет влечение человеческой сексуальности (Trieb) животному инстинкту, подчеркивая тем самым ее сверх- или, точнее, не-природный характер. И для Фрейда, и для Франка [16, с. 388—389] важно прояснить специфику человеческого способа существования не только в единстве, но также одновременно и в разрыве с миром природы. Но при этом психоаналитическая концепция на самом деле не иерархична, поэтому используемый иногда Франком термин «подсознание» (Unterbewußtsein) сам основатель психоанализа отвергает как неадекватный [7, с. 341], а предлагаемую им метафору глубины (Tiefe), разумеется, нет необходимости понимать слишком буквально. Можно сказать, что психоаналитические отношения разворачиваются в одной плоскости, то есть горизонтально, в то время как в религиозной философии Франка уровни бытия располагаются вертикально, сверху вниз.

Однако именно по этой причине русский мыслитель находит возможным, помимо прочего, ставить в заслугу основателю психоанализа также и открытие инстанции Сверх-Я [16, с. 205], посредством которой производится дифференциация интеллигибельного и эмпирического Я на основе совмещающей функции самонаблюдения, идеала и долженствования. Тем не менее стоит отметить, что, по-видимому, для самого Фрейда инстанции психики важно было различить структурно и главным образом темпорально [17, с. 7, 72], избегая иерархической схемы в моделировании психического аппарата.

В эпоху великих «разломов» первой половины XX века Франк, будучи приверженцем философской традиции метафизических систем, возможно, выглядел фигурой уходящего прошлого или, по крайней мере, несколько старомодно, что контрастировало с революционностью Фрейда, но вместе с тем, при всей критической настроенности Франка, инкриминирующего основателю психоанализа натурализм и акцент на низшем в человеке, у русского философа можно все-таки найти также и элементы позитивной рецепции психоаналитической мысли.

Прежде всего и Фрейд, и Франк настоятельно указывают на фундаментальную важность психической реальности человека, то есть того, что прежде зачастую признавалось ненаучным, маловажным, некой аберрацией или неполновесным отклонением. В полном согласии с основателем психоанализа, Франк отмечает значительность таких проявлений душевной жизни как аффекты, сновидения и т.п., а также (как и Фрейд) он указывает на тот факт, что функция сознания не исчерпывает психической жизни человека и поэтому необходимо признать в составе субъективности иное сознания или бессознательное [11, с. 533; 13, с. 209—212].

Кроме того, Франк вслед за основателем психоанализа обращает внимание на факт зависимости ребенка от родителей. И если для Фрейда опыт переживания исходной привязанности (особенно во взаимосвязи с матерью) наделяется решающим значением в процессе становления психики, а также выступает прообразом всех последующих отношений [17, с. 7, 52], то для русского философа очевидно, что уже в раннем детстве можно усмотреть не только первичное обнаружение начала интерсубъ-

ективности [16, с. 121], но также и формирование модели религиозного опыта [16, с. 184].

Особого внимания в теории Франка заслуживает концепция, получившая название «живое знание». По мысли русского философа, истинное познание предполагает не только созерцание объекта, но также обладание им, слияние с ним в таком переживании, которое снимает оппозицию субъект-объект. Предмет знания тогда не является совершенно чуждым и внеположным по отношению к Я, но как бы вырастает из общей стихии жизни [14, с. 359, 361—362; 11, с. 593—594]. Разумеется, эта мысль находит свое воплощение уже в Античной философии у Парменида (постулировавшего единство мысли и мыслимого) и у Аристотеля, который в трактате «О душе» соглашается с Элейцем и замечает, что энергия чувственно познаваемого и способности ощущения — одна и та же [23, с. 157; 2, с. 83, 102]. Легко увидеть, что в психоанализе соответствующим концептом является катексис или нагрузка (Besetzung). Представление Фрейда о загруженности объекта либидо вполне может быть сопоставлено как учению Аристотеля об энергии (ἐνέργεια), так и концепции живого знания.

В своем рассуждении о значении отвержения-неодобрения и принятия-одобрения объектов познания как первичного психического процесса [11, с. 525—526] русский мыслитель предвосхищает (работа Франка «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» была опубликована в 1917 году) идеи статьи Фрейда «Отрицание» (1925): первоначальное Я стремится «интроецировать все хорошее и отбросить от себя все плохое» [18, с. 402]. Также Франк связывает познание с повторением: понять или познать что-либо значит узнать, распознать в новом прежде уже знакомое [12, с. 10]. Здесь русский философ практически дословно воспроизводит ту же мысль, которую Фрейд развивает в своей статье, когда утверждает, что найти объект в реальном восприятии значит снова найти его [18, с. 402].

В философской психологии Франка чрезвычайно важным является представление о единстве и различенности психики. Согласно взглядам мыслителя, Я и другие устойчивые формообразования как кристаллизованная стихия душевной жизни

представляют собой итог постепенной дифференциации, усложнения психического материала [11, с. 517—518], при этом психологический анализ (поскольку душа представляет собой не конгломерат, а скорее органическое целое) раскрывает не части, а функциональные направления в психической жизни [11, с. 506].

Так, в своей работе «Душа человека» Франк различает в психике стихию переживания или душевную жизнь как таковую, предметное знание и самосознание, а в его opus magnum — книге «Непостижимое» (1939) — субъект предстает как непосредственное самобытие, в составе которого Франк различает моменты непосредственности, самости и бытия. При этом Франк подчеркивает неповторимость психического мира человека [13, с. 217], что в психоанализе соответствует представлению о сингулярности субъекта и психоаналитического события.

Для психоаналитической метапсихологии также характерна идея единства и дифференциации (различенности) психики субъекта. По точному выражению С. Шпильрейн «индивидуум есть дивидуум» [21, с. 213], субъект не равен самому себе, поэтому субъективность в психоанализе мыслится как расщепленная субъективность, то есть такое единство многообразия, которое включает сборку парциальных влечений, сознание и бессознательное, различие инстанций и т.д., причем это единство формируется nachträglich как собственная уникальная биография или история идентификаций.

Важнейшим, фундаментальным проявлением (и в то же время конститутивным фактором) душевной жизни человека Франк видит трансцендирование, преодоление замкнутости или автономии собственной самости в наличных условиях функционирования. Психоаналитическая идея расщепленной субъективности находит свое выражение у Франка и в учении о личности, тайна которой, по мнению русского философа, заключается в том, чтобы быть «по ту сторону самой себя» [12, с. 303], то есть именно разомкнутость оказывается главной экзистенциальной характеристикой человеческого модуса бытия, а в определении души первостепенное значение приобретают качества ее

гетерономности, переживания принадлежности к свободной от противопоставления Я и не-Я транссубъективной реальности.

Идея Франка о такой всеохватывающей трансрациональной реальности, которая объединяет в себе тотальность множественности, восходит к представлению В. Соловьева о всеединстве: для него абсолютное первоначало [10, с. 337] есть не только единое и не только многое, но их металогическое единство — ἓν καὶ πᾶν. Конечно же, эта идея всеединства в истории философии уходит корнями в глубокую Античность [22, с. 184]. Признавая влияние на свое мировоззрение религиозно-философской интуиции Соловьева, но называя это влияние бессознательным [16, с. 5], своим единственным учителем философии Франк считал крупнейшего мыслителя эпохи Возрождения — Николая Кузанского [12, с. 6]. Именно у Кузанского русский философ нашел для себя две конгениальные философские идеи: docta ignorantia (ученое или умудренное неведение) и coincidentia oppositorum (совпадение противоположностей) в абсолютной реальности. Можно сказать, что ведущей интуицией и универсальным «инструментом» философского анализа для Франка был сформулированный им принцип антиномистического монодуализма [12, с. 303, 464] в познании реальности, позволяющий ухватить или «объять необъятное», дать описание отличающегося радикальной инаковостью невыразимого основания всего сущего, отрешенного в своей абсолютности, но одновременно всегда являющего свое вездеприсутствие.

Концепция Бога в философии Кузанского представляет собой объединяющий в себе противоположности имманентно-трансцендентный принцип, неиное. Абсолют как совпадение потенциальности и акта Николай называет possest, возможность-бытие [6, с. 145, 151]. Вслед за ним Франк именует трансфинитную реальность по ту сторону противоположностей «сущая возможность» [12, с. 85]. Для русского мыслителя также непостижимость основополагающей реальности обусловлена сверхлогическим единством единства и множественности, раздельности и взаимопроникновения, этого и иного, потенциальности и актуальности, утверждения и отрицания и, в конечном счете, бытия и небытия. Кроме того, важно, что это

относится не только к реальности вообще, но транспонируется на каждый ее элемент, при этом речь может идти о степени более или менее явного выражения металогического своеобразия абсолютной реальности в конкретном случае или событии. Таким образом, классический постулат логического противоречия если и не устраняется совершенно, то, по крайней мере, подвергается существенному ограничению, а логика реальности имеет у Франка параконсистентный характер.

Идея единства возможности и действительности отчасти обнаруживается уже в психологических представлениях Аристотеля: для него душа — форма (действительность, энергия) тела [2, с. 36]. По учению Стагирита, форма, взятая изолированно, то есть помимо материи или содержания, не дает реального присутствия вещи, поэтому душа может рассматриваться и как возможность, поскольку она в некотором смысле является потенцией всего, [2, с. 96, 102] и как возможность способна принимать взаимоотрицающие, противоположные определения [1, с. 245].

Вообще говоря, в психоаналитическом подходе к человеку бессознательное (Unbewußte) представлено исходной гипотезой, первоосновой, не знающей в себе противоречия и отрицания, поэтому оно также может быть помыслено как единство противоположностей, способность совмещать логически противоречивые утверждения, и одновременно пронизывать все структурные формообразования душевной жизни (Я, Оно и Сверх-Я согласно Фрейду в основном бессознательны). Бессознательное — не бытие и не небытие, а несбывшееся. С философской точки зрения концепция бессознательного в антитетическом противопоставлении сознанию коррелирует с концептом материи (или возможности) в философской психологии Аристотеля. У Франка бессознательное проявляет себя как исходная стихия душевной жизни, а с другой стороны — как антиномическая реальность, постигаемая посредством свой непостижимости.

Подводя итог и завершая сопоставление взглядов Франка и Фрейда, можно констатировать, что все вышеизложенное демонстрирует, как русская философская мысль в лице своего самого выдающегося представителя имеет много общего с

психоаналитической теорией и согласуется с психоанализом в том, что человеческая субъективность не может рассматриваться в рамках объективирующего естественно-научного подхода, но требует для своего понимания совершенно особого метода исследования.

Библиографический список:

1. Аристотель. Метафизика. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. — 608 с.
2. Аристотель. О Душе. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 179 с.
3. Бердяев Н. Самопознание // Бердяев Н. Малое собрание сочинений. — СПб: Азбука, 2016. — С. 365—670.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
5. История философии: Запад—Россия—Восток (книга третья: Философия XIX—XX вв.). — М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. — 448 с.
6. Кузанский Николай. О возможности-бытии / Сочинения в двух томах. — Т. 2. – М.: «Мысль», 1980. — С.135—181
7. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.: Высшая Школа, 1996. — 623 с.
8. Овчаренко В. И., Лейбин В. М. Антология российского психоанализа в 2 т. — Т. 2. — М.: Московский психолого-социальный институт; «Флинта», 1999. — 864 с.
9. Переписка С. Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934—1950). — М.: ПСТГУ, 2021. — 960 с.
10. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания / Соловьев В. С. Собрание сочинений и писем в 15 томах. — Т. 1. — М.: ПАИМС, 1992. — С. 250—406.
11. Франк С. Душа человека // Франк С. Предмет знания. Душа человека. — СПб.: «Наука», 1995. — С. 417—632.
12. Франк С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. — М.: АСТ, 2007. — 510 с.
13. Франк С. О природе душевной жизни // Франк С. По ту сторону правого и левого. — Paris: YMCA—PRESS, 1972. — С. 153—239.

14. Франк С. Предмет знания // Франк С. Предмет знания. Душа человека. — СПб.: «Наука», 1995. — С. 35—416.
15. Франк С. Психоанализ как миросозерцание // Путь. — 1930. — № 25. — С. 22—50.
16. Франк С. Реальность и человек. — СПб.: РХГИ, 1997. — 448 с.
17. Фрейд З. Абрис психоанализа. — Ижевск: ERGO, 2015. — 114 с.
18. Фрейд З. Отрицание // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. — Т. 3. — Психология бессознательного. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 397—404.
19. Хоружий С. Философский пароход: как это было // Литературная газета. — 1990, 9 мая. — № 5293 (19). — С. 6.
20. Хоружий С. Философский пароход: как это было // Литературная газета. — 1990, 6 июня. — №5297 (23). — С. 6.
21. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления // Логос. — 1994. — № 5. — С. 207—238.
22. Binswanger L. Freud und die Verfassung der klinischen Psychiatrie // Schweizer Archive für Neurologie und Psychiatrie. — 1936. — Vol. XXXVII. — S. 177—206.
23. Die Fragmente der Vorsokratiker. — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912. — 434 s.

PSYCHOANALYSIS AS MIRRORED IN RUSSIAN PHILOSOPHY: S. FREUD AND S. FRANK

Grigoriev Yuri Dmitrievich
master of psychology,
Saint-Petersburg

Abstract. Psychoanalysis found its reflection in Russian cultural circles during the first third of the 20th century not only in the intellectual milieu of Sigmund Freud’s followers and the activity of the Russian Psychoanalytical Society but also in the works of the distinguished exponent of Russian religious philosophy Semyon Frank. Before the Revolution of 1917, in post-revolutionary Russia and in emigration – in all three periods, his writings reveal elements

of a critical reception of the idea of psychoanalysis. Religious philosophical thought, in its polemics, demonstrates more the negative perception of the Freud’s view of human nature, both in terms of its fundamental prerequisites and its conclusions of the general anthropological character. Even so, Frank’s essential insights, along with a number of his assertions, point to important confluences and thematic similarities between his philosophical doctrine and psychoanalysis.

Keywords: living knowledge, split subject, transcendence, reality, antinomian mono-dualism

2.7. Л. БИНСВАНГЕР МЕЖДУ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛЬЮ И СОВРЕМЕННЫМ ПСИХОАНАЛИЗОМ

Цветкова Ольга Алексеевна
соискатель института философии РАН,
г. Москва

Аннотация. В статье показана продуктивность рецепции психоанализом идей русской философской мысли на примере пересечения психоаналитических положений Людвига Бинсвангера, сформулированных в совместном философствовании с русским философом Семеном Людвиговичем Франком, с гипотезами современного интерсубъективного психоанализа. Представлены теоретические и клинические тезисы Л. Бинсвангера.

Ключевые слова: Л. Бинсвангер, С. Л. Франк, интерсубъективный психоанализ, философия психоанализа

Человеческое существование никогда не есть исключительно дух или инстинкт, это всегда и то, и другое.

Бинсвангер Л. «Бытие-в-Мире»

В настоящее время мы можем оценить степень влияния психоанализа на понимание и раскрытие феномена человека за предыдущее столетие. Однако сегодня, как и в начале XX века, мы наблюдаем тенденцию к сближению психоанализа с естественными науками — медициной и нейрофизиологией — и редуцированию его философского осмысления к натуралистической и сциентистской парадигме.

В то время как объективистский метод, несомненно, принес большие плоды в естественных науках, его применение к гуманитарным наукам основывается на эпистемологической позиции, что ничего неизмеримого не существует. Эта концепция реальности некритически принималась академической психологией в течение почти 100 лет. Объективизм стал догмой,

тиранически навязанным методом исследования человека. Применяя объективизм в исследовании человека, утрачивается сама природа человеческого бытия [16; 18]. Однако тенденция к объективизму прослеживается даже в современном интерсубъективном психоанализе.

В конце XIX века развернулась обширная критика позитивизма. Это послужило фоном критики психоанализа Людвигом Бинсвангером.

Швейцарский психиатр, наряду с З. Фрейдом, одним из первых клиницистов обратился к философии с целью понимания внутренней жизни своих пациентов, развивая в своих исследованиях метапсихологию Платона, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора [2]. Он способствовал перевороту в психиатрии, считая необходимым целостно рассматривать человека, во всей полноте его бытия, в психиатрии так же, как и в других сферах.

Бинсвангер — интересная фигура в интеллектуальной истории XX века не только благодаря его вкладу в психиатрию, но и благодаря его работам, отражающим многие из различных аспектов и этапов субъективистского направления в европейской философии и психологии [15].

Бинсвангер ценил психоанализ за попытку проникнуть во внутренний мир больного, установить понимание его субъективных смыслов и ценностей [9]. С другой стороны, он критиковал З. Фрейда за его редукционизм и попытку описать духовные творения человека, такие как искусство и мораль, с точки зрения влияния инстинктов [6; 7]. Было очевидно, что Фрейд не отказался от понятия «психофизический аппарат» и что центральное теоретическое понятие психоанализа — инстинкт — было скорее биологическим, чем психологическим. Таким образом, Бинсвангер не мог представить психоанализ академической психиатрии как беспроблемную модель психологии, ориентированной на человека. Ему не хватало оснований для взаимосвязи между психиатрией и психоанализом.

Так, швейцарский психиатр делает движение в сторону синтеза психиатрии, психоанализа и философии. В результате его идеи дадут начало формированию экзистенциального психоанализа, дазайн-анализа, феноменологической психиат-

рии, а также движению антипсихиатрии. Идеи Бинсвангера оказывают влияние на философию XX века в лице М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, Ж. Лакана, М. Фуко. В психиатрии концепции Бинсвангера полемизируются в работах таких психиатров как К. Ясперса, К. Шнайдера и Ю. Минковски. Очевиден значимый вклад Бинсвангера в исследования о человеке.

На антропологические концепции Бинсвангера, в свою очередь, оказали влияние, среди прочих, работы Г. Гегеля, М. Бубера, М. Шелера, но главным образом — психоанализ З. Фрейда, феноменология Э. Гуссерля и онтология М. Хайдеггера. Здесь важно отметить, что этот перечень по праву может быть продолжен теоантрополгией С. Л. Франка. Тем более, что сам Бинсвангер, работая над своим главным произведением «Основные формы и познание человеческого существования», называет Франка своим «крестным отцом». «Я сейчас дошел до четвертой и, вероятно, последней большой главы "О сущности психологического познания", которую мне хотелось бы разработать как диалектическое единство любви и заботы, а значит бесконечности и детерминированности, тотальности и конкретности и т.д. Именно Вы в состоянии оценить, что это отнюдь не легкая задача. И именно Вы хорошо поймете, если я скажу, что, с одной стороны, при этом моим крестным отцом будет Гегель, с другой же, Плотин и Семен Франк» (Л. Бинсвангер — С.Л. Франку, 27 октября 1938г. Кройцлинген) [3, с. 344—345].

В этой работе, которую Бинсвангер писал в общей сложности более 20 лет, он ссылается на статьи Франка: «Русское мировоззрение» (1926), «Познание и бытие» (1928), «О метафизике души» (1929), «Абсолютное» (1934), «Непостижимое» (1938) и др. [4; 11].

В ней он развивает идею о том, что человека необходимо постигать через любовь, а не через заботу, как предлагает Хайдеггер. Он говорит о том, что полная реализация человеческого бытия возможна в Мы-бытии, во встречи с Другим. Человек является рожденной возможностью «генерализованного Мы», цель его бытия — реализовать эту возможность в непосредственной встрече «Мы». Dasein может достичь

наиболее полной реализации только совместно с другим, в модусе «Мы». Бинсвангер, таким образом, предполагает, что задача человеческого «Я» состоит в том, чтобы достичь встречи «Я-Ты» в модусе любви. Он утверждает, что любовные отношения — это не просто случайность, а конечная точка траектории, которая уже изначально присуща человеческому «Я».

Для Бинсвангера любовь — это не только сублимированное чувство влечения, но, главным образом, первичная форма бытия-в-мире, способ существования, благодаря которому человек может определить себя как таковой. «Я» не существует изолированно от других, но достигается в отношении к другому.

Бинсвангер отмечает, что, поскольку миропроект человека обогащается и становится более динамичным в бытии-вместе-с-Другим, наиболее полная творческая реализация человека возможна только в любви [8]. Фундаментальный факт человеческого существования — это существование вместе с Другим. Именно концепции «Я и Ты» М. Бубера и концепция любви Франка ложатся в основу его теории интерсубъективности в форме «феноменологии любви» [14, с. 76].

Франк понимает «мы-бытие» как взаимосвязь существования человека со всем сущим, а любовь как плод принадлежности этого существования к царству духа. «Подлинной основой является только то, что больше моего собственного существования; подлинной основой является только "родина", почва, "мы-бытие" и тому подобное; всякая изолированность и трагика случаются уже в рамках этого первичного фундамента и поэтому имеют выход» [3, с. 573]. Бытие дано не как Я, а как Мы. «Нет никакого "моего" и "чужого", нет "внутри" и "снаружи", нет отдельного, замкнутого человека; есть "между", но это "между" находится не в социальном взаимодействии между людьми» [5]; «Мы указывает не на социальность человека, а на устройство его бытия как трансцендирующего к Абсолютному» [4, с. 313].

Бинсвангер и Франк вели переписку на протяжении 16 лет. В письме к Семену Франку (07.07.1942) Бинсвангер писал: «Я рассматриваю свою книгу («Основные формы и познание человеческого существования») как "противовес" "раздуванию"

индивидуального существования, как мы это пережили в экзистенциальной философии и теологии» (Имея в виду представления об индивиде С. Кьеркегора и К. Ясперса) [13, с. 25].

Франк же говорит о работе Бинсвангера как о «поворотном пункте в новейшей немецкой философии» [3, с. 571]. Он отмечает значение идей Бинсвангера на фоне антропологических тенденций европейской философии, подчеркивая значимость идей Бинсвангера в освобождении человека от одиночества и духовного опустошения, привнесенных идеализмом, Э. Гартманом и М. Хайдеггером.

В клинической практике Бинсвангер считает любовь исцеляющим фактором, поскольку она может видеть человека даже в психически больных [12]. В основе же любви лежит доверие. Бинсвангер считал, что психиатры должны использовать ресурсы философии, этики и эстетики, чтобы воспринимать и сопереживать пациенту как страдающей моральной сущности.

Он указывает на значение качества встречи между психиатром и пациентом [2]. В работе с пациентом терапевт должен стремиться именно к встрече, созданию общего пространства Мы-бытия, где происходит взаимопризнание, что и будет любящим способом бытия.

Бинсвангер исследовал различные методы феноменологической философии, включая эмпатию, внутреннее восприятие, сущностную интуицию и анализ выразительных высказываний. Он выявил общие основания этих методов: все они опираются на непосредственное восприятие человека и интуицию, а не на концептуальное знание или формы суждения. Главное целью, таким образом, является понимание человека в непосредственности клинической встречи.

Кроме того, значимым вкладом Бинсвангера было систематическое подчеркивание важности прояснения того, что пациент подразумевает под симптомом или любым другим аспектом своего миропроекта. Психотерапевту не разрешается давать интерпретации чего-либо исходя из заранее установленной системы значений, являющейся изобретением терапевта. Бинсвангер считает необходимым внимательно наблюдать за

миропроектом и отношениями пациентов, чтобы понять конкретные модальности отношений, в которых они участвуют.

Именно в этом заключается его вклад в создание новой формы понимания субъективного опыта и наблюдаемого реляционного мира, который остается актуальным и сегодня. Понимание человека, признание его (высшей формой которого будет любовь) в его уникальном способе бытия и окажет, по Бинсвангеру, главное исцеляющее воздействие [17].

Психоанализ зарождался как интерпсихическая практика, в настоящее же время большое внимание уделяется аспекту интерсубъективного взаимодействия [10]. Идеи аналогичные концепции интерсубъективности Бинсвангера, сформированной благодаря рецепции идей русского философа Франка, мы видим и в современном интерсубъективном психоанализе.

Развитие интерсубъективного психоанализа принято связывать с североамериканскими и латиноамериканскими школами. Переход к интерсубъективности был произведен как на основе селф-психологии, где он сформировался в виде теории динамических систем (Р. Столороу, Дж. Этвудом и Д. Оранжем), так и на основе теории объектных отношений М. Кляйн, идеи которой продолжают У. Бион, А. Ферро, континентальные аналитики, а также латиноамериканские аналитики поля. В этой традиции теория поля формируется на основе гештальт-теории К. Левина и феноменологии М. Мерло-Понти. В продолжение Т. Огден разрабатывает понятие аналитического третьего.

Значительный вклад в развитие теории интерсубъективности вносят Д. Винникот, Х. Кохут и Дж. Боулби. Их эмпирические исследования демонстрируют важнейшую роль взаимодействия с Другим для психического развития. Проводятся также нейрофизиологические исследования, подтверждающие значимость Другого.

В интерсубъективном подходе, однако, встреча аналитика и пациента все же исследуется с феноменологической точки зрения с опорой на гуссерлевское понимание интерсубъективности, где «Я соприкасается с опытом Другого». Аналитик не является более нейтральным интерпретатором, но выступает в качестве Другого, чья субъективность оказывает влияние на

качество отношений с анализантом и на совместный с ним психоаналитический процесс. Психика анализанта не является изолированным объектом психоанализа. Лечение состоит в установлении самостно-объектной связи анализанта и аналитика.

Философия Семена Франка оказала значительное влияние на формирования концепции интерсубъективности Людвига Бинсвангера. Понимание бытия человека может быть достигнуто только через Мы-бытие, опыт интерсубъективного взаимодействия, высшей формой которого является любовь, а не в рассмотрении человека как научного объекта.

С возросшим интересом к проблеме интерсубъективности в XXI веке, идеи Бинсвангера-Франка вновь становятся актуальными. В XX веке философское развитие психоанализа осуществлялось, главным образом, за счет рецепции идеи европейской философии. Однако сегодня она столкнулась с антропологическим кризисом.

Русская философия всегда имела своим объектом человека, особое внимание уделяла его чувственности и страстям, ставила разум, наравне с иррациональными, аффективными сторонами души, как нечто взаимодополняющее, а не взаимоисключающее. Синтез психоанализа и русской философской мысли могут обогатить психоаналитическую теорию и практику, как и в случае совместного философствования Л. Бингсвангера и С. Л. Франка, в результате которого психоанализ получил новое развитие в направлениях дазайн-анализа, экзистенциального анализа и антипсихиатрии.

Библиографический список:

1. Бинсвангер Л. Бытие-в-Мире. — М.: Рефл-бук, 1999. — 332 с.
2. Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. — М.: Территория будущего, 2010. — 640 с.
3. Переписка С. Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934—1950). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. — 960 с.
4. Резвых Т. Н., Аляев Г. Е. Людвиг Бинсвангер: между метафизикой С. Л. Франка и аналитикой присутствия М. Хайдеггера //

Философия. Журнал Высшей̆ школы экономики. — 2020. — Т. 4. — №2. — С. 308—325.
5. Франк С. Л. Душа человека. — М.: Книговек, 2015. — 384 с.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Психология масс и анализ человеческого «Я». — Харьков: ФОЛИО, 2010. — 288 с.
7. Фрейд З. Психология бессознательного. — СПб.: Питер, 2012. — 400 с.
8. Цветкова О. А. Распад интерсубъективности: безумие как невозможность любви (по Л. Бинсвангеру) // Философская антропология. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 159—170.
9. Askay R., Farquhar J. Being unconscious: Heidegger and Freud // The Oxford Handbook of Philosophy and Psychiatry. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 1227—1245.
10. Benjamin J. Intersubjectivity // The Routledge Handbook of Psychoanalysis in the Social Sciences and Humanities. — London, New York: Routledge, 2019. — P.149—168.
11. Binswanger L. Ausgewählte Werke: in vier Bänden. Bd. 2. Grundformen und Erkennhis menschlichen Daseins. — Heidelberg: Asanger, 1993. — 639 p.
12. Binswanger L. Sur la fuite des idees. — Grenoble: Jerome Millon, 2000. — 327 p.
13. Braun H.J., Herzog M. Herausgegeben / Ludwig Binswanger Ausgewahlte Werke: Band 2. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. — Heidelberg: Roland Asanger Verlag, 1993. — P. 15—47.
14. Frie R. Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. — Boston: Rowman&Littlefield Publishers, Inc., 1997. — 227 p.
15. Izenberg G.N. The Background of the Existential Critique // The Existentialist Critique of Freud. The Crisis of Autonomy. — Princeton: Princeton University Press, 1976. — P. 70—107.
16. Kusters W. Philosophy and Madness. Radical Turns in the Natural Attitude to Life // Philosophy, Psychiatry, & Psychology. — 2016. — Vol. 23. — № 2. — P. 129—146.
17. Mahéo G. Binswanger, la réponse de l’amour // Alter — 2012. — № 20. — P. 111—128.

18.Summers F. Psychoanalysis, the Tyranny of Objectivism, and the Rebellion of the Subjective // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. Int. J. Appl. Psychoanal. — 2012. — Vol. 9. — № 1. — P. 35—47.

L. BINSVANGER BETWEEN RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT AND MODERN PSYCHOANALYSIS

Tsvetkova Olga Alekseevna
RAS Institute of Philosophy,
Moscow

Abstract. The article shows the productivity of the reception of the ideas of Russian philosophical thought by psychoanalysis on the example of the overlap of the psychoanalytic positions of Ludwig Binswanger, formulated in joint philosophizing with the Russian philosopher Semen Frank, with the hypotheses of modern intersubjective psychoanalysis. Theoretical and clinical theses of L. Binswanger are presented.

Keywords: L. Binswanger, S. L. Frank, intersubjective psychoanalysis, philosophy of psychoanalysis

2.8. ВЗГЛЯД Ф. В. БАССИНА НА БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Симонова Ольга Александровна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлен обзор на избранный ряд теоретических и экспериментальных исследований Ф. В. Бассина, посвященных проблеме бессознательного, рассматриваемого сквозь призму философского и нейрофизиологического подходов. Бессознательное отражается не в механизмах работы ЦНС, а в объяснении, почему необходимо признать существование бессознательного как одной из форм работы мозга.

Ключевые слова: бессознательное, экспериментальная психология, нейрофизиология, обзор исследований

Проблема бессознательного волновала видных психологов, нейрофизиологов, психиатров и ученых различных областей научного знания всего мира. В данной статье предлагается взглянуть на исследование выдающегося советского психолога и ученого в области нейрофизиологии Филиппа Вениаминовича Бассина, благодаря которому учение Фрейда о бессознательном вошло в историю отечественной науки и было рассмотрено в совокупности с психологическими и нейрофизиологическими исследованиями сознания. Эта статья являет собой цель остановиться на обзоре общей картины исследований ученого, отраженных в работе 1968 года «Проблема бессознательного», которая позволит взглянуть на психоаналитическую теорию с иной стороны и, возможно, заинтересует ближе познакомиться с вкладом Бассина в расширение гипотезы о бессознательном не только как философского учения, но и как научной теории с полученными экспериментальными данными.

Бассин видел направления своих исследований, тесно переплетающихся между собой в психической жизни человека, которые должны быть посвящены механизмам воздействий,

оказываемых бессознательным на активность организма во всей широте и объеме ее проявлений от элементарных основ вегетативной нервной системы до поведения как сложного смыслового проявления [1, с. 30].

Исследователь обращал внимание на безусловное существование разделения между экспериментальным и теоретическим осмыслением, что призывает ученых раскрывать в своей полноте особые методологические приемы, что в свою очередь требует и особого понимания, и специфического истолкования полученных результатов [1, с. 31].

Так, Бассин предлагал анализировать динамику и характер отношений, складывающихся при регулировании поведения между бессознательным и сознанием. Он рассматривал бессознательное как функцию, которую невозможно постигнуть, если исследования о сознательном не приводят в итоге к вопросу о бессознательном как к одной из своих структурных областей [1, с. 362]. Следует рассматривать бессознательное как синтез философской и научной мысли [1, с. 16]. Для того чтобы понять всю многосторонность такого исследования, необходима определенная структура, именно таким образом можно «выкристаллизовать» рациональные слои бессознательного и установить связи этой теории с иными областями науки. В итоге ученый представлял, что бессознательное есть междисциплинарное знание от теории биологического регулирования, нейрофизиологии до психологии творчества, теории искусства, социальной психологии и психологии воспитания [1, с. 16].

В ходе научно-экспериментального анализа Бассин обращался к данным функциональной организации действия и органической основы адаптивного поведения. Ученый говорил о психологической структуре осознаваемых переживаний как сложного феномена, образующегося при наличии определенных предпосылок, а также необходимости продолжительного созревания как в эволюционном развитии человека, так и в нормальном онтогенезе. Таким образом, по мнению автора, очевидно существование неосознаваемых психических явлений в определенном периоде нормального возрастного развития психики [1, с. 363].

У человека со здоровой психикой может полностью отсутствовать осознание реакций на стимулы. При этом при экспериментах наблюдалось отсутствие осознания не только конкретных раздражений, но и мотивов, побуждающих к действию, а если возникали определенные условия, то и отсутствие самих действий [1, с. 363].

Если обратить взор на расстройства осознания переживаний, то на страницах книги мы найдем описание психических заболеваний, которые сопровождаются расстройствами «схемы тела» или отчуждением элементов собственной психики, характерным при шизофрении, когда нарушено сообщение между «Я» и объективным миром, когда патологически переплетаются данные проекции переживаний [1, с. 363].

Бассин говорил о Фрейде как об искусном наблюдателе и интуитивном клиницисте. Регулирующие воздействия, оказываемые бессознательным на поведение, Фрейд обозначил под названием «вытеснение». Согласно этому явлению содержанием бессознательного являются недозволенные желания, мысли, чувства, переживания, воздействие которых оказывается патогенным на поведение. Благодаря вытеснению аффекты никуда не исчезают, а продолжают существовать [3, с. 360]. При этом, по мнению исследователя, далее, когда Фрейд писал про терапевтический эффект, происходящий путем осознания патогенного вытесненного, что в итоге означает «осознание вытесненного» — раскрыто не было [1, с. 96]. Так, автор «Проблемы бессознательного» считает, что терапевтическое осознание — это не просто «ввод в сознание информации о вытесненном событии, а включение представления о событии в систему определенной преформированной установки или же создание такой установки, что вызывает, таким образом, изменение отношение человека к окружающему миру» [1, с. 95]. Здесь ученый говорит о понятии «установка», введенном Д. Н. Узнадзе, которое является важнейшим регулятивным механизмом поведения человека, определяющим его избирательную активность и направление [2, с. 151].

Значительное место в своих исследованиях советский психолог и нейрофизиолог уделял процессам в ЦНС, связанным с неосознаваемой переработкой информации и принципами

неосознаваемой регуляции биологических реакций и поведения, которую стоит рассматривать только «опираясь на так называемую систему правил, определяющих значимость приходящей информации, систему критериев предпочтений, важных для принятия решений, систему направления гибкого реагирования, но все же довольно стабильного, чтобы беспрепятственно оказывать влияние, несмотря на значительное количество принципиально допустимых мешающих воздействий — если не существует предопределяющих установок» [1, с. 367].

Бассин выделял процессы переработки информации, а также формирования и использования установок как две главные функции бессознательного, участвующие в приспособительной деятельности организма [1, с. 368].

Как можно понять, ученый придавал особое значение установкам в связи с теорией о бессознательном, потому как неосознаваемые психические явления, как мы увидели выше, сплетены с функцией переработки информации, и явления эти связаны с функцией формирования и использования установок. Так, ученый задается вопросом, действительно ли сознание может отражать подлинный регулирующий фактор нервной активности или это биологическая ткань, пассивно отражающая содержание материального мира [1, с. 44]?

Таким образом Бассин пытался показать необходимость признать реальность бессознательного. При этом он утверждал, что бессознательное — это не мятежная «обитель глубин души», а «обобщение, к которому мы прибегаем, чтобы отразить способность к регулированию поведения и его вегетативных коррелятов, происходящее без непосредственного участия сознания» [1, с. 378].

В заключении необходимо сказать, что в условиях современного мира бессознательное, несомненно, должно изучаться и рассматриваться не только как уникальное философское понятие, а как целая особая физиолого-психоаналитическая структура неосознаваемого отражения не только внешнего мира, перерабатывающая реакции и сигналы физиологического и психологического характера, но и внутреннего соматического состояния человека как взаимосвязанной единой физиологической и психической системы.

Библиографический список:

1. Бассин Ф. В. Проблема «бессознательного» (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). — М.: Медицина, 1968. — 468 с.
2. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1961. — 210 с.
3. Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1989. — 448 с.

THE VIEW OF F. V. BASSIN ON THE UNCONSCIOUS

Simonova Olga Alexandrovna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents an overview of selected theoretical and experimental studies by F.V. Bassin devoted to the problem of the unconscious, viewed through the prism of philosophical and neurophysiological approaches. The unconscious is not reflected in the mechanisms of the central nervous system, but in explaining why it is necessary to recognize the existence of the unconscious as one of the forms of brain function.

Keywords: unconscious, experimental psychology, neurophysiology, review of research

Раздел 3. ПСИХОАНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В РАБОТАХ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

3.1. ОБЗОР КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЛИЯНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА НА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ МОДЕРНИСТОВ

Топчий Нина Валерьевна
магистрант I курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются историко-культурные особенности периода на рубеже XIX—XX веков, предпосылки возникновения в искусстве движения модерн и влияние психоаналитической мысли на его формирование. Несмотря на все многообразие модернистского искусства, в данной работе рассматривается в большей степени изобразительное направление. При этом в живописи акцентируется внимание на абстракционизме и его создателе, русском художнике В. Кандинском.

Ключевые слова: рубеж XIX—XX веков, психоанализ, модерн, абстракционизм

Введение

Учитывая тенденции современного мира, важно помнить, насколько мировые историко-культурные процессы взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга.

Сохраняется актуальность исследований, изучающих влияние психоанализа на русскую историю, культуру. В данной работе уделяется внимание зарождению нового направления в модерне — абстракционизма, в авангарде которого находится русский художник Василий Кандинский. Написание статьи приурочено к значимой дате — столетию открытия Русского психоаналитического общества, напоминающей нам, что психоаналитическая мысль уже век, в той или иной форме,

открыто или завуалированно, научно или обыденно присутствует в российской культуре.

Данная работа строится на трех ключевых опорах, ставших точками, которые очерчивают поле исследования: историко-культурные особенности рубежа XIX—XX веков, психоанализ, модерн.

Историко-культурный обзор рубежа XIX—XX веков

Исторический контекст или, как говорят режиссеры, «предлагаемые обстоятельства», на фоне которых происходит основное действие, задающее тон повествованию, является сценой, где разворачиваются события, включающие общество и его отдельных представителей, и в то же время является полноправным участником.

Мир на рубеже XIX—XX веков представлял собой особую историческую картину, он все еще включал в себя следы уходящего столетия, неся их далее, и был наполнен тенденциями, в которых вырисовывалось будущее. Порой историки, ориентируясь на события, происходившие в мире, а не на конкретные даты границ веков, в отношении XIX века используют понятие «долгий XIX век», захватывающий начало XX века. «Концепт "долгого XIX века" предполагает не столько когерентность эпохи, сколько внимание к динамике развития: речь идет о поиске "непрерывностей" в истории "переходов и трансформаций"» [10, с. 7].

В то время мир, благодаря научным открытиям, которые облегчали и ускоряли транспортное сообщение, открытие радио и телеграфа, сделавшее распространение информации невероятно быстрым, становился все более интегрирован. Идеи, которые ранее могли десятилетиями оставаться исключительным знанием ограниченного круга лиц или местности, становятся достоянием множества людей, находящихся в достаточном отдалении друг от друга. Важно подчеркнуть, что несмотря на то, что период считается расцветом Европы, активное движение, взаимообмен научными открытиями и идеями пронизывает пространство того времени, включая отдаленные территории, недоступные ранее уголки планеты.

Экономический, промышленный и культурный разрыв между разными частями света и мира увеличивается, центром науки и культуры является Европа. Столь сильное расслоение среди стран обостряет политическую ситуацию, в которой возникает потребность перераспределения ресурсов, территории и сфер влияния. Множественные разносторонние соглашения ключевых держав, формирование нескольких союзов, порой противоречивых, относительно взаимоподдержки друг друга, в результате приведшие к формированию Антанты и Тройственного союза, демонстрируют поиск своего места и сторонников на самом высоком уровне. За короткий период времени исчезают одни государства и создаются другие. Витающее в воздухе напряжение оставляет свой след в настроениях общества, периодически выливающееся во вспышки недовольства, демонстрации, погромы.

В то же время происходили социальные изменения, формирование новых классов, со своими потребностями и проблемами, которые требовали иных решений и реформ. Урбанизация, повышение образованности общества приводят к распространению научных и культурных знаний. Общество начинает функционировать как социальный организм, появляется понятие коллективного образа жизни и средства массовой информации. Формируется явление массовой культуры, которое требует новых идей, доступности, независимости, но предъявляет свои притязания к новым художникам. Начинает меняться отношение к человеку как личности, наделенной индивидуальными правами и желаниями, а не только обязанностями, присущими сословию. Возникают идеи равенства, отдельная личность начинает иметь значимый вес в научных, культурных, политических процессах. Настало время людей, интуитивно чувствующих зов изменений, которые уже набрали критическую массу и требовали своей оформленности и явления миру.

Этот исторический период со всей своей неравномерностью и противоречивостью, стал почвой, которая взрастила личности и их последующие идеи: Зигмунда Фрейда с его психоаналитической теорией и Василия Кандинского с его абстрактной живописью. Известный французский историк Ф. Бродель сказал об этом периоде: «Это был грустный, полный

драматических событий и гениальный век. Грустный, если думать об уродливости повседневной жизни в нем; драматический, если помнить о череде потрясавших его восстаний и войн; гениальный, если иметь в виду научно-технический и даже социальный (хотя и в меньшей степени) прогресс, ознаменовавший данное столетие» [10, с. 9].

Психоанализ

Понятие психоанализа неразрывно связано с персоной Зигмунда Фрейда и его учением о бессознательном, возникшем в конце XIX века и распространившемся ныне по всему миру. Основные идеи Фрейда о психоанализе зародились в конце XIX века, когда новые мысли о причинах симптомов уже присутствовали в научном сообществе, но не были сформулированы в конкретную теорию. Именно Фрейд создал свою концепцию психического аппарата и ввел понятие психической реальности, перевернувшие видение того, как человек мыслит и что является истоком сил, движущих им. Развитием самой психоаналитической мысли, уточнением, доработкой концепции психического аппарата, широтой и глубиной психоанализа в теории и практике Фрейд занимался всю оставшуюся жизнь, на протяжении первой трети XX века.

В его теории особое значение приобретает внутренний мир человека, его личные переживания, уникальность жизненной истории, множественная причинность возникшего симптома. Тем самым Фрейд отходит от привычного врачебного подхода, в котором есть «больной» и «здоровый», набор универсальных симптомов, заболеваний и прописанных мероприятий для излечения. В его видении, определенные организации личностей, вроде истерической или психотической, перестают считаться дефицитарными. В симптомах душевнобольных Фрейд замечает утрированные выражения явлений, встречающиеся в обыденной жизни у здоровых людей. Сами идеи Фрейда в дальнейшем скажутся на более человечном отношении к душевнобольным. Гуманность, проникающая в психиатрические клиники сквозь решетчатые заборы, тоже

является следствием распространения идей психоанализа его последователями.

Фрейд обращает внимание на скрытые процессы, вытесненные истории, придавая особое значение поиску и расшифровке завуалированного проявления бессознательного: оговоркам, опискам, сновидениям. Уделяет внимание, казалось бы, архаичным представлениям, в которых считалось, что в снах людей посещают высшие силы, дающие ответы на терзающие вопросы. Отмечает, что это неосознанные мысли самого сновидца, из которых ученые черпают идеи, а художники и поэты — вдохновение. Для него толкование снов путь к излечению в описанных им клинических примерах. Фрейд возвращает сновидениям, внутренним душевным процессам, важное место в духовной жизни человека, что сближает его со взглядами на мир духовенства и творческого собратства. При этом он остается ученым, подчинившим свое мышление научности и логичности, обладающим смелостью пересматривать собственные идеи, признавая их ошибочность или ограниченность. Его стремление к истине становится важнее общественного мнения, а глубина исследования позволяет сделать логичным и структурированным даже то, что считалось хаосом. «Бессознательное — это не царство слепых сил, а определенная структура, основу которой составляет несколько основных влечений. После этого фрейдовского открытия бессознательное перестало быть темным колодцем, из глубин которого мы можем время от времени извлекать что-нибудь интересное. Оно стало объектом, доступным научному познанию» [11, с. 221]. Теория Фрейда повлияла на появление новых идей в медицине, особенно психиатрии, психологии, философии, культуре и искусстве.

Модерн

Мир перестает быть ограничен лишь природой, что начинает проявляться во многих работах художников. Развитие науки и технический прогресс, появление технических натур воодушевляет художников новыми возможностями. Строения и механизмы становятся полноправными участниками компози-

ций, порой принимая главенствующую или акцентную роль. В то же время появление фотоаппарата и развитие фоторабот отодвинуло на второй план художников, запечатляющих реальность на своих полотнах: будь то портреты, натюрморты или пейзажи, одновременно открыв новые возможности для экспериментов, что, несомненно, привело к кризису в искусстве, и поиску новых проявлений художественного взгляда.

Согласно духу времени, в поисках нового и под влиянием психоаналитической мысли, художники стремятся к первоистокам, устремляют свой взор на примитивные искусства. Переживает новый расцвет увлечение антропологией, египтологией, доисторическим временем. Пристальное внимание уделяют рисункам детей и психически больных, а также созданных в трансовом состоянии, которое достигается благодаря обилию и доступности веществ, изменяющих сознание. В искусстве все большее значение начинает иметь субъективность.

Если на начальном этапе возникновения психоанализа, его влияние на искусство было лишь отзвуком идей бессознательного, в дальнейшем интерес творческих масс возрастает, достигая своего пика в сюрреализме. В изобразительном искусстве появляются не просто обнаженные натуры, присутствовавшие всегда, но они начинают в большей мере выражать эротические фантазии, порой с элементами фетишизма или садизма. Художественное творчество в большей степени визуально, как сны и фантазии, что также позволило идеям психоанализа беспрепятственно проникать в живопись. «Язык в своей непревзойденной мудрости давно решил вопрос о сущности сновидений, назвав воздушные творения фантазирующих также "снами наяву"» [7, с. 236]. Хотя сам Фрейд предпочитал классическую живопись и не одобрял художников модернистского направления, скептически относился к работам, в которых бессознательное слишком на виду, это не мешало модернистам использовать идеи психоанализа прямым или косвенным образом для поиска нового в себе и искусстве.

«Художник — это прежде всего человек, который отвращается от реальности, поскольку он не может смириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений, и удовлетворяет свои эротические и честолюбивые желания в вообража-

емой жизни. Но он находит обратный путь из этого мира фантазий в реальность, благодаря особым талантам преобразуя свои фантазии в особые формы действительности, которые получают признание людей как ценное отображение реальности» [5, с. 37].

В. Кандинский

Василий Кандинский — художник, который родился в России, обучался в Германии, много путешествовал по миру и был современником Фрейда. Чувствительный и думающий мастер привнес в этот мир новое течение модернизма — абстракционизм. Живописец, создающий картины, в которых каждый сможет увидеть свое. Вслед за Фрейдом он предоставляет наблюдателю возможность стать участником и соавтором, оставляет перспективу для свободных интерпретаций зрителя, предоставляя Другому пространство к созданию внутренней реальности на основе его картин. «Мы знаем свойства только нашего "таланта" с его неизбежным элементом бессознательного и с определенной окраской этого бессознательного» [3, с. 60].

В период, когда он постигал живопись, еще только зарождалась идея психоанализа, и его первые работы пришлись на время, когда создавалось новое течение в искусстве. Однако мы замечаем схожесть новаторских замыслов, проскальзывающих еще на неосознаваемом уровне идей о непостижимости глубинный истоков. Кандинский отходит от поиска принципа проявления через внешнее и демонстрирует его через внутренние порывы души, которые вырисовываются в его сначала размытых, а далее все более абстрактных формах, словно находящихся в движении. Полотна, которые не получается охватить взглядом целиком, состоят из огромного числа элементов, периодически попадающих и исчезающих из поля зрения. Внимание к деталям, динамика, уход от внешнего к внутреннему, необыкновенно созвучно проявляющееся в психоаналитической мысли. Он много работал над цветом, считал, что цвет и форма имеют даже большее влияние на восприятие полотен, чем сюжет. В абстрактном искусстве, отталкиваясь от неясных образов, заинтересованный наблюда-

тель может обнаружить очертания, вызывающие личные ассоциации, тем самым открывая путь значимому и вытесненному, в результате чего будет открыто и осмысленно сокрытое в бездне бессознательного.

В логичности, последовательности и методичности Кандинский подобен Фрейду, возникающая вокруг шумиха не является задачей, а становится следствием новаторских мыслей. «Созидание нового занимало Василия Кандинского полностью. Он не стремился ни к иконоборчеству, ни к эпатажу. И хотя в его творчестве были отвага и дерзость, но они были насыщены мыслью, корректны, аргументированы. Человек европейски образованный, литератор, профессиональный музыкант, художник склонный к рефлексии и строгой хотя и не лишенной романтики логики куда больше, чем к громким декларациям, он сохранил достоинство мыслителя, не разменивая его на мелкие межхудожественные споры» [1, с. 107].

Заключение

Ассоциативная связь психоанализа, безумия и искусства закрепится в умах, что в последующий период скажется на гонениях, связанных с «дегенерацией», и в том или ином виде будет подвергаться истреблению.

Модерн, зародившись в конце XIX века, стал одним из символов времени, отразившим в себе целую эпоху. Как и в случае с психоанализом, он сам порождал новые течения и принимал самые причудливые формы. Сложный XIX век считают «золотым веком» мировой культуры.

Психоанализ претерпит множество изменений с переменой отношения как внутри психоаналитической парадигмы, так и в соотношении с другими направлениями во всем мире. В России же он прошел непростой путь от активного развития к опале, а затем — к новому восхождению.

В данной статье, сфокусировавшись на историко-культурных аспектах рубежа XIX—XX веков и обозначив крупными мазками прочие аспекты затронутой темы влияния психоанализа на искусство стиля модерн, местами лишь

набрасывались штрихи ценного иного, оставив изобилие интересного за границами «объектива».

Библиографический список:

1. Герман М. Модернизм. Искусство первой половины XX века — СПб.: Азбука-Классика, 2003. — 408 с.
2. Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 816 с.
3. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 240 с.
4. Фрейд З Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 2 Автопортрет. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2011. — С. 170—209.
5. Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 13. Статьи по метапсихологии. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2020. — С. 29—40.
6. Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 15—16. Статьи по теории культуры. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2020. — С. 93—146.
7. Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 18—19. Об искусстве и художниках. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2021. — С. 229—240.
8. Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 20. Лекции по введению в психоанализ — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2021. — С. 17—84.
9. Фрейд З. Собрание сочинений в 26-ти т. Т. 20. Лекции по введению в психоанализ — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2021. — С. 85—246.
10. Чубарьян А. О. Всемирная история: в 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. — М.: Наука, 2014. — 940 с.
11. Шерток Л., Соссюр Р., де. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. — М.: Прогресс, 1991.—288 с.

REVIEW OF THE CULTURAL AND HISTORICAL FEATURES OF THE INFLUENCE OF PSYCHOANALYSIS ON THE ARTISTIC CREATIVITY OF RUSSIAN MODERNISTS

Topchiy Nina Valerievna
graduate student of East-European Psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract. The article describes the historical and cultural features of the period at the turn of the 19th—20th centuries, the prerequisites for the emergence of the Art Nouveau movement in art and the influence of psychoanalytic thought on its formation. Despite all the diversity of Art Nouveau, this work deals, to a greater extent, with the pictorial direction. At the same time, in painting, attention is focused on abstractionism and its founder, the Russian artist V. Kandinsky.

Keywords: turn of the 19th—20th centuries, psychoanalysis, modern, abstractionism

3.2. МЕЖДУ СНОВИДЕНИЕМ И ПСИХОАНАЛИЗОМ: ДРАМАТУРГИЯ Н. Н. ЕВРЕИНОВА

Славина Ольга Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент,
студент АНОВО «ВЕИП»,
г. Гамбург

Аннотация. В статье описаны исследования драматурга и теоретика театра Н. Н. Евреинова, посвященные сновидениям и их конструированию на сцене, включая создание сновидческой архитектоники. Автор приводит анализ метода Евреинова, его попыток идентификации бессознательного и размещения праобразов в театре. Рассмотрены такие основные понятия теории Евреинова, как двойной театр, инобытие, анфилада и другие, а также их конструирование в мифологическом пространстве.

Ключевые слова: сновидения, идентификация бессознательного, двойной театр, инобытие, миф

Николай Николаевич Евреинов [I] (1879—1953), театральный деятель, теоретик театра и драматург был одной из ключевых фигур Серебряного века и одним из интересных представителей русского зарубежья середины века. Он успешно менял роли — от вездесущего денди и русского Оскара Уайльда в кругу «мирискусников» до строгого масона и профессора в Париже, где он провел почти четверть века.

Предметом сегодняшнего сообщения является пристальное и постоянное внимание Евреинова к сновидениям, которые он не только исследовал в своих теоретических работах, но и конструировал на сценах своих многочисленных, в количестве более сорока, пьес [II], создав определенную сновидческую архитектонику. Это было сделано на основании его теоретических изысканий, которые тогда во многом были инновационны.

Декларацию новой театральности в России Евреинов представил в своей ранней работе 1908 года «Введение в монодраму». Метод Евреинова заключался в распространении

законов театра на любые жизненные процессы. Он был создателем не столько новой теория театра, сколько философии театрализации жизни. Театральность — это не театр, а всеобщая жизненная основа. А наибольшее приближение к монодраме в том смысле, в каком ее понимает Евреинов, «обнаруживается в драматических произведениях, представляющих сон или длящуюся галлюцинацию» [3, с. 104].

В 1911 году в Москве прошел Первый съезд Русского союза невропатологов и психиатров [III]. В 1912 году выходит на русском перевод Зигмунда Фрейда под названием «Психология сна» [IV]. Уже в этом же 1912 году Фрейд напишет Юнгу: «В России (в Одессе), кажется, началась местная эпидемия психоанализа» [18, с.166].

Все в том же, 1912, году, ставшим примечательным для евреиновских мыслей о снах, выходит его следующая работа о театральности — «Театр для себя» [V], название которой превратилось в одно из основных понятий его теории [VI]. В работе развивались представления Евреинова не только о театрализации жизни, но и о сущности сновидения.

В то время (1910—1917) Евреинов работал главным режиссером в театре «Кривое зеркало» [2, с. 5—28], где поставил семь монодрам, одна из которых называлась «Сон» (1913) [VII]. Все в том же 1912 году Евреинов стал сам автором монодрамы, которой гордился, называя «самой оригинальной пьесой в мировой истории театра» [15], с психологическим названием «В кулисах души». Это представление предварял актер-лектор сообщением: «согласно новейшим данным», — самодовольно вещал он, — «человеческая душа не есть нечто неделимое, а состоит из нескольких "Я". Ясно? (Пишет Я=Я1+Я2+Я3)» [4]. Расшифровка формулы производилась по ходу развития сюжета. Сценография изображала пространство грудной клетки — предположительно место расположения души. Сюжет определяла борьба долга, обозначенного Я-рациональным, и любви, обозначенной Я-эмоциональным. Третье Я, называемое Я-подсознательное, не принимало участия в борьбе. Однако после смерти первых двух Я и остановки до того пульсирующего сердца Я-подсознательное пробуждалось.

«Сон (сновидение) — драма нашей собственной выдумки, "театр для себя", где сам себя видишь в произвольной действительности, как на ленте гигантского кинематографа» [10, с. 152], — исходная позиция Евреинова. Евреинов постоянно обращался к сновидениям и теперь, нередко, к Зигмунду Фрейду, которого цитировал и называл гениальным. Библиография его текстов включает множество актуальных на тот момент работ по изучению аспектов сновидений [VIII].

Евреинов был занят попыткой идентификации бессознательного, пытаясь разместить в его сфере и свой театр, и свои сны. Бессознательное (подсознательное) принималось за хранилище того, из чего конструировались сновидения: праобразов, или архетипов. «Что театрализация, в смысле драматизации, является чем-то естественным, природным, прирожденным человеческой психике — в этом нас лучше всего убеждает работа сна, под которой современная психология понимает переработку скрытых в нас мыслей в явное содержание сна» [IX; 11, с. 58—59], — писал Евреинов (1912), добавляя со значением: «как учит Зигмунд Фрейд». Театральный инстинкт, задекларированный Евреиновым и приравненный им к инстинкту размножения и инстинкту самосохранения, ведет к преображению Я.

Театральность сопровождает человека постоянно и проявляется во всем. Фрейд объяснял действия человека подсознательным сексуальным влечением. Евреинов объяснял сексуальное влечение подсознательной театральностью.

Другим основным понятием теории Евреинова был двойной театр [13, с. 5—28], который составляло театральное пространство, сопряженное со сновидческим универсумом. При этом сновидению отводилась основная роль, оно являлось моделью строящегося по законам театра мирового единства и обозначалось как инобытие [8, с. 245].

Инобытие могло принимать формы обычного сна, сна опиумного, сна гипнотического, видения потустороннего мира или того света, а также образ прошлого или пространство мифа. Его двойной театр — это не театр двух пространств, а театр, в котором каждое пространство имеет свое продолжение и

отражение в сновидении. Для своего двойного театра Евреинов строит анфиладу.

В анфиладе — ряду последовательно примыкающих друг к другу пространств, расположенных по оси — определяющим свойством конструкции является сквозная перспектива. В истории европейского изобразительного текста одно из первых ярких изображений анфилады — «Интерьер с женщиной за клавесином» (1600) Эмануэля де Витте. Современную Евреинову анфиладу можно увидеть на картине Феликса Валлотона (рис. 1) [14, с. 23—25].

В сквозной перспективе анфилады Валлотона легко разместить двойной театр Евреинова. Сам Евреинов через четверть века после Валлотона анфиладу зафиксирует в своей парижской квартире сквозным взглядом фотографии (рис. 2) [17].

Рис. 1. Феликс Валлотон «Интерьер с женщиной в красном» (1903).

Рис. 2. Фотография «Evreinov at home on rue d'Alboni, Paris» (1928).

В пьесах Евреинов разработал свою сценографию, и понятие двойного театра получило пространственное практическое оформление на сцене: оно выписано в ремарках и проступает в диалогах. Сценографическая анфилада выстраивается им с помощью проемов — в первую очередь окна и двери.

Наиболее успешная пьеса «Самое главное» (1921) [X] стала первой из трилогии «Двойной театр». Она была необыкновенно востребована в Европе и шла в театрах более 20 стран. Только в Париже в театре Шарля Дюллена «Ателье» (с 1926) спектакль был показан около 250 раз. И даже была экранизирована в 1942 году по сценарию Жана Кокто.

Дверь здесь представлена в рекордном количестве для одной, даже евреиновской, пьесы. Действие начинается ремаркой [7, с. 64] — буквально начерченным Евреиновым планом сцены, на котором — девять дверей, за каждой из которых разыграется отдельный спектакль [XI].

В пьесе «Корабль праведных» (1924—1927) сценография обретает объем, растущий в высоту. В нем каждая часть приготовлена к умножению, анфилада будет иметь версии, например: «Налево, в комнате (начинаясь недалеко от переднего плана и поднимаясь вглубь), примыкает к стене неширокая лестница, ведущая во второй этаж пансиона. Высокая, входная дверь направо, в глубине (ведущая в переднюю) остается почти все время настежь открытой, в противоположность невысокой двери налево, находящейся под лестницей» [5, с. 110]. «На заднем плане комнаты, в амбразуре окна, группируются две барышни с пожилой дамой и капитан» [5, с. 131].

Самая сложная архитектоника придумана для последней пьесы трилогии «Двойной театр» — «Театр вечной войны» (1928). Это театр продолжений отражениями, сцена-экран выполняет роль зеркала. Действие пьесы происходит в театральном училище, здесь множатся не только актерское пространство и его персонажи, но и их ракурсы, бесконечные отражения которых создают фактуру пьесы, напоминающую калейдоскоп. Ремарки становятся многословнее, а дверные проемы — многочисленнее и многообразнее, они завешиваются завесами, превращаются в арки, окна, рамки. Почти неисчисляемое количество дверей сценографии еще больше усиливает

калейдоскопический эффект, всякую дверь можно принять за отражение другой.

Ремарка к первому действию театрализует двери завесами или портьерами, создавая предчувствие пока еще не раскрытых кулис. Они обещают по ходу пьесы сквозной взгляд на возможную тайну, пока зашифрованную: «У самой авансцены — не то арка, не то архитектурная рамка, использованная по бокам сцены, — вблизи рампы, — для создания двух меблированных "уголков" […]. По сторонам этой "арки", крайне незначительной толщины, красуются, сзади нее, раздвинутые в тугие складки части массивной парчовой завесы золотисто-ржавого цвета, с черно-шелковым узором неопределенного рисунка. Того же цвета и с тем же трудноразборчивым узором, видны портьеры над двумя дверями гостиной — направо и налево — остающиеся почти все время открытыми. Дверь же посредине, без всякой портьеры над нею, очень широкая, раздвижная, похожая своими матовыми стеклами на дверь классной комнаты или кабинета в банкирском доме […]» [9, с. 182].

В другом действии анфилады сплетены в многоуровневый лабиринт: «В первом этаже — большая, занимающая ширину всей сцены, неглубокая веранда, спускающаяся двумя ступенями к рампе. […] Посреди веранды — дверь, ведущая в коридор, пролегающий между двумя рядами комнат; по бокам двери — большие завешанные окна, из коих лишь одно — правое от двери — открыто настежь, позволяя догадываться, что за ним кабинет. […] Над верандой — слегка покатая крыша, на которую выходит — окаймленная невысокими перилами — дверь посредине и окна по бокам» [9, с. 227].

Ссылаясь на ученика Фрейда Карла Абрахама (1877—1925), Евреинов называет сновидение мифом [XII] своего театра, а в мифологическом пространстве у его обитателей должен быть архетипический предок. Символ является средством его выявления, но его можно принять за маску. Например, такой разговор персонажей подчеркивает принципиальную роль маски в теории Евреинова:

«*Ю-Джэн-Ли*. (подносит свой шейный крест к губам.) Я клянусь тебе в этом!

Директриса. Чем ты клянешься?!! (Срывает с нее крест. Вновь раздается оглушительный удар грома.) Я не дам тебе прятаться под этой маской!!!

Ю-Джэн-Ли. Приди в себя!.. Сумасшедшая! Я клялась символом, а не маской» [9, с. 279].

Маска и символ у Евреинова взаимосвязаны. Маска превращается в узор занавеса, становится средством связи с мифом, средством скрепления анфиладных пространств и может стать символом, например, на занавесе: «полы завесы медленно сдвигаются, обнаруживая на ней, словно цветы на обоях, четкий узор черных полумасок, затканных на золотисто-ржавом фоне» [9, с. 207]; или: «зритель как бы переносится в другой театр и перед ним возникает неглубокая, занимающая лишь просцениум и "первый план" сцена, ограниченная задником, испещренным красными, стилизованными языками оранжевого пламени, струи дыма от которых, сливаясь, образуют наверху задника изображение огромной скорбной маски» [5, с. 125].

И здесь Евреинов уже противоречит Фрейду, открывая свой путь к бессознательному. Маска Евреинова может становиться символом, если через нее открывается сквозной взгляд в его анфиладу, ведущую в бессознательное и сновидения.

Примечания:

[I] Родился в Москве в семье инженера путей сообщений и французской аристократки. В 22 года закончил Петербургское училище правоведения и начал работу в министерстве путей сообщения (до 1914 года). Одновременно изучал философию в Петербургском университете и обучался композиции в консерватории в классе Римского-Корсакова и Глазунова. Известность как драматург получил в 1905 году: его пьесу поставил Александринский театр. С 1925 года жил и работал в Париже.
[II] Евреинов написал более 40 пьес и 7 киносценариев. Три пьесы-трактата: «Самое главное» (1921), «Корабль праведных» (1924—1927), «Театр вечной войны» (1928), образовавшие философскую трилогию «Двойной театр», и пьеса «Чему нет

имени (Бедной девочке снилось)» (1935—1937) составили наиболее значительную часть его драматургии.
[III] Это было сразу после II Международного психоаналитического конгресса в Нюрнберге, когда были учреждены национальные общества в Берлине, Вене и Цюрихе. Новое Правление Русского Союза невропатологов и психиатров выбрало председателем Н. Н. Баженова (1857—1923), он же был председателем Московского литературно-художественного кружка и видным масоном [16].
[IV] Более точное название «О сновидении» — краткое изложение основных положений «Толкования сновидений» 1900 года [13].
[V] Следующие работы о театральности: «Театр для себя» (1912) и «Театр как таковой» (1915—1917).
[VI] Следующая была — «Театр как таковой» (1915—1917).
[VII] Автором ее был Борис Гейер, также как и других монодрам, исследовавших жизнь души: «Воспоминание», «Вода жизни», «Что говорят — что думают».
[VIII] Среди них, например, — монография русского автора, Манасеиной Марии, «Сон как треть жизни человека», или «Физиология, патология, гигиена и психология сна» (1892).
[IX] «Что театрализация, в смысле драматизации, является чем-то естественным, природным, прирожденным человеческой психике — в этом нас лучше всего убеждает "работа сна", под которой новейшая психология понимает переработку скрытых в нас мыслей в явное содержание сна. — Сновидение почти всегда состоит из зрительных картин (ситуаций), причем — как учит Зигмунд Фрейд, понимающий в своей гениальной "Психологии сна" (1912) ситуацию как "драматизацию", — оно, т. е. сновидение, "лишь очень редко дает точную, без всяких примесей репродукцию действительных сцен". Сновидение, согласно "фрейдовской науке", есть образное использование желания, которое, быть может, потому только и "применяется доверчиво, что является нам в виде зрительного восприятия". (Мы верим только нашим глазам: отсюда убедительность всего зрелищного, т. е. театрального.) "Чтобы помнить сновидение, — необходимо подвергнуть психический материал сгущающей прессовке, внутреннему раздроблению, перемещению и,

наконец, избирательному воздействию со стороны наиболее годных для образования ситуаций составных частей… Если мы представим себе, например, задачу, заключающуюся в том, чтобы заменить фразу из какой-нибудь руководящей статьи или судебной речи рядом картинных изображений, то мы легко поймем, какие изменения вынуждена производить сонная психика в целях картинности сновидения". Самая отвлеченная мысль инсценируется нами во сне без малейшего участия нашего сознательного "я". […] Но главное доказательство естественности театрализации, какое мы можем почерпнуть из учения Фрейда, состоит в том, что результат анализа сонной психики приводит к выводу, что "мысль, выражающая пожелание в будущем, заменена (во сне) картиной, протекающей в настоящем". То же самое, по существу, мы склонны беспрерывно проделывать и наяву, потому что, вечно недовольные действительностью, мы обращаем наше желание будущего изменения ее в некий факт настоящего, эфемерный, но "убедительный", как создание сна. Это обращение и есть театрализация» [11].

[X] Пьесе «Самое главное» сопутствовал эксперимент поклонника Евреинова Н. П. Ижевского по театротерапии (1920). В 1921 в единой трудовой школе был поставлен спектакль «Так было — так не было» [6]. Он взял как материал для спектакля реальные отношения учеников класса — ситуацию, возникшую между одной девочкой и несколькими мальчиками. Девочка стала Коломбиной, а мальчики — Франтом, Доктором Фаустом, Пьеро, Арлекином, Человеком без маски. «Это был замечательный опыт коллективного психоанализа, произведенный сценически. […] Это была "театрализация жизни" в лучшем смысле этого понятия, "театр для себя"» [12].

[XI] Пьесы приготовлены доктором Фреголи и будут разыграны для персонажей специально нанятыми им актерами для преображения как первых, так и вторых. Симптом Фреголи — бредовая убежденность в том, что мнимый преследователь постоянно меняет свою внешность до неузнаваемости, появляется у лиц, страдающих бредом преследования. Происходит от имени итальянского актера Леопольдо Фреголи (1867—1936), славившимся умением менять внешность по ходу действия. В

романе Набокова «Отчаяние» (1934) главный герой переодевается «необычайно быстро, с легкой стремительностью некоего Фреголи». Синдром впервые описан в 1927 году в статье П. Курбона (P. Courbon) и Дж. Фейла (G. Fail) «Syndrome d'illusion de Frégoli et schizophrénie».
[XII] Евреинов в связи с этой темой ссылается на работу Абрахама Карла в русском переводе [1].

Библиографический список:

1. Абрахам К. Сон и миф. Очерк народной психологии. — М.: Современные проблемы, 1912. — 114 с.
2. Джурова Т. Николай Евреинов: Театрализация жизни и искусства // Оригинал о портретистах. — М.: Совпадение, 2005. — С. 5—28.
3. Евреинов Н. Введение в монодраму // Демон театральности. — М. СПб.: Летний сад, 2002. — С. 99—115.
4. Евреинов Н. В кулисах души // Драматические сочинения. В 3 т. Т. 3. — СПб.: Сириус., 1923. — С. 33—47.
5. Евреинов Н. Корабль праведных // Двойной театр. — М.: Совпадение, 2007. — С. 110—131.
6. Евреинов Н. О новой маске. — Петроград: Издание 13-й Советской Трудовой школы., 1923 — 252 с.
7. Евреинов Н. Самое главное // Двойной театр. — М.: Совпадение, 2007. — С. 25—108.
8. Евреинов Н. Сатирическая доминанта в творчестве Ильи Саца // Оригинал о портретистах. — М.: Совпадение, 2005. — С. 245—259.
9. Евреинов Н. Театр вечной войны // Двойной театр. — М.: Совпадение, 2007. — С. 182—279.
10. Евреинов Н. Театр для себя. К философии театра // Демон театральности. — М. СПб.: Летний сад, 2002. — С. 131—241.
11. Евреинов Н. Театрализация жизни. Театр как таковой // Демон театральности. — М. СПб.: Летний сад, 2002. — С. 58—59.
12. Казанский Б. Метод театра: Анализ системы Н. Н. Евреинова. — Л.: Academia, 1925. — 172 с.

13. Максимов В. Философия театра Николая Евреинова // Евреинов Н. Демон театральности. — М., СПб.: Летний сад, 2002. — С. 5—28.
14. Суважицкая (Славина) О. О театральности живописи Феликса Валлотона (1865—1925). Улики театра // Новый мир искусства. — 2008. — № 61 (2). — С. 23—25.
15. Тихвинская Л. Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 527 с.
16. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. — СПб.: Медуза, 1993. — 463 с.
17. Ardis A. Life as theater: Five modern plays by Nikolai Evreinov. — Michigan: Ardis, 1973. — 272 p.
18. Jons E. The Life and Work of Sigismund Freud. — Vol. 2. — New York: Basic books, Inc., 1955. — 512 p.

BETWEEN DREAMS AND PSYCHOANALYSIS: DRAMATURGY OF N. N. EVREINOV

Slavina Olga Yur'evna
candidate of Philological Sciences, senior lecturer,
student of East-European Psychoanalytical Institute,
Hamburg

Abstract. The survey of dreams and their construction on stage, including the creation of dreams' architectonics by dramatist and theatre theorist N. N. Evreinov is described in the article. The author gives the analysis of the Evreinov's method, his attempts to identify the unconscious and to place the pre-images in the theatre. Such basic notions of the Evreinov's theory, as dual theatre, otherness, enfilade and others, as well as their formation in the mythological space are considered.

Keywords: dreams, identification of the unconscious, dual theatre, otherness, myth

3.3. ДОКТОР ЧЕХОВ И ЕГО КЛИНИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ

Строгонова Евгения Юрьевна
магистрант II курса АНОВО «ВЕИП»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых повестей Антона Павловича Чехова. Сам Чехов выступает как мастер описания клинических случаев в образной, содержательной и краткой форме. Его повести того времени позволили заглянуть в психотическую структуру субъекта, не как в медицинский диагноз, а в каждый случай изнутри болезни, они повествуют «языком самой болезни».

Ключевые слова: Чехов, клинический случай, психиатрия, психопатология, психоз, душевная боль

Фрейд не раз уповал на то, что без литературы психоанализ не существует. Психоанализ являет собой литературу. В русской литературе мы также можем это проследить, как то, что должно быть скрыто, но оказалось обнародованным. Как то, что дает нам помимо проживания прекрасного и привычного еще и то, что отталкивает, взламывает, сталкивает с непостижимым.

Мы находим анализ текстов Гоголя, Достоевского, Пушкина в трудах Ивана Дмитриевича Ермакова (1875—1942), одного из пионеров русского психоанализа, психиатра и ученика В. П. Сербского.

Однако, не менее заслуживавший внимания, мастер описания клинических случаев, Антон Павлович Чехов, остался незамеченным. В рассказах Чехова мы обнаруживаем весьма содержательную, краткую и довольно образную форму описания клинического случая, позволяющую передать то отношение к болезни и ее субъекту, которое стало специфической особенностью психоанализа.

В рассказах Чехова нам открывается несовпадение внешней, академической, медицинской, и внутренней, психологической, картины душевного расстройства. Мы обнаруживаем в них повседневность и прозаичность безумия. Оно не противопо-

ставлено разумному миропорядку, но вписано в него и из него проистекает.

Почему доктор? Антон Павлович Чехов учился на медицинском факультете Московского университета с 1879 по 1884 годы.

Известно, что в годы студенчества Чехов был учеником Московского профессора Г. А. Захарьина — основателя русской психотерапии. Его лечебный метод заключался не просто в механическом собирании сведений о заболевании, а представлял собой творческий процесс клинического мышления, устанавливающий основной диагноз и сопутствующие расстройства на основе особенностей больного, в том числе психологических. Возможно, учение Захарьина и сопутствовало акцентированию Чехова именно на психологии больного.

Г. И. Россолимо — психолог, психоневролог и психиатр, пишет в своих воспоминаниях: «Чехов был примерным студентом и, несмотря на отвлекавшие его с первых же курсов писательские дела, с полным успехом изучил медицинские науки. Характерный эпизод произошел в связи с этим после одного нашего с ним разговора о необходимости профессору при описании болезней подходить и со стороны переживаний самого больного. Он выразился так: "Вот я страдаю, например, катаром кишок и прекрасно понимаю, что испытывает такой больной, какие душевные муки переживает он, а это редко врачу бывает понятно. Если бы я был преподавателем, то я бы старался возможно глубже вовлекать свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента, и думаю, что это студентам могло бы действительно пойти на пользу"» [2, с. 436].

Это дореволюционное время ознаменовано в психологических кругах возвращением А. И. Осипова в Москву с европейских учений и отмечено повсеместным увлечением психиатрией.

Чехов также начал тяготеть к психиатрии. Не раз он говорил: «Изучайте медицину, дружок, — если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это помогло и предохранило от ошибок», [2, с. 240] — так убеждал Чехов начинающую писательницу Т. Щепкину-Куперник. Чехов говорил, что стал бы психиатром, если бы не стал писателем.

В подтверждение проницательности Чехова как психиатра можно привести случай, описанный К. Станиславским: будучи в гостях, Чехов долго и пристально рассматривал одного человека, господина Н., буйного весельчака, «душу общества»; когда тот ушел, Станиславский подошел к Чехову и спросил, что вызвало у него такой глубокий интерес. «Да ведь это законченный самоубийца!» — ответил Чехов. Все были поражены, и никто не поверил, но через несколько лет этот человек действительно покончил с собой [2, с. 400].

Многие из своих произведений, созданных до февраля 1895, Чехов считал написанными на психопатологические темы. Термин «психопатология» в официальной науке того времени означала сумасшествие.

Такие произведения, как «Палата № 6», «Припадок» и «Черный монах» мог написать не просто пишущий врач, а именно «медицински мыслящий» в понимании Чехова писатель. И. И. Ясинский свидетельствует, что Чехова крайне интересуют всякие уклоны так называемой души.

В одном интервью с режиссером театра Важди Муавадом, который ставил пьесы по Чехову, его спросили о том, с чем примиряет Чехов в своих повестях, и он ответил: «с тем, что жизнь оказалась безнадежно загубленной. И примирить он пытается, вводя юмор, необходимый, чтобы посмеяться над собой, когда вдруг понимаешь, что твоя вера и гроша ломаного не стоит, что лишь зазря обманывал себя и ошибся даже в любви» [1, с. 1].

Достаточно интересно напоминает психоанализ, где мы также встречаемся с иллюзиями и воображаемым регистром, символизируя или, даже сказать, кастрируя его в кабинете путем артикуляции.

Часто Чехова называют революционером в театре, как собственно и Фрейда, только в области психоанализа.

В повести «Моя жизнь» Антон Павлович подводит весьма психоаналитический итог всей своей жизни через описание героя Мисаила: «Ничто не проходит. Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни» [6, с. 101].

Для написания некоторых своих повестей Чехов обращался к прочтению и изучению «Отчета по осмотру русских психиатрических заведений», написанного врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским.

Мы можем на основании этих повестей проследить, как проживали люди свои психические проявления изнутри болезни и что встречалось в обществе того времени из уст непосредственно писателя-врача, имеющего отношение к медицине и психиатрии.

Мы можем предположить, что в чеховских повестях психического толка можно столкнуться со своего рода «наслаждением», где замешаны такие понятия, как возвышенное (утренняя роса, наивность глаз) и жуткое (в форме бреда, припадка и убийства).

Рассмотрим некоторые его любопытные повести 1880—1890 годов.

Повесть «Черный монах» можно рассматривать как клинический случай паранойи, вызванной бредом величия.

Психоз, как мы знаем, это определенная структура психики, и пока психоз не принял форму развязанного, он может встречаться не только в психиатрических лечебницах, но в обычной жизни, среди нас. Психотики — часто абсолютные интеллектуалы, начитанные и весьма интересные собеседники. Как мы и видим у героя Чеховской повести Андрея Васильевича Ковригина, интеллектуального магистра и ученого, занимавшегося философией и изучением языков.

Чехов прекрасно продемонстрировал, как развязывается психоз. В самый, казалось бы, счастливый момент жизни Ковригина, когда еще все лето впереди, когда внутри он улавливает радостное и молодое чувство, когда он влюбляется и увлекается девушкой Таней, когда просыпавшееся в нем впечатления прошлого сливаются вместе, когда каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия. Ни о каком кризисе речи и нет. Только своеобразное расширение чувств и впечатлений. Крючок или так называемая пристежка к развязыванию психоза зацепилась за легенду, которая внезапно стала занимать Ковригина — про одного монаха из пустыни где-то в Сирии или Аравии. Он не мог вспомнить, откуда эта легенда попала в

голову, но появляется уверенность в том, что через тысячу лет это снова произойдет и монах покажется людям, и как будто именно сейчас эта тысяча лет уже на исходе.

В этой повести мы наблюдаем манию величия во всей ее полноте исключительности и избранности, данной не кем-то, а самим Богом: «Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на тебе божественную и, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, тому, что вечно» [5, с. 85].

Информацию о лечении мы можем взять из повести и отчета Архангельского: применяли бромистые препараты, теплые ванны, строгий надзор.

Когда Ковригин был выписан и находился в относительно здоровом состоянии, он чувствовал себя весьма паршиво и раздражительно, не мог справиться с осознанием своей посредственности и вымещал на ни в чем неповинным людях свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью.

Сам он скажет, что он — посредственность, и охотно мирится с этим, так как, по его мнению, каждый человек должен быть доволен тем, что он есть.

Также нельзя упустить из виду и деталь, описанную Чеховым, тоже весьма неслучайно: Ковригин был словно ребенок, психоаналитическим языком — объектом, а не субъектом. Таня и ее отец Егор Семеныч были ему самыми близкими и родными людьми, с ними прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе, словно он попадал в детство, и следом — вторая его жена, которая, как отмечает Чехов, была несколько старше его, ухаживала за ним как за ребенком.

В повести «Страхи» мы также сталкиваемся с тем жутким, близким к бреду преследования, что может отнести нас к регистру реального, говоря лакановским языком, — тому, что мы не можем символизировать и объяснить.

«"Странно, очень странно", — думал я, теряясь в догадках. И мною мало-помалу овладело неприятное чувство. Сначала я думал, что это досада на то, что я не в состоянии объяснить простого явления, но потом, когда я вдруг в ужасе отвернулся от огонька и ухватился одной рукой за Пашку, ясно

стало, что мною овладел страх. Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, точно меня против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму, где я один на один стоял с колокольней, глядевшей на меня своим красным взглядом» [3, с. 64].

Случай повторяется, и уже второй раз приходит в образе вагона в однообразном гуле ночи и следом во взоре собаки. «Я сел на пень отдохнуть и начал рассматривать своего спутника. Он тоже сел, поднял голову и устремил на меня пристальный взор. Он глядел и не моргал. Не знаю, под влиянием ли тишины, лесных теней и звуков. Или, быть может, в следствии утомления, от пристального взгляда обыкновенных собачьих глаз мне стало вдруг жутко» [3, с. 66].

В повести «Припадок» мы видим, что Чехов во всей своей точности обрисовывает «транзитивизм», подразумевая его связь с психотическим расстройством. «Как хороший актер отражает в себе чужие движения и голос, так Васильев умеет отражать в своей душе чужую боль. Увидев слезы, он плачет; около больного он сам становится больным и стонет; если видит насилие, то ему кажется, что насилие совершается над ним» [4, с. 78].

Также в этой повести мы находим довольно глубокое описание внутренней душевной боли, которую герой жаждет перекрыть телесной болью, обманчиво себя убеждая, что физическая боль может хоть как-то отвлечь от мучающей изнутри душевной.

«Все внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние. Указать, где она, он мог: в груди, под сердцем, но сравнить ее нельзя было ни с чем. Раньше у него бывала сильная зубная боль, бывали плеврит и невралгии, но все это в сравнении с душевной болью было ничтожно. Чтобы отвлечь свою душевную боль каким-нибудь новым ощущением или другой болью, не зная, что делать, Васильев, плача и дрожа расстегнул пальто и сюртук и подставил свою голую грудь сырому снегу и ветру. Ему захотелось броситься вниз, в бурливую Яузу, не из

отвращения к жизни, не ради самоубийства, а чтобы хотя ушибиться и одною болью отвлечь другую» [4, с. 78].

В повести «Спать хочется» Чехов показывает жуткое через убийство маленького кричащего ребенка как части себя, того, что, как кажется, не дает покоя и криком воет изнутри. «Ребенок кричит и изнемогает от крика. Варька все понимает, всех узнает, но сквозь полусон она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, и прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам» [4, с. 3]. В конце этого убийства Чехов пишет, что она спит уже так крепко, как мертвая. Из чего становится понятно, что, убивая вовне, она убивает себя. Крики извне — как отражение кого-то кричащего внутри себя.

Эти повести того времени позволили заглянуть в психотическую структуру субъекта не как в медицинский диагноз, а в каждый случай изнутри самой болезни, и, если можно так выразиться, они повествуют «языком болезни». Их также сложно назвать просто выдуманной повестью, скорее чем-то приближенным к клиническому описанию существующих наяву случаев, актуальному и по сей день.

Библиографический список:

1. Нуриев В. Важди Муавад: Чехов узурпирован психоанализом [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2010. — URL: https://www.ng.ru/archivematerials/2010-01-01/86_moawad.html (дата обращения 10.02.2023).
2. Чехов А. П. в воспоминаниях современников, серия литературных мемуаров. — М.: Художественная литература, 1986. — 754 с.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Рассказы, юморески. — М.: Наука, 1974—1982. — 211 с.

4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. Рассказы, повести. — М.: Наука, 1974—1982. — 246 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Рассказы, повести. — М.: Наука, 1974—1982. — 181 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. Рассказы, повести. — М.: Наука, 1974—1982. — 179 с.

DR. CHEKHOV AND HIS CLINICAL CASES

Strogonova Evgeniya Yur'evna
graduate student of East-European psychoanalytical Institute,
Saint-Petersburg

Abstract: This article presents an analysis of some of Anton Chekhov's novels. Chekhov himself acts as a master of describing clinical cases through the prism of inner experience and mental pain. His novels of that time provided a glimpse into the psychotic structure of the subject, not as a medical diagnosis, but into each case from within the illness itself; they narrate «in the language of the illness itself».

Keywords: Chekhov, clinical case, psychiatry, psychopathology, psychosis, heartache

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беркутова Вероника Валерьевна — филолог, психоаналитик, научный сотрудник научно-исследовательского отдела, старший преподаватель кафедры теории психоанализа АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: veronika.berkutova@yandex.ru

Григорьев Юрий Дмитриевич — магистр психологии, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: theophil@mail.ru

Исакова Елена Николаевна — магистрант II курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: ko-lenka-a@mail.ru

Кадис Леонид Рувимович — психотерапевт Центра свт. Василия Великого, судебный эксперт, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: k_leon@list.ru

Кудрявцева Маргарита Борисовна — психоаналитик, Россия, Москва.
E-mail: margkudr@yandex.ru

Кузьмина Анна Викторовна — куратор Музея сновидений Зигмунда Фрейда, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: anna.cuz2012@yandex.ru

Лукашева Юлия Владимировна — магистрант II курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: yulia.lukasheva@yandex.ru

Мануйленко Оксана Юрьевна — психоаналитик, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: ksyusha805@yandex.ru

Решетников Михаил Михайлович — доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: veip.sol@mail.ru

Рудич Светлана Алексеевна — бакалавр IV курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: singinova@yandex.ru

Сак Юлия Петровна — аналитический психолог, Белоруссия, Минск.
E-mail: sak_julija@mail.ru

Симонова Ольга Александровна — магистрант II курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: simonosla@yandex.ru

Славина Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, студентка базового курса по Юнгианскому анализу АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Германия, Гамбург.
E-mail: olja.slavina@gmail.com

Стрелкова Ралина Владимировна — психолог в ГК Innostage, магистр психологии, студентка II курса Института Психологии и Психоанализа на Чистых прудах, Россия, Казань.
E-mail: angel-paggi@mail.ru

Строгонова Евгения Юрьевна — магистрант II курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: evgenia.strogonova@mail.ru

Топчий Нина Валерьевна — магистрант I курса АНОВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: niyatopchy@yandex.ru

Цветкова Ольга Алексеевна — клинический психолог, психоаналитический психотерапевт, преподаватель Московского Института Психоанализа, соискатель Института Философии РАН, член ЕКПП, Россия, Москва.
E-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕРИЯ: «Эпоха психоанализа»

Рекомендуется к печати научно-исследовательским отделом АНОВО «ВЕИП» (Протокол № 2 от 12.12.2022 г.).

Издательство «ВЕИП»
197198, Санкт-Петербург, Большой пр. ПС, д. 18, литер А
Тел./факс:
8 (800) 3333-77-6

Тираж 1000 экз.